

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СИЦИЛИИ.

CLARYBES.

Stretto di Messina.

Ann. d. M. C. C. C. C.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СИЦИЛИИ,

въ 1822-мъ году.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1828.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СИЦИЛИИ,

ВЪ 1822-МЪ ГОДУ;

А. Норова.

L'Italie et la Grèce ensemble confondues...

(S^t. Victor. *le Voyage du poëte.*)

.....
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
.....

ВЪ Типографіи Александра Смирдина.

1828.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

**съ тѣмъ , чтобы по напечатаніи , до выпуска изъ Типо-
графіи, представлены были въ Главный Цензурный Ко-
митетъ семь экземпляровъ сей книги, для доставленія
куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ.
Сентября 19 дня 1827 года.**

Цензоръ Константинъ Сербиновичъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
ГОСУДАРЮ, ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
МИХАИЛУ ПАВЛОВИЧУ.

*Съ благослышаніемъ посвящаетъ,
созинитель.*

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Избравъ изъ пупевыхъ записокъ моихъ, опрывокъ относящійся до Сициліи — я имѣлъ въ виду, что оспровъ сей, до селъ еще мало посѣщаемый пупешеспвенниками, можетъ болѣе занять вниманіе чипапелей, чѣмъ иная спрана, ежегодно обозрѣваемая и описываемая. Сицилія, есть одно изъ пѣхъ мѣстъ земнаго шара, копорья сильно дѣйствуютъ на воображеніе. Многіе геніи древности обязаны ей своими вдохновеніями. Какой философъ или напуралиспъ, не погрузился въ задумчивость при взглядѣ на феномены ея природы? Какой поэтъ или живописецъ не воспламенился ея райскимъ небомъ, великолѣпіемъ несравненныхъ ландшафтовъ, вслчїемъ древнихъ храмовъ, возвыщающихся или поверженныхъ на берегахъ моря? — Я останусь довольнымъ, если книга моя пробудитъ въ чипапеляхъ пѣ мечпы кои родила во мѣ земля сія.

Сожалю, что не имѣю способвъ издать принадлежащее къ сему пупешеспвію, большое собраніе живописныхъ видовъ. Главная часть опыхъ, состоиптъ изъ *смѣлыхъ* рисунковъ извѣспнаго нашего пейзажиспа Г-на Маш-

VI

вѣсва, который, по долготѣпнемъ пребыва-
ніи въ Италіи, недавно кончилъ жизнь свою
въ Римѣ. Буду надѣяпсья, что время пред-
ставипть мнѣ случай сдѣлапть извѣспными сіи
прекрасныя произведенія Русскаго художника.

Въ заключеніе, прошу у моихъ чипаппе-
лей снисхожденія къ пѣмъ неисправноспямъ,
кои могупть вкраспсья въ книгу, изданную въ
опсупспствіе сочинипеля.

П О Я С Н Е Н І Е

видовъ , карты, плана, медалей и виньетовъ, принадлежащихъ къ сему Путешествію.

В И Д Ы:

1. *Charybdis. Stretto di Messina.* ХАРИБДА (передъ заглавнымъ листомъ 1-ой части; описаніе же сего вида находится во II-й ч. Гл. XVII стр., 2—5.)

Сей знаменитый водоворотъ представленъ на первомъ планѣ сего ландшафта, при W вътрѣ соединеннымъ съ печеніемъ изъ Тирренскаго моря; волны по направленію къ SW, стремятся къ кося маяка Св. Салвадора, откуда снятъ сей видъ.—На противоположномъ берегу Калабрин, виденъ городокъ *Сцилла* съ ужасными скалами сего имени.

2. *Selinus. Selinunto.* СЕЛИНОНТЬ. (Ч. I. противъ стран. 162.)

На первомъ планѣ представлены колоссальныя развалины храма Юпитера, описаннаго на стран. 163 — 4-й. Прочіе храмы видны ближе къ берегу моря. Художникъ представилъ посреди сего разрушенія нападеніе Варварійскихъ корсаровъ;—таковыя сцены нерѣдко происходятъ на семъ берегу, когда Неаполипанское Правительство не находится въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ ними.

3. *Scyllacum. Scilla.* СЦИЛЛА. (Передъ заглавнымъ листомъ II-й части; описаніе же находится въ концѣ онаго тома, на стр. 238 — 40.)

Первый планъ представляетъ портикъ одного казеннаго зданія городка Сциллы. Изъ подъ сводовъ онаго открывается прекрасный видъ на мрачную береговую скалу, которая, съ лежащими къ ней подводными камнями, образуетъ баснословную Сциллу Гомеровоі Одиссеи, столь ужасную для древнихъ мореплавателей. На вершинѣ скалы видны укрѣпленный замокъ.

4. *Cyclosum scopuli. Isole della Trizza.* СКАЛЫ ЦИКЛОПОВЪ.
(Ч. II, прошить стр. 142-й.)

Видъ сихъ чудесно-образованныхъ базальтовыхъ скалъ, снятъ со стороны моря. — Дымящаяся Этна и бѣлѣющія зданія Капанінъ составляютъ глубину ландшафта; — нижайшая скала, находящаяся по правой сторонѣ, есть та самая, кошорую Виргилій назначаетъ убѣжищемъ Ахеменида, забытаго Улиссомъ. Одно бѣдное семейство проживулежащаго береговаго селенія, *Трицы*, имѣетъ на ономъ скудный огорождъ.

5. *Aetna. Monte Gibella.* ЭТНА. (Ч. II, прошить стр. 159.)

Сей видъ снятъ на пол-высотѣ самой *Этны*. за мѣстечкомъ *Николози*. Позади часовни, нѣсколько въ право, возвышающіяся пещи называются *красныя горы, Monte-Rossi*.

Всѣ сии пейзажи ландшафтовъ, не токмо по своему живописному достоинству и по отличной гравировкѣ, но и по вѣрности, съ какою они передаютъ волшебный видъ сихъ мѣстъ, заслуживаютъ вниманіе. Они рисованы и гравированы однимъ извѣстнымъ художникомъ въ *Карлсруэ*. Сіи самые 5 видовъ включены теперь въ одно прекрасное собраніе 30-ти видовъ Виргиліевой Энеиды, изданное во Франкфуртѣ на Майнѣ.

6. Мѣстоположеніе древняго АГРИГЕНТА. (Ч. I, прошить стр. 125.)

Жилель *Жиржентти*, нынѣшняго Агригенца, Г. Архитекторъ Полипи, снялъ сей видъ для меня съ террасы загороднаго монастыря Св. Николая. Если исключить нѣкоторыя неправильности (принадлежащія гравировкѣ) въ пропорціяхъ деревъ и распеній, — видъ сей показываетъ съ большою точностію мѣстоположеніе древняго города, описанное на стр. 125—135.

7. ТАОРМИНА. (Въ концѣ или въ началѣ II ч. — Описаніе на стр. 190 и въ гл. XXXIV, той же части.)

Видъ сей гравированъ въ маломъ видѣ съ превосходнаго рисунка Г. Машвѣва, изъ находящагося у меня собранія живописныхъ видовъ сего пейзажиста. Расположенное внизу, селеніе, есть мѣстечко *Джардини*; — возвышающаяся пирамидально, надъ городомъ Таорминою, скала,

увѣнчанная замкомъ,—гора *Мола*; а крайняя къ рамкѣ скала,—гора *Таврб*, на коей построены древній театръ. Сія гравировка есть опынъ молодого Русскаго художника.

8. КАРТА СИЦИЛИИ. (Противъ 1-й стр. Введенія.)

Карта сія уменьшена съ одной весьма хорошей топографической карты, изданной въ Германіи, безъ имени сочинителя; будучи сравнена съ другими картами и исправлена на мѣстѣ, она можетъ удовлетворить читателя, своею подробностію. Я примѣнилъ ее и къ древней Исторіи; мѣста древнихъ городовъ опредѣлены по ученымъ изслѣдованіямъ *Клуверія*, *Фачеллы*, *Д'Орвилля*, *Д'Анвила* и повѣрены собственными моими замѣчаніями во время путешествія.

Древнія мѣста суть тѣ, кои подчеркнуты, или гдѣ прибавлено слово: *др.*

9 и 10. ДВѢ ДОСКИ МЕДАЛЕЙ ДРЕВНИХЪ СИЦИЛІЙСКИХЪ ГОРОДОВЪ. (1-я доска въ концѣ 1-й, а 2-я въ концѣ 2-й частин.)

Медаль сіи сняты съ лучшихъ Археологическихъ рисунковъ. *1-я доска*: Первая медаль, показываетъ аллегорическое изображеніе Сициліи. Голова Меркурія означаетъ промышленность; колосья,—плодородіе, а при человѣчскія ноги, при мыса сего острова. Въ 1-й медаль Панормы, Пуническія буквы, левъ, пальма, показываютъ происхожденіе ея колоній изъ Карфагена. На другой медаль представлена голова Цереры и Гиппогрифъ. Монета Агригента представляетъ орла, держащаго въ когтяхъ своихъ, зайца,—по причинѣ большаго числа орловъ, вилующихъ надъ высокими скалами сего города; изображеніе рака и рыбы показываетъ приморской городъ. — Монета *Геллы*, основанной Миносомъ, представляетъ по сей причинѣ, Минонавра острова Крита.

2-я доска: Изящныя монеты Сиракузскія изображаютъ голову Нимфы Аретузы, *квадригу* и Славу. — Монета Катаніи: главу Аполлона, *квадригу* и Славу. — Слова: ЕТЛО, начерпанныя на значени, находящемся въ рукѣ олицетворенной Славы, составляютъ начало слова-

ЕУЛОГИА, которое было кликомъ побѣды у Грековъ, во время ристалищъ. Монета *Наксоса*: неизвѣстную голову и Фавна съ чашею, посреди виноградниковъ.

11. Виньетъ заглавнаго листа I-й часпи, изображающъ мысъ Орlando, описанный на спран. 235—4 оной часпи.
12. Виньетъ заглавнаго листа II-й часпи, изображающъ развалины Греческаго театра, древняго Тавроменіума, (Таормины), описаннаго на спран. 192—197 оной часпи.
13. ПЛАНЪ ДРЕВНИХЪ СИРАКУЗЪ. (Ч. II-я, въ началѣ, прошивъ оглавл.)

Планъ сей основанъ на заключеніяхъ *Дорвилля*, *Летрона*, *Бонани* и *Гёллера*, кои я сравнивалъ на мѣстѣ; всѣ главныя мѣста, о коихъ говорятъ *Оужидидъ* и *Титъ-Ливій*, здѣсь опредѣлены. Объявленный на спран. 87-й, I-й часпи, списокъ съ древнихъ Палермскихъ надписей, находящихся въ книгѣ Историки Фацеллы: *de Rebus Siculis*, — здѣсь не приложенъ, ибо списокъ Фацеллы найденъ не довольно вѣрнымъ.

РАЗСТОЯНІЯ ГЛАВНЫХЪ МѢСТЪ

СИЦИЛИИ.

(Передъ картою Сициліи.)

Отъ ПАЛЕРМЫ до МЕССИНЫ:

								Ит. м.
Термни	-	-	-	-	-	-	-	20.
Чефалѹ	-	-	-	-	-	-	-	20.
С. Стефано	-	-	-	-	-	-	-	15 $\frac{1}{2}$.
Патти	-	-	-	-	-	-	-	52 $\frac{1}{2}$.
Милаѹ	-	-	-	-	-	-	-	22.
МЕССИНА	-	-	-	-	-	-	-	19 $\frac{1}{2}$.

Отъ МЕССИНЫ до СИРАКУЗЪ:

Таормина	-	-	-	-	-	-	-	20.
Ачи Реале	-	-	-	-	-	-	-	18.
КАТАНІЯ	-	-	-	-	-	-	-	8.
Августиа	-	-	-	-	-	-	-	18.
СИРАКУЗЫ	-	-	-	-	-	-	-	15.

Отъ СИРАКУЗЪ до М. ПАССАРО:

НОТО	-	-	-	-	-	-	-	19.
Пахино	-	-	-	-	-	-	-	15 $\frac{1}{2}$.
МысѢ Пассаро	-	-	-	-	-	-	-	5.

Отъ М. Пассаро до ЖИРЖЕНТИ.

Спакафурно	-	-	-	-	-	-	-	13.
Модика	-	-	-	-	-	-	-	8.
Рагуза	-	-	-	-	-	-	-	3.
Колисо	-	-	-	-	-	-	-	7.
Витторіа	-	-	-	-	-	-	-	5.
Терра - Нова	-	-	-	-	-	-	-	14 $\frac{1}{2}$.
Аликапа	-	-	-	-	-	-	-	16.
Пальма	-	-	-	-	-	-	-	9 $\frac{1}{2}$.
ЖИРЖЕНТИ	-	-	-	-	-	-	-	14 $\frac{1}{2}$.

Опъ ЖИРЖЕНТИ до ТРАПАНИ:

Шьяка.	-	-	-	-	-	-	-	29.
Кампо - белло.	-	-	-	-	-	-	-	27 $\frac{1}{2}$.
МАЦЦАРА	-	-	-	-	-	-	-	7.
Марсалла	-	-	-	-	-	-	-	12.
ТРАПАНИ	-	-	-	-	-	-	-	15.

Опъ ТРАПАНИ до ПАЛЕРМЫ:

Калатафили	-	-	-	-	-	-	-	20.
Алкамо	-	-	-	-	-	-	-	7.
Партенико	-	-	-	-	-	-	-	10 $\frac{1}{2}$.
Монреале	-	-	-	-	-	-	-	10 $\frac{1}{2}$.
ПАЛЕРМА	-	-	-	-	-	-	-	3 $\frac{1}{2}$.

Опъ ПАЛЕРМЫ до КАТАНИИ:

Кастро - Ново	-	-	-	-	-	-	-	28.
Калата - Низета	-	-	-	-	-	-	-	68.
Пьяца	-	-	-	-	-	-	-	17.
Фортизи	-	-	-	-	-	-	-	22.
КАТАНИА	-	-	-	-	-	-	-	18.

Опъ ПАЛЕРМЫ до ЖИРЖЕНТИ:

Корлеоне	-	-	-	-	-	-	-	13 $\frac{1}{2}$.
Бивона	-	-	-	-	-	-	-	17.
ЖИРЖЕНТИ	-	-	-	-	-	-	-	25.

опъ ЧЕФАЛУ до КАТАНИИ:

Сперлинга	-	-	-	-	-	-	-	32.
Никозиа	-	-	-	-	-	-	-	2 $\frac{1}{2}$.
Филипо д'Аржиро	-	-	-	-	-	-	-	8.
Регалбута	-	-	-	-	-	-	-	8.
КАТАНИА	-	-	-	-	-	-	-	22.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Введеніе:

	Стран.
I. Времена баснословныя.	1.
II. Времена Историческія.	12.
III. Краткое Географическое и Статистическое описаніе Сициліи.	18.
IV. Древнее просвѣщеніе Сициліи.	28.

Путешествіе:

Главы:

I. Отплытіе изъ Неаполя.	49.
II. Палерма.	62.
III. Палерма.	74.
IV. Окрестности Палермы. — Багарія. — Солунгъ.	92.
V. Дорога изъ Палермы въ Агригентъ. — Внутрен- ность Сициліи.	106.
VI. Агригентъ.	117.
VII. Агригентъ.	125.
VIII. Агригентъ.	141.
IX. Дорога изъ Агригента по югозападному бере- гу. — Монте-Аперно. — Сиккуляна. — Шьяка.	150.
X. Селионгъ. — Маццара	162.
XI. Лилибей или Марсала. — Островъ Пандіеля- рія. — Африканскій мысъ Меркуріевъ.	173.

- ХІІ.** Дрепанумъ или Трапани. — Гора и городъ
Эриксъ или Сен-Жульио. . . . . 183.
- ХІІІ.** Храмъ Сегеста. — Алькамо. — Возвратъ въ
Палерму. . . . . 200.
- ХІV.** Палерма. — Монте-Реале . . . . . 211.
- ХV.** Отплытіе изъ Палермы. — Термини. — Чезалѹ. 224.
- ХVІ.** Острова Липарскіе. — Милацо. — Проливъ
Фаросскій. — Мессина. . . . . 235.

СПИЦІЛІЯ.
Къ Путешествію
А. Норова.

ВЪ 1822 ГОДУ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

по

СИЦИЛИИ.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

ВРЕМЕНА БАСНОСЛОВНЫЯ.

Тогда, безпечныя народовъ племена
Путей среди лѣсовъ и горъ не пролагали
И раломъ никогда полей не раздирали;
Не зрѣли на поляхъ столповъ и рубежей,
И кущи сельскія споили безъ дверей...

(Тибуллъ. Перев. Батюшк.)

Преданіе, коего начало сокрыто въ самыхъ
опдаленныхъ вѣкахъ, повѣствуетъ, что Гиганты
были первыми обитателями Сициліи. Необыкновен-
ной величины кости и даже скелеты, найденные,
по увѣренію многихъ Писателей, въ нѣкоторыхъ
мѣстахъ сего острова, какъ то: у подошвы горы
Эриксъ, въ Палермѣ, въ Испикѣ и въ поляхъ между

Ленпиного и Сиракузами, укоренили сіе мнѣніе, основанное на одномъ стихѣ Моисеевой книги Бытія. (1)

Фацелло, ученый и трудолюбивый, но легковѣрный Сицилійскій Историкъ XVI вѣка, говоритъ утвердительно всѣхъ прочихъ о существованіи Гиганшовъ въ Сициліи. (2) Другой писатель, той же земли, не менѣе знаменитый, Маріо Вальгварнера, (3) не опровергаетъ доводовъ Фацеллы, но Дорвилъ (4) ничему подобному не вѣритъ. Не опредѣляя степени вѣроятія сихъ предположеній, я приглашаю желающихъ знать подробнѣе о семъ предметѣ, прочесть любопытныя разсужденія помянутыхъ писателей и нѣкоторыхъ другихъ, называемыхъ мною при семъ, въ примѣчаніи. (5)

Евсебій, а за нимъ Инвегестъ и Вальгварнера полагаютъ, что первыми жителями Сициліи были племена Явана, сына Аѳепова, ибо въ книгѣ Бытія (6) сказано, что сыны его раздѣлили между собою острова земли; при чемъ Евсебій замѣчаетъ, что Сицилія, будучи самымъ знаменитымъ островомъ, досталась во владѣніе старшему изъ сыновей Аѳе-

- (1) Исполни же блгу на земли во дни оны: и потомъ, егда вхождаху сынове Божіи къ дочерямъ человѣческимъ, и раждаху себѣ: тѣмъ блгу исполни, иже отъ вѣка, чловѣцы именииши.
- (2) *Fazello*, Th. de reb. Sic. Dec. I. lib. I, cap. VI. ed. Pan. 1558.
- (3) *Mario Valguarnera*.
- (4) *Ph. D'Orville*, Sicula, quibus Siciliae vet. rud. etc. ed. Burmannus Amst. 1764. Fol.
- (5) *Boccacius*, J. Geneal. Deorum. l. IV. Cap. LXVIII. *Atk. Kircheri*, Mundus subter. Amst. 1665. fol. T. II. c. IV. p. 53. et seq. — *Lancellotti* (P. D. Sec.) *L'Hoggidi*, dising. XXIX. p. 358 et seq. Venet. 1630. — *Beros* Antiq. Lib. I. — *Plin.* lib. VII, c. 16.
- (6) Гл. X. с. 5. —

повыхъ, Явану. Наконецъ, я скажу словами Оукидида: „Древнѣйшіе обитатели нѣкоторой части сей страны были Киклопы и Леспригоны. Я не знаю ни ихъ племенъ, ни времени ихъ пришествія, ни куда они переселились. Достаточно того, что объ нихъ сказано Пиптами, — и пусть изъ сего каждый выводитъ свое заключеніе. (1)

Поразительное зрѣлище изверженій Эпны, столь новое для первыхъ людей, рѣдко покидавшихъ свои домашніе крѣпости, подало поводъ къ сверхъестественнымъ вымысламъ о Сициліи. Кромѣ того, дикость и жестокость первыхъ ея обитателей, имѣвшихъ обыкновеніе умерщвлять чужеземцевъ; ярость вѣчно бушующаго моря въ проливѣ Фаросскомъ, и по несовершенству мореплаванія, грозныя, болѣе чѣмъ нынѣ, пучина Харибда и скалы Сциллы, — сдѣлали сей островъ спрашилищемъ приближавшихся къ нему мореходцевъ. Жилища сихъ дикихъ племенъ, состоявшія изъ вертеповъ, изсѣченныхъ въ скалахъ, сохранились доселѣ. (2) Сіи убѣжища первобытныхъ людей разбѣяны по всему пространству Сициліи, особенно въ провинціи называемой: *Валь-ди-Нотто*; (3) тамъ онѣ испе-

(1) Thucyd. L. VI. in principio. Въ книгахъ Сивиллы, по свидѣтельству Евстафія, толкователя Гомера, сказано: что основатель племенъ Сицилійцевъ былъ Тринаксъ, сынъ Нептуна. Слова Сивиллы суть слѣдующія: Siciliam condidit Trinacus heros, filius pontum curantis Neptunni.

(2) Gentem Cycloperum vasti testantur specus. Laestrigonum sedes adhuc sic vocantur. (Solinus. c. X, ed. Ald. 1518.)

(3) Сицилія, сама по себѣ, столь пещериста природными пещерами, что одинъ новѣйшій Географъ справедливо называетъ ее *страною пещеръ*. (Hassel. Erdbeschr. der Halb-insel Italien.)

цряюпть цѣлые ряды скалъ и часто находятся на самыхъ недоступныхъ вершинахъ, (1) гдѣ вѣроятно онѣ сдѣланы были съ цѣлію защиты отъ непріятельскихъ набѣговъ. Туда досягали живущіе, по веревочнымъ лѣспницамъ и задвигали себя большими досками; а пѣ, кои обитали въ нижнихъ ярусахъ, заключались пуда вмѣстѣ съ своими спадані. (2) По сю пору, въ Сициліи, многіе бѣдные пастухи не имѣюпть другихъ жилищъ, кромѣ сихъ пещеръ. (3)

Находя сіи вѣрные слѣды образа жизни первоначальныхъ обитателей Сициліи, не лзя не замѣтитъ вѣрности Гомерова описанія этой страны въ дикомъ ея состояніи:

„Удрученные печалію, мы приплыли къ берегамъ „грозныхъ и своевольныхъ Киклоповъ; они, полагаясь на безсмертныхъ боговъ не сѣюпть и не пахуптъ; „но несѣянная и непаханная земля ихъ все произращаетъ. Пшеница, великія гроздія винограда, упучняемые дождями Зевеса, заспилаюпть ихъ долины. „Сіи люди не имѣюпть ни общественныхъ совѣщаній, ни законовъ, но обитаюпть на вершинахъ „кремнистыхъ горъ, въ глубокихъ пещерахъ, — „повелѣвая своими женами и дѣтьми и не заботясь „другъ о другѣ.“

(Одис. кн. IX.)

-
- (1) Plato conjicit, post terrarum inundationem treis exstitisse vitae degendae formas; primam in summis montium cacuminibus, simplicem ad agrestem. (Strab. I. XIII.)
- (2) См. Xenoph. de Exped. Cyri L. IV, гдѣ онъ говоритъ о жизни Армянъ.
- (3) Juv. Sat. VI. 1 — 7.

Дикіе люди сіи, занятые единственно ловипвою, видимы бывали толпами на берегу моря, всегда вооруженные огромными луками, равными ихъ росту, который былъ необыкновенный. (1) На верхней конечности сихъ луковъ просверливали они круглое отверстие, сквозь которое наблюдали свою добычу, спрятавшись за скалами или деревьями, — и вопль начало басни объ *одноокихъ* Циклопахъ.

Чтобъ дать понятіе о грозной славі Сикилии въ отдаленныхъ вѣкахъ, я приведу изъ Эврипида, разговоръ занесеннаго бурей на ея берегъ, Улисса, съ Силеномъ, находившимся въ плѣну у Полиема.

Улиссъ. Какъ называется страна сія и кто ея обитатели?

Силенъ. Ты находишься въ области Эпны, высочайшей горы Сикилии.

Улиссъ. Но я не вижу ни стѣнъ, ни башень городовъ?

Силенъ. Они не существуютъ, и горы сіи, о чужеземецъ, лишены обитателей.

Улиссъ. Обладаешь ли кто сею землею? Живутъ ли здѣсь какіе звѣри?

Силенъ. Здѣсь бездомные Киклопы.

Улиссъ. Повируются ли они кому или сами собою управляются?

Силенъ. Они суть бродячіе пастыри и своевольны.

---

(1) Бюффонъ и другіе Натуралисты соглашаются въ томъ, что первый родъ человѣковъ превосходилъ нынѣшній ростомъ и силами. (Buff. Epoque de la Nat.)

Улиссѣ. Сѣютъ ли они даръ Цереры, или чѣмъ инымъ питаются?

Силенѣ. Они насыщаются млекою и сыромъ и кормомъ своихъ стадъ.

Улиссѣ. Не извлекаютъ ли они питія изъ гроздій винограда?

Силенѣ. Нѣтъ, земля ихъ бесплодна.

Улиссѣ. Но гостепріимны ли они и сострадательны ли къ странникамъ?

Силенѣ. Они говорятъ, что нѣтъ ничего слаще мяса чужеземца.

Улиссѣ. Что ты вѣщаешь? ужели они пожираютъ человѣковъ?

Силенѣ. Никакой прищелецъ не возвращался отсюда живымъ. —

Вопъ въ какомъ видѣ, Древніе представляли себѣ Сицилію. Они полагали ее преддверіемъ ада; но, въ послѣдствіи, нѣкоторые странствователи, побѣдивъ первыя впечатлѣнія страха, производимыя горящею Этною, увидѣли необычайное плодородіе сей земли и нашедъ случайно распуціе сами по себѣ колосья, столь обрадованы были важнымъ открытіемъ хлѣба, что признали Цереру за покровительствующее божество острова, и отъ сего произошла баснь, что сія богиня въ первый разъ показала образъ свой человѣкамъ въ Сициліи (1) и что Юпитеръ далъ эту спрану въ приданое ея дочери, Прозерпинѣ, при бракѣ сей послѣдней съ Плутономъ.

---

(1) Diod. Sic. lib. II. c. 11. — Cic. in. Verr. Act. II. IV. L. c. XLVIII. —

Мифологи повѣствуютъ, что Минерва, Діана и Прозерпина, условившіяся между собою сохранить свое дѣвство, были воспитаны въ лугахъ Сициліи. Тамъ онѣ сопкали покровъ изъ прелестныхъ цвѣтовъ и поднесли его въ даръ Юпитеру. Тамъ похищена была Плутономъ, въ веселыхъ долинахъ Эныи, юная Прозерпина и увлечена имъ въ подземное царство. Церера, невѣдавшая объ участи своей дочери, возжгла два свѣшпильника пламенемъ Эныи и обжекла всю землю въ колесницѣ, запряженной двумя драконами, ища милую дочь и награждая гостепріимныхъ смертныхъ съменами хлѣба. (1)

Тамъ, гдѣ вѣчно ясное небо, гдѣ во всѣ времена года, Природа не перестаетъ творить и разсыпаетъ неисчислимыя дары свои, тамъ люди не должны были знать никакой нужды. Сама Природа, нѣжная мать, кормила и согрѣвала чадо своихъ. Съ младенчества, взлелѣянные благопвornoю атмосферою, они съ первымъ дыханіемъ пили уже нѣгу и любовь. Тамъ, гдѣ сама земля производила безъ посѣва колосья, гдѣ лучшіе плоды обременяли деревья, гдѣ тучныя пажити, орошаемыя обильными потоками водъ, предлагали неувядаемый кормъ для скота, — гдѣ болѣе пищи для праздности? — Но тогда праздность не была еще матеріею пороковъ; она произвела въ первые вѣки міра, Поэзію, музыку и Астрономію. Первобытныя

---

(1) Мраморы оспрова Пароса или такъ называемыя *Аруидетевы*, определяютъ сію эпоху за 1409 л. до Р. Х. (N XII.)

обитатели Сициліи, сіи счастливые смертные, проводили дни свои въ созерцаніи Природы, коей самыя чудесныя явленія были принадлежностями ихъ острова. Любовь, пѣсни, ловипва и попеченія о спадахъ, были ихъ занятіями: „Сердце мое „не завидуешь царству Пелопса, ни его злату,“ говоритъ одинъ Сицилійскій пастырь устами безсмертнаго Теоκριта, — „я не желаю упреж- „даль вѣпра быстротою моего бѣга; я слишкомъ „уже счастливъ, если, сидя подъ нависшею скалою, „могу диграбъ на свирѣли, прижимабъ тебя къ „грудм моеи, милая Дафна и глядѣбъ на спада „наши, бѣгающія съ кремнистыхъ горъ къ бере- „гамъ шумящаго моря.“ (1) Такова была жизнь Сикановъ, первыхъ поселенцевъ на семъ островѣ, по преданіямъ Исторіи. Выраженіе блаженства было первою ихъ пѣснею; въ послѣдствіи, вѣтеръ играющій въ прорывахъ спящихъ водъ, открылъ имъ пайну свирѣли, и досуги ихъ усланились звуками гармоніи. Они соединили ее съ Поэзіею, и составили *Вуколитескія* поэмы. Превосходство въ вымыслѣ пѣсенъ, сдѣлалось между ними предметомъ невинныхъ состязаній, опредѣлявшихъ часто первенство одного надъ другимъ. Дафнисъ былъ изобрѣпателемъ такого рода Поэзіи; имя сего Сицилійскаго пастыря, особенно покровительствованнаго Музами, служило вдохновеніемъ для его послѣдователей. Среди столь чистыхъ наслажденій проходила жизнь сихъ счастливыхъ! Бышь

---

(1). Theocr. Id. VIII.

можеть, одни мученія любви нарушали ихъ покой, и только разсѣванія съ милой, или съ другомъ, извлекали ихъ слезы.

Нельзя полагать, чѣмъ сіи мирныя семейства пастырей и рыбаей долго оставались въ такомъ невинномъ благосостояніи; оно не удовлетворяетъ челоѣка! Съ умноженіемъ общества, возрасли и нужды и произошли раздѣленія. Ихъ счастье обратило на себя зависѣ сосѣдственнаго съ ними народа, — Сиколовъ, обитателей Калабріи, коихъ частые набѣги принудили мирныхъ оспровипянь искать способовъ защищенія; (1) они начали для сего строити жилища на высокихъ скалахъ; мало по-малу образовались города или отдѣльныя общества, повиновавшіяся избранному опъ нихъ властителю, для соблюденія единства. Сиканы были первыми земледѣльцами; весь оспровъ начиналъ уже покрываться жатвами, какъ вдругъ ужасныя изверженія Этны, бывшія имъ извѣстными поочмо по главнѣйшимъ преданіямъ, пролили огненные рѣки по всему восточному берегу Сициліи, принудили ихъ съ ужасомъ оставить сіи цвѣтущія мѣста и бѣжать на западъ. (2) Я воображаю изумленіе сихъ миролюбивыхъ оспровипянь, свидѣтелей въ первый разъ столь страшнаго явленія: — разверзающаяся съ прескомъ земля, пламень, пожирающій ихъ жатвы и жилища, день превратившійся въ адскую ночь, лепящія къ не-

---

(1) Diod. Sic.

(2) Diod. Sic.

бесамъ груды раздробленныхъ скалъ, море высшупающее изъ предѣловъ своихъ и бѣгущее на встрѣчу волнамъ огненной лавы (1)! Какъ поражено было такимъ зрѣлищемъ воображеніе юныхъ человѣковъ! Съ какими воплями оставили они блаженные мѣста ихъ дѣтства, ихъ любви! . .

Сикулы, древнѣйшіе обитатели Авзоніи, сами гонимые опшуда Опиками, будучи свидѣтелями съ противоположащихъ береговъ, несчастій Сикановъ, и избравъ поупный вѣперъ, переплыли на паромѣхъ черезъ узкій проливъ, раздѣляющій Италію отъ Сициліи и завладѣли покинутымъ восточнымъ краемъ сего острова. (2) — (Эпоху сего происшествія назначаетъ Фукидидъ за 300 лѣтъ до поселенія Грековъ въ Сициліи. (3) Обыкновенно полагаютъ оную за 1289 лѣтъ до Р. Х.) (4) Недовольные симъ первымъ приобрѣпеніемъ, они спали посягавъ съ оружіемъ въ рукахъ, на собственность природныхъ жителей; но война сія прекратилась въ самомъ началѣ миролюбнымъ согласіемъ обѣихъ сторонъ — раздѣливъ островъ между собою. (5) Въ теченіе времени, Сикулы, болѣе воинственные, чѣмъ Сиканы, завладѣли совершенно всею странною и переименовали первое названіе ея: *Сиканія*, на имя *Сициліи*.

---

(1) См. описаніе изверженія Этны въ 1669 году.

(2) Thucyd. L. VI.

(3) Id. ib.

(4) Lenglet Dufr. Tabl. Chron. См. также Hist. de l'acad. des belles lettres, vol. IX, p. 125. и Art de vérifier les dates.

(5) Diod. Sic.

Нѣсколько прежде сей послѣдней эпохи, Трояне, покинувшіе разоренный Греками Иліонъ, пристали къ западному берегу острова, гдѣ и поселились. Помогъ Финикійцы, искуснѣйшіе мореплаватели того времени, безпрестанно блуждавшіе по Ливійскому морю, завладѣли нѣкопорыми конечностями Сициліи и прилежащими къ ней островами, для основанія торговли съ Сикулами. (1)

Наконецъ, колоніи вышедшія изъ разныхъ областей Греціи, заселили весь восточный и южный берегъ Сициліи, равно какъ и южные берега Италіи.

Вотъ крашкая исторія народонаселенія Сициліи.

---

(1) Thucyd. I. VI.

II.

ВРЕМЕНА ИСТОРИЧЕСКІЯ.

Seine geschichte bleibt ein practisches
compendium der politick.

Heeren. (Handb. des Gcs/te. des Alterth.)

Со времени основанія Греческихъ колоній въ Сициліи, Исторія сего острова начинается выходяиъ изъ мрака, дополъ ее покрывавшаго. Весьма естеспвенно, что сипрана сія, имѣвшая столькоиъ образователей, должна была раздѣлиться на разныя области, различествующія между собою характеромъ и обычаями. Вожди ихъ или правители, именовались словомъ: *тиранъ*. Пока Сицилійскія республики управляемы были Гелонами, Теронами или Гіеронами, имя сіе означало гражданина, поставленнаго общео довѣренностью народа, главою правленія; но Фамариды, Фразибулы, Агаеокмы и Діонисіи, дали ему то значеніе, которое нынѣ принято для изображенія Царей, употребляющихъ во зло власть свою. Знаиѣйшіе правительствующие города Сициліи были слѣдующіе: Сиракузы, Агригентиъ, Лилибей, Селлинонъ, Егеспъ, Катана, Мессана, Гелла, Гимера и Тавроменіумъ. Всѣ сіи города, за исключеніемъ Лилибея, осно-

ваннаго Кареагенцами, были Греческіе. — Сиракузы, а иногда Агригенъ, имѣли непосредственное вліяніе на политическое существованіе прочихъ городовъ. Сицилія, не смотря на смѣшанный составъ ея народа, обнаружила съ поселеніемъ Греческихъ колоній, собственный характеръ, и предстала грозною соперницею прехъ первыхъ державъ древности: Аѳинъ, Рима и Кареагена.

Положеніе Сициліи, между Римомъ и Кареагеномъ, коихъ вѣчныя вражды потрясали міръ, дѣлало ее важнѣйшею цѣлію военныхъ споровъ обоихъ государствъ, — и желаніе завладѣть симъ островомъ, было причиною Пунической войны и даже паденія могущественнаго Кареагена.

Кому неизвѣстны, съ младенчества, сіи знаменитыя эпохи Исторіи?

Но самый составъ Сициліи, находившейся подъ властію разныхъ *тирановъ*, долженъ былъ либо придти въ одно цѣлое, что и было всегдашнимъ предметомъ Сиракузянъ, либо разрушиться. Исторія Сиракузъ исполнена высокой политики. Ни Діонъ, ни Платонъ, ни великій геній свободы—Тимoleonъ, ни сверхъестественный геній Архимеда, не удержали великаго зданія, падающаго опъ безпрестанныхъ замысловъ развращившихся гражданъ, которые посягали на свободу республики. Съ паденіемъ Сиракузъ, вся Сицилія покорилась Римскому оружію: *Tota enim insula in una urbe superata est*, — говоритъ краткорѣчивый *Флоръ*; (1) Рим-

---

(1) Flor. Lib. II, c. VI.

ляне назвали тогда сей островъ своего *провинціею*, раздѣливъ его на двѣ *квестуры*, называемыя: *Сиракузская* и *Лилибейская*. (1) Но побѣжденная Сицилія сдѣлалась *матерью-кормилицею* Рима. (2)

Но и самъ Римъ исчезъ съ лица земли! Съ разрушеніемъ Западной Имперіи, островъ сей, находившійся дополнѣ подъ владычествомъ Юстиніана I, былъ завоеванъ Генсерикомъ, Царемъ Вандаловъ.

Черезъ нѣсколько времени, (въ 828 году) Сарацины, опрасль Арабовъ, прельщенные симъ обѣщаннымъ краемъ, переплыли изъ Африки и завладѣли онымъ, постановя въ немъ, для управленія, *Эмировъ*. Пребываніе сего народа, въ теченіе почти двухъ съ половиною столѣтій, оставило въ Сициліи неизгладимые слѣды восточныхъ обрядовъ и обычаевъ. Въ 1072 году, толпы воинственныхъ Нормановъ, предводимыя двѣнадцатыю сыновьями Графа Танкреда Гопевильскаго, изъ коихъ знаменитѣйшимъ былъ Робертъ Гискаръ, — изгнавъ Сарациновъ, завоевали всю Сицилію, и доблестный родъ Танкредовъ возсѣлъ на протѣ сего государства (въ 1159 году).

Безпрестанныя войны и возмущенія, возжигаемыя происками Папъ и алчностью сосѣднихъ Государей, подвизавшихся овладѣть сего спраного, долго ее потрясали; — но мужество Танкредовъ торжествовало надъ всѣми препяпствіями. — Храбрый Робертъ, побѣдипель Музульмановъ въ

---

(1) Tit. Liv.

(2) Cic. in Verr. II.

Сициліи, и Христіанъ, въ Неапольскихъ владѣніяхъ, поработенный духомъ времени, и не смотря на непріязненные расположенія Папъ къ дому Танкредовъ, — желалъ примириться съ главою Церкви, Николаемъ II, который, въ слѣдствіе возженной имъ самимъ несправедливой войны противу Роберта, — попался даже къ нему въ плѣнъ. Милолюбивыя предложенія сего послѣдняго были сланшкомъ выгодны для плѣнника Папы, и Николай II воспользовался ими. Робертъ, снискавшій мужествомъ, доблестями и любовію народа, протѣ Сициліи, желалъ еще освяпить права свои соизволеніемъ Папы, — и, по жалкому суевѣрію, призналъ себя зависящимъ отъ него, полагая таковой поступокъ малозначущимъ. Въ самомъ дѣлѣ, при жизни Роберта, вліяніе Папы на дѣла Сициліи не было замѣтно; но наслѣдники сильно почувствовали сію ошибку его, которая едва ли не была единственною въ славное сіе царствованіе.

Въ послѣдствіи, Папы были главными орудіями несчастій Сициліи. Основываясь на мнимомъ правѣ владычества надъ нею, они не щадили ни проклятій, ни происковъ, для поработенія гордыхъ и достойныхъ преемниковъ Роберта. Въ 1186 году другая ошибка Вильгельма II, послѣдней отрасли дома Танкредовъ, сдѣлалась также опдаленною причиною многихъ бѣдствій Сициліи. Сей Государь, выдавъ свою пещку Констанцію, дочь Рогера II, за Генриха, Короля Римскаго, и утвердивъ ее своею наслѣдницею, перенесъ такимъ об-

разомъ корону Сициліи въ Швабскій домъ. Безъ сего пагубнаго брака, побочный сынъ Герцога Рогера, сына Рогера II, принялъ бы безпрепятственно престолъ. Генрихъ, вспомошествоваемый Папой, не преминулъ завладѣть Сициліею.

Царствованіе Швабскаго дома ознаменовано злодѣяніями помянутаго Генриха; бурнымъ, но славнымъ царствованіемъ Фридриха II, который успоялъ прошивъ усилій всей южной Европы; геройствомъ и несчастіями Менфруа, — и великодушнымъ подвигомъ юнаго Конрадина, предпріявшаго избавить Сицилію отъ ига Карла д'Анжу, Короля Французскаго, который также хитростію Папъ Урбана IV и Клименпа IV вызванъ былъ на завоеваніе Сициліи у законныхъ ея властителей. Славная смерть Менфруа и несчастная смерть Конрадина, казненнаго злобнымъ Карломъ вопреки всѣхъ правъ, доставили сему послѣднему владычество надъ островомъ. Но Пепръ III, Король Арагонскій, имѣвшій въ супружествѣ Констанцію, дочь Менфруа, составилъ себѣ многочисленныя партіи въ Сициліи, которая съ негодованіемъ сносила тяжкое иго Французовъ, — и вскорѣ, ужасное мщеніе, извѣстное подъ именемъ *Сицилійскихъ везерей*, передало скипетръ сего государства Испанцамъ.

Арагонскіе Государи владѣли онымъ до Утрехтскаго мира (въ 1713 году), въ слѣдствіе коего, сей островъ перешелъ въ домъ Герцога Виктора Амедея Савойскаго. Испанцы, принужденные къ сей невольной уступкѣ, снова завладѣли Сициліею и

потомъ опять поперяли оную. Наконецъ, прапашъ, окончившій войну 1733 года, передалъ Сицилію Инфанту Дону Карлосу (въ 1736 году), и теперь она составляетъ, съ Калабрією и Неаполитанскою областью, *Королевство обѣихъ Сицилій*, подъ скипетромъ Франциска I, изъ царствующаго въ Испаніи дома Бурбоновъ.

III.

КРАТКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ и СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СИЦИЛИИ.

Illa itaque M. Cato sapiens, cellam panariam Reipublicae nostrae, nutritam plebis Romanae, Siciliam appellavit. Nos veró experti sumus Italico maximo difficillimoque bello, Siciliam nobis non pro penaria cella, sed pro aerario illo maiorum veteri ac referto fuisse; nam, sine ullo sumtu nostro, coriis, tunicis, frumentoque suppeditato, maximos exercitus nostros vestivit, aluit, armavit.

(Cic. in Ver. lib. 11.)

Сицилія называлась разными именами: въ самой глубокой древности именовалась она землею *Киклоповъ* и *острововъ Солнца* или *Цереры*. Сиканы прозвали ее *Сиканіею*, Сикулы — *Сициліею*, (1) Греки *Тринакріею*, по причинѣ ея фигуры, образующей прехъугольникъ; но еще прежде Грековъ и даже прежде Сикановъ, звалась она *Тринаціею*. (2) Римляне, по той же причинѣ какъ и Греки, прозвали ее *Трикветрою*. Сиракузяне, желая изобразить при конечности Сициліи, сопоставленными мысами: *Пелоролъ*, *Лилибеемъ* и *Пахиномъ*, предста-

---

(1) Sicilia, á Sicano rege, *Sicania* cognominata est; deinde á *Siculis* Itali fratre, Sicilia. *Isidorus*. Lib. XIV, c. VI.

(2) Cluv. Sic. ant. Lib. I. c. II. pag. 7.

вили ихъ, на нѣкоторыхъ медаляхъ, премоа загнутыми челоѵѣческими ногами, имѣющими общимъ основаніемъ глаѵу Меркурія, обязаанную премоа колосьями (1).

Древніе называли иногда Сицилійцевъ *трехъязычниками*: *Siculi trilingues* (2), по той причинѣ, что они употребляли три нарѣчія: *Сикилійское*, *Греческое* и *Пуническое* или *Финикійское*.

Сей знаменитый островъ Средиземнаго моря, лежитъ между 30 и 34 градусами сѣверной долготы и 36° и 38° и 25' широты. Находясь между Европою и Аѳрикою при самой конечности Италіи, онъ отдѣленъ отъ первой *Фаросскимъ* проливомъ, имѣющимъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ не болѣе полумили ширины, а отъ вѵпорой, такъ называемымъ *Ливійскимъ* моремъ, которое, между Аѳриканскимъ мысомъ *Меркурія*, нынѣ *Бонѣ*, и Сицилійскимъ мысомъ *Лилибеемъ*, нынѣ *Боео*, имѣетъ 16 Нѣмецкихъ миль пространства. Сицилія, по вѣроянымъ заключеніямъ, отдѣлена отъ Италіи ужаснымъ землепрясеніемъ, коего эпоха неизвѣстна, но происшествіе передано весьма значущимъ числомъ древнихъ Писателей. (3) Хребты Аппениновъ, достигнувъ конечности Калабріи, кажется, вдругъ погружаются въ море и потомъ опять восходятъ до облаковъ по ту сторону пролива Фаросскаго, принявъ названіе *Пелорскихъ* горъ. Межъ нихъ особенно отличаются выотою,

---

(1) См. медали въ концѣ книги. Но 1-й.

(2) *Apul. Metam. L. X I.*

(3) См. Т. II-й сего Путешествія, въ сипатѣ о городѣ *Реджіо*.

горы: *Нептунова*, *Динна-Маре* или *Скудеріо* и *Страпавера*. Сія продолженная цѣпь Аппениновъ, пройдя окрестности *Никосіи*, раздѣляется у городка *Сперлинга*, на два большіе пояса, изъ коихъ одинъ идетъ на Западъ, а другой на Югъ. Первый, (называемый въ древности *Герейскія* или *Юнонины* горы, также: *Неброды*, а нынѣ — *Мадоніи*) заключаетъ слѣдующія значительныя горы: *Мадоніа*, *Пелегрино*, *Байда*, *Сен-Жюліано* и *Эгатскіе* острова, коихъ скалы кончаютъ сей поясъ въ безднахъ *Тирренскаго* моря. Второй поясъ, менѣе возвышенный, но образованный знаменитыми *Гиблейскими* горами, спускается, вмѣстѣ съ мысомъ *Пассаро*, въ Африканское море.

Поверхность Сициліи составлена вообще изъ высокихъ горъ, коихъ даже вершины, увлажнены облачными парами, производятъ въ чрезвычайномъ изобиліи пшеницу и другія полевые растенія; но надъ всѣми сими громадами горъ господствуетъ опдѣльно опъ всѣхъ, огнедышущій колоссъ *Этны*, возвышающійся на восточномъ берегу. Пепель *Этны* и старыхъ попухшихъ вулкановъ, основываетъ навсегда неиспощимое плодородіе сего острова, чему также способствуетъ безпрестанное броженіе подземнаго огня, обнаруженное многочисленными горячими источниками.

Рѣки Сициліи болѣе извѣстны чрезъ баснословныя преданія, чѣмъ собственною своею значительностію. Ихъ весьма много, но всѣ онѣ маловажны, — и нѣкоторыя, опъ чрезвычайныхъ жаровъ лѣта, высыхаютъ. Главнѣйшія суть слѣдующія

при: *Симета*, нынѣ *Джіарета*, впадающая неподалеку отъ Катаніи въ Эгейское море; *Аликаппа* или *Сальсо*, впадающая въ Ливійское море у города Аликаппы, и *Фьуме-Гранде* (*Fiume grande*) или большая рѣка, впадающая въ Тирренское море, близъ Термینی; къ нимъ можно причесть два озера близъ Ленпины.

Площадь Сициліи заключаетъ въ себѣ $58\frac{1}{2}$ квадратныхъ миль. Окружность ея $68\frac{1}{4}$ Имп. миль; длина отъ В. къ З., т. е. отъ мыса Пелора до мыса Лилибея 180 м., а ширина отъ мыса Пахина до Пелора 130 м. — Народонаселеніе ея проспирася не болѣе какъ до 1,650,000 душъ; межъ тѣмъ какъ не задолго до Пунической войны, Сицилія имѣла болѣе 12,000,000 жителей. Число сіе не должно удивлять, когда мы вспомнимъ, что одни Сиракузы и Агригентъ заключали, по умѣренному счисленію, около полутора милліона жителей. (1)

Географы раздѣляютъ Сицилію на три большія области, кои суть *Валь ди Мацара*, *Валь ди Ното* и *Валь ди Мона*. (2) Сіе раздѣленіе и сіи названія

(1) См. статьи о Агригентѣ и Сиракузахъ.

(2) Наименованіе *Val*, не должно производить отъ Италійскаго слова: *Valle* — долина; ибо *val* есть слово Арабское, значущее область или земля, — и оставшееся въ Сициліи со времени владычества надъ нею сего народа. Слово *Calata*, прибавляемое къ нѣкоторымъ городамъ Сициліи, какъ по: *Calata-Girone*, *Calata Futura* и проч. есть также Арабское, значащее: *высота* или *гора*. Названіе *Val de Mona*, которое превращаютъ въ *Val de' Demoni*, (долина Демоновъ), *Val de' moni* (долина монаховъ), или *Val de nemoribus* (долина лѣснл), производить Г. Сайвъ (*Sauve*) отъ Арабскаго слова: *val mane*; не показывая значенія онаго.

принадлежатъ Сарацынамъ; но въ 1817 году, Правительствѣ, найдя сіи области слишкомъ обширными, раздѣлило ихъ на слѣдующія семь *интенденцій*: Палерма, Мессина, Капанія, Жирженпи, Сиракузы, Трапани и Калатанизета. Въ Сициліи 45 Королевскихъ городовъ и 352 мѣстечка. Такое большое число городовъ вредитъ государству; туда скопляется все народонаселеніе, тамъ народъ проводитъ жизнь въ праздности, межъ тѣмъ, какъ деревни пусты и земледѣліе въ упадкѣ. Благопшворный климатъ Сициліи имѣетъ, по мѣстоположенію разныхъ частей острова, особенныя свойства, и это зависитъ отъ направленія хребтовъ горъ и вѣтровъ; такимъ образомъ, Мессина всегда прохладѣна вѣтрами Тиренскаго и Эгейскаго морей; знойное лѣто не покидаетъ Капанію и Сиракузы; вершины Этны не выходятъ изъ подъ снѣга; Жирженпи и Марсала окружены вѣчною весною. Палерма, при всѣхъ выгодахъ, обезпокоена чаще другихъ городовъ, горячимъ вѣтромъ *Сироко*. Сей вѣтеръ, налетающій изъ приближенныхъ степей Африки, есть единственная непріятность райскаго неба Сициліи, подъ чьимъ нѣжнымъ вліяніемъ произрастаютъ самыя рѣдкія растѣнія.

Торговля хлѣбомъ составляетъ, подобно какъ и въ древности, главное богатство сего острова; но торговля сія, по тому, что она есть самая прибыльная, находится вся въ рукахъ Правительства. Полезное, по многимъ отношеніямъ, учрежденіе казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, называемыхъ:

carricatori, (1) хотя и сдѣлано было съ цѣлю предупрежденія народныхъ нуждъ (кои безъ злоупотребленія не могли бы никогда существовать въ странѣ столь обильной, какова Сицилія), но главное намѣреніе Правительспва состояло въ томъ, чѣмъ имѣть у себя ключъ всего богатства. Агенты Правительспва, знатнѣйшіе дворяне и купцы, овладѣвъ совершенно сею торговлею, скупаютъ хлѣбъ по произвольнымъ цѣнамъ и спановаясь всегда посредниками между земледѣльцами и покупателями, спѣсняютъ первыхъ и опдалаютъ послѣднихъ (2). Вотъ причина, почему земледѣліе, сіе основаніе благосостоянія Сициліи, находится въ такомъ упадкѣ и торговля ея малозначуща, въ сравненіи съ ея внутреннимъ богатствомъ.

Владѣя неисчислимыми дарами природы, безопасными гаванями, находясь между Европою и Африкою, на срединѣ пути отъ Леванта до западныхъ Европейскихъ земель, Сицилія могла бы быть царицею Средиземнаго моря, или, по выраженію одного писателя, *малою Англіею*. (3) Но — не имѣя

(1) Главные магазины находились въ Жиржентіи, Пьякѣ, Кашаніи, Аликанѣ и Терминіи, а другіе въ Миланцо, Чезалѣ, Марсальѣ и проч.

(2) Казенные магазины, во время урожая, скупаютъ хлѣбъ у покровительствуемыхъ ими земледѣльцевъ, а въ неурожай не покупаютъ ни у кого, для лучшаго вывоза своего хлѣба и для возвышенія своихъ цѣнъ. Бывали также, что Правительство висапно запрещаетъ вывозъ хлѣба по нѣкоторымъ причинамъ, чрезъ что самос, чужеземные покупщики, не получа ожидаемыхъ запасовъ, теряютъ довѣренность къ Сицилійскимъ купцамъ, а сіи послѣдніе лишаются своихъ выгодъ.

(3) *li elz. Saggio. s. l. ricchezze d. Sicilia.*

флота, угнетаемая Неаполемъ, спрана сія, чувствуя свое богатство, видитъ почти всю свою торговлю въ рукахъ Генуи, Ливорны, Неаполи, Одессы и Англичанъ, кои мѣняя собственныя свои произведенія на товары Востока, продаютъ ей сіи послѣднія за дорогую цѣну.

Здѣсь должно замѣнить, что Одесса, не смотря на столь недавнее основаніе, дѣлаетъ уже главный подрывъ хлѣбной торговли Сициліи. Кругъ дѣйствій внутренней торговли сей земли также весьма ограниченъ по неимѣнію дорогъ; для оныхъ собираются, около сорока лѣтъ, большія суммы, поглощаемыя Неаполемъ — безъ пользы для Сициліи, которая платитъ ежегодно 1,847,687 унцій и 20 таринновъ подати (около 23 милліоновъ рублей) (1). Сверхъ хлѣбной торговли, главный вывозъ изъ Сициліи состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: сѣра, селитра, попашъ, соль, квасцы, сарачинское пшено, лимоны, апельсины, оливки, фиги, гранаты орѣхи, циспашки, виноградъ, вина: *Сиразскія* и *Марсальскія*, масло, шелкъ, сумахъ, солодковый корень, манна, паршаръ, Испанскія мухи, шерсть, парусина, кроличьи и ягнячьи кожи, кораллы, мраморъ, рыба и проч.

Вывозъ изъ Сициліи производитъ балансъ 27 милліоновъ нашихъ рублей, ввозъ — 18 милліоновъ рублей.

Въроисповѣданіе сего государства есть Римско-Католическое, но жители имѣютъ много суевѣрій

---

(1) См. опредѣленіе, изданное въ Казернѣ 1816 года Декабря 11.

и языческихъ обрядовъ. — Военныя силы должны состоятъ изъ 10 тысячъ пѣхоты и изъ 2 тысячъ конницы. Сверхъ того, въ случаѣ непріятельскаго вторженія, набирается такое же число милиціи, подъ предводительствомъ дворянства. Морская сила не существуетъ, ибо нельзя назвать симъ именемъ нѣсколько шебековъ, входящихъ въ составъ Неаполитанскаго флота.

Путешественникъ, полагаящій Сицилію въ томъ видѣ, какъ она была нѣкогда, привѣстствуемая въ безсмертныхъ пѣсняхъ поэтовъ, именами: *острова Цереры! тугной страны Солнца!* — приобыкшій называть ее, съ Капономъ, *кормилицею Римскаго народа*, съ Цицерономъ — *житницею Римской Имперіи*, — невольно омрачится печалью, обжекая нынѣ сей островъ и сравнивая не людей уже и не города, но одну природу теперешнихъ временъ, съ природою вѣковъ ея славы!

Сія страна, покрывая нѣкогда необозримыми жавнами и самыми роскошными произрастѣніями, бывшая предметомъ зависти древняго міра, представляетъ въ рукахъ нынѣшнихъ обитателей ея, болѣею частію карпину скалъ, палимыхъ Африканскимъ солнцемъ. Мы привыкли судить о Сициліи по описаніямъ райскихъ окрестностей Капани, Палермы и Мессины, которыя представляютъ намъ въ самой сущности Армадины сады; мы привыкли, говоря я, судить о всей странѣ по обработаннымъ мѣстамъ ея; но каково должно быть удивленіе путешественника, который проникнетъ во внутренность сего острова; компо-

рый напрямѣрь совершитъ дорогу съ сѣвернаго берега на южный, изъ Палермы въ Агригентъ, увидитъ окрестности Сегеста, Агригента, Сиракузъ или Террановы, гдѣ царствуютъ запускъ и мертвое молчаніе, гдѣ взоръ встрѣчаетъ лишь степи, нагія скалы и груды развалинъ. Но сколько величія въ природѣ Сиціліи, даже и среди сего запускъ! сколько предметовъ для воображенія! Чипапелъ ошибется, если заключитъ изъ сей картины, что природа Сиціліи опцвѣла; нѣтъ, она все та же, какъ видимая нами въ окрестностяхъ Катаніи, Палермы, Мессины или Ленцины; — путешественникъ замѣтитъ въ сихъ самыхъ мѣстахъ, лишенныхъ по видимому жизни, разительные примѣры плодородія почвы Сицілійской; — здѣсь, изъ знойныхъ щелинъ скалъ, вырастаютъ пышныя Индійскія фиги; тамъ стоитъ великолѣпный букетъ живописнаго алоэ; далѣе рощи лавровъ, лимонныхъ и апельсиновыхъ деревьевъ, или кусты розмариновъ и миршовъ; тутъ растутъ столѣтняя маслина, пышная шелковица или спройная пальма; въ самомъ ковылѣ покажутъ вамъ самородную рожь; въ болотахъ Сиракузскихъ — *патирусъ*; въ огородахъ бѣдныхъ земледѣльцевъ — сахарный проспникъ; на вершинахъ цѣшущихъ Гиблейскихъ горъ, душистые соны. И пакъ, чипапелъ, Сицілія та же, — но ея жители иные! Какъ однако проспы средспва къ возрожденію сего острова, — если бъ промышленность и торговля оживляли оный. Взгляните на сіи прозрачныя ручьи, падающіе безъ пользы на дно пропащей, — если бъ

для орошенія сихъ попаленныхъ долинъ, они по-
пекли въ каналахъ и водопроводахъ, подобныхъ
Греческимъ, Римскимъ и Сарацинскимъ (коихъ раз-
валины вездѣ видны), — вся Сицилія могла бъ тогда
опять получить названіе *сада Европы*.

IV.

ДРЕВНЕЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ СИЦИЛИИ.

Da mihi punctum ubi consistam, et terram
movebo. (*Archymedi Opera.*)

Сицилія, во всѣхъ отношеніяхъ, естъ земля классическая. Мифологическія и Историческія воспоминанія представляются на каждомъ шагу путешествующему по ней; прекрасныя развалины ея городовъ свидѣтельствуютъ понынѣ объ ея славѣ. Сицилія была спраною наукъ и художествъ. — Бросимъ взглядъ на просвѣщеніе древнихъ вѣковъ ея.

Религія сей спраны основана была на Мифологіи Грековъ; но она вся сливалась въ поклоненіе Церерѣ. Самыя опдаленныя преданія, основанныя на памянникахъ и писменахъ Греціи, свидѣтельствуютъ, что сей островъ естъ принадлежность Цереры и Прозерпины. (1) Сіе предположеніе, было врожденнымъ увѣреніемъ въ Сицилійцахъ. Ихъ Церера, обожаемая въ Эннѣ, мѣстѣ ея рожденія, первенствовала надъ Церерою Элевзинскою и принимала дары самыхъ опдаленныхъ спранъ свѣта. — Цицеронъ даетъ высокое понятіе о святошши

---

(1) Diod. Sic. I. V. — Cic. in Verr. I. III.

сего поклоненія; ибо его слова о Церерѣ города Энны исполнены особеннаго къ ней благоговѣнія; (1) онъ даже приписываетъ различныя чудеса сей богинѣ. Сверхъ открытія хлѣба, Сицилійцы обязаны ей своими первыми законами, утвердившими между ними справедливость. По сей причинѣ, она была прозвана *Бесмоворою*, т. е. законодательницею. (2) Древніе, въ образѣ Цереры, поклонялись Землѣ. Въ баснѣ о похищеніи дочери ея Прозерпины, можно видѣть естественную аллегорію прозябенія. (*Апполодоръ* (3) говоритъ, что Прозерпина рождена отъ Юпитера и Нимфы Стиксы, т. е. отъ огня и воды.) Прозерпина, по толкованію нѣкоторыхъ ученыхъ, значить на восточныхъ языкахъ—*скрытый плодъ*. (4) Плутонъ, изображаетъ солнце, которое совершаетъ зимою печеніе свое подъ исподнимъ полушаріемъ; и если Юпитеръ повелѣваетъ Прозерпинѣ оставаться одну половину года съ своимъ супругомъ, а другую съ своею матерью, то это взято изъ того, что сѣмя, выйдя изъ колоса, пребываетъ почти шесть мѣсяцевъ въ землѣ. Въ Юстиніанской галлерей достоинъ замѣчанія мраморъ, изображающій необыкновеннымъ образомъ похищеніе Прозерпины. Юная богиня сія представлена подъ покрываломъ, но половина тѣла ея вошла уже въ землю. Эта аллегорія

---

(1) Cic. in Verr.

(2) *Thesmos*: законъ; *pherein*—нести.

(3) Lib. I. c. III. § 1.

(4) Noël. Dict. Myth.

ясно изображаетъ землю, которая, будучи раздрана плутомъ, принимаетъ въ себя сѣмя. Въ дополненіе къ сему должно замѣтить, что воспоминаніе похищенія Прозерпины праздновалось 2-го Октября, во время посѣва; а возвратъ ея весною, во время прозябенія.

Послѣ Цереры и Прозерпины, Иракль, Вакхъ и Вулканъ были особенно почитаемы Сицилійцами.

Преданія сохранили довольно подробно путешествіе перваго изъ нихъ по Сициліи. (1)

Во времена историческія, Сицилія озарилась свѣтомъ Философіи Грековъ. Природа, гостепріимство обитателей и покровительство, оказываемое чужеземцамъ, Царями сей страны, привлекли въ нее знаменитѣйшихъ Философовъ. Пифагоръ, Ксенофонъ Колофонскій, Зенонъ Элейскій, Эсхиль, Симонидъ и другіе, — окончили въ ней дни свои. — Гіеронъ и Діонисій любили общество сихъ геніевъ, и забывали съ ними тяжестъ вѣнца. Несравненный Платонъ три раза преплывалъ изъ Греціи въ Сицилію — дивился чудесамъ ея природы и обращалъ къ добродѣтели тирановъ Сиракузскихъ.

Ученіе Пифагорово было всегда главнымъ основаніемъ Философіи Сицилійцевъ; сей великій мужъ былъ убитъ въ сраженіи между Агригентианцами и Сиракузянами, защищая первыхъ. (2) Главными послѣдователями его въ Сициліи были: Эмпедокль

---

(1) Diod. Sic. L. IV. c. VI.

(2) Diog. Laert. de Pyth.

Агригентскій, Харондасъ Капанейскій, Колесъ Сѣлиноитскій, Пиеіасъ, Дамонъ, Леппинъ и Эквантъ — Сиракузскіе. Но славнѣйшимъ изъ нихъ и даже изъ всей Пиеагоровой школы, былъ Эмпедоклъ, коего творенія столь уважались, что многіе почитали ихъ даяніемъ Неба. (1) Агригентяне предлагали ему нѣсколько разъ корону, но онъ не измѣнилъ Философіи и отказался отъ сей почести. Слѣдуя Секстію Эмпирику, онъ признавалъ Божественный духъ, разлитый по вселенной, началомъ всякаго бытія; души человѣковъ и животныхъ, по его мнѣнію, суть частицы или испеченіе онаго. (2) Онъ первый сказалъ, что огонь, вода, воздухъ и земля суть чешыре стихій, и что они состоятъ изъ сферическихъ частицъ. Онъ утверждалъ, что растѣнія суть родъ животныхъ. Это мнѣніе заслужило одобреніе Платона. (3) Эмпедоклъ спарался составить теорію чувствованій; онъ говорилъ, что *подобное ищетъ подобнаго*; приписывалъ каждому нашему чувству свойственную ему стихію; такимъ образомъ огонь открывался огню, т. е. зрѣнію; воздухъ воздуху, т. е. слуху; раздоръ сообщается съ раздоромъ, а любовь съ любовью. (4) Эмпедоклъ, какъ Моралистъ, обратилъ вниманіе людей на высокіе предметы, относящіеся до происхожденія зла; онъ казался руководимымъ сильными и

---

(1) Lucret. L. I. v. 730.

(2) Adversus Math. I. § 302, 303; IX. § 127.

(3) Diog. Laert. L. VIII. n. 76.

(4) Advers. Math. VII. § 120. Arist. de Animâ. L. 2.

меланхолическими размышленіями о семъ важномъ предметѣ. (1) Наконецъ, онъ училъ, что человѣкъ не можетъ ни чего знать, по тому, что разумъ его слабъ, чувства обманчивы, а жизнь мгновенна. (2) Онъ обыкновенно одѣвалъ блестящими красками Поэзіи ученія Философовъ. Познанія его въ Медицинѣ были столь глубоки, что многіе мнили видѣть въ немъ бога. (3) Его признають настоящимъ авторомъ столь знаменитыхъ золотыхъ спиховъ, приписанныхъ Пифагору; слава сія есть уже не малая. Эмпедоклъ, почти всегда, былъ въ положеніи человѣка воспорженнаго. Онъ погибъ въ краперѣ Элпны. Сей Философъ былъ самымъ ревностнымъ гражданиномъ, и защитникомъ свободы. Спатуя, которую воздвигли ему въ Агригентѣ, перенесена была въ Римъ и поставлена противъ Сенапа. (4)

Послѣ Эмпедокла, занимаетъ первое мѣсто между Философами Сицилійскими, Эпихармъ; объ немъ говорили, что подобно—какъ солнце превосходитъ всѣ звѣзды, а море всѣ рѣки, такъ и Эпихармъ, вѣнчанный Сиракузами, превосходитъ прочихъ человѣковъ. (5)

Дицеаркъ Мессинскій считался однимъ изъ славнѣйшихъ Перипатетиковъ. Цицеронъ называетъ его *великимъ* и *своею отрадою*; сего доста-

---

(1) Degerando Hist. des syst. de philos.

(2) Cic. Acad. Quaest. L. I. c. 12.

(3) Diog. Laërt. de Emped. c. II. 39.

(4) См. *Suidas*. art. *Emped.*

(5) Diog. Laert. ubi supra.

почно для его славы. (1) Онъ утверждалъ, что душа человѣческая есть гармонія чепырехъ спихй, (2) и доказывалъ, что злоба человѣковъ болѣе испребляетъ родъ ихъ, нежели чума и другія физическія причины.

Геленъ Сиракузскій былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ гадашелей.

Сиракузскій Циникъ, Монимъ, первый изъ Философовъ сказалъ, что *все есть суета*.

Гицетасу Сиракузскому Астрономія обязана главною своею истиною, возобновленною Коперникомъ. Не лишнимъ будетъ привесть здѣсь любопытный опривокъ сего древняго Астронома, сохраненный намъ Цицерономъ. (3) — „Гицетасъ, Сиракузскій, говоритъ онъ, полагалъ, что всѣ звѣзды пребываютъ неподвижными и что во вселенной одна токмо земля движется; она, быспрымъ вращеніемъ вокругъ своей оси производитъ поже самое явленіе, какое бы происходило въ прошивномъ случаѣ, еслибъ земля была неподвижна, а все небо вращалось кругомъ ея.“ Мнѣніе о множествѣ міровъ было общимъ въ Сициліи.

Цефантъ Сиракузскій, первый призналъ Пнеагоровы монады тѣлесными; онъ назначалъ двѣ причины всѣмъ вещамъ: нераздѣльные *атомы* и пустоту. Онъ утверждалъ, что безчисленное мно

---

(1) Cic. Acad. Quaest. L. IV. 40. Id. Tuscul. L. I. 10.

(2) Plut. de opin. philos. L. IV, c. 1.

(3) Cic. Quaest. Acad.

жеспиво міровъ управляемо Божескимъ Провидѣніемъ. (1)

Архепимъ Сиракузскій и Аристоклесь Мессинскій, писали Испорію Философій. Нѣсколько опривковъ изъ ихъ твореній сохранилось въ Евсебій и Свидіи.

Харондасъ Капанейскій былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ законодательей въ мірѣ. Для воспрещенія частыхъ измѣненій въ законахъ, онъ постановилъ, чѣобы шопъ, кпо явился предлагать нововведеніе, имѣлъ на шеѣ веревочную петлю, для того, чѣобы, въ случаѣ неодобренія, быть удушену.

Медицина считалась у Древнихъ отраслію Философій: кромѣ Эмпедокла, о коемъ уже было упомянуто, Эпихармъ, Философъ и Поэтъ, былъ также Медикомъ, — и славенъ помощію оказанною имъ, Селинонпьянамъ, во время мороваго повѣтрія. Занимавшіесь особенно сею наукою, были слѣдующіе: Павзаній, уроженецъ изъ города Геллы, извѣстный только по нѣсколькимъ спракамъ Діогена Лаэртія; Поликлетъ Мессинскій, исцѣлившій пирана Фаларида отъ болѣзни, которую считали неизлѣчимою; Геродикусъ, братъ Орапора Горгія Ленпинскаго: — для его славы доспапочно сказать, чѣо великій Иппократъ былъ его ученикомъ. Главное его правило для поддержанія здоровья, состояло въ движеніи; онъ многимъ прописывалъ, вмѣсто лѣкарства, прогулку изъ Аѣинъ въ

---

(1) Stob. Eclog. phys. et Degerando: Hist. des syst. de philos. T. I, p. 427.

Мегару, и обратно, что составляло около 160 верстъ. (1) — Фидиспонъ былъ современникомъ Иппократа. — Менекрапъ Сиракузскій хотя былъ и весьма ученъ, но гордость его и самолюбіе превосходили всякую мѣру. Вылѣчивъ нѣсколькихъ больныхъ, находившихся въ безнадежномъ положеніи, онъ прозвалъ себя Юпитеромъ, и вмѣсто награды за лѣченіе, претовалъ опъ нѣкопорыхъ, слѣдовавъ за нимъ; — онъ давалъ имъ имена: Меркурія, Геркулеса, Аполлона, и говаривалъ, что — подобно Зевесу, онъ путешествуетъ по землѣ съ богами. Извѣстно его письмо къ Филиппу Македонскому, которое начиналось такъ: „*Менеκραтъ-Юпитеръ, Филиппу: желаетъ счастья,*“ а далѣе пишетъ онъ ему: „*ты умерщвляешь здоровыхъ, а я изцѣляю болящихъ.*“ Но Филиппъ опѣшествовалъ, что онъ желаетъ ему болѣе смысла и совѣщаетъ съѣздить на островъ Анпициру, обильный чемерицею (*helleborus*), которая, по мнѣнію Древнихъ, вылѣчивала опъ сумасшествія. (2) Повѣствуютъ, что Филиппъ пригласилъ однажды Менекрапа, съ его *богами*, на обѣдъ, и что когда начали воѣмъ подавать кушанье, то передъ Менекрапомъ и его поваричами, постановили курильницы съ *енміа*момъ и начали совершать имъ возліанія. — Плиній (3) говоритъ, что Акронъ Агригентскій былъ основателемъ секты Эмпириковъ; подъ симъ име-

---

(1) Plat. in. Gorg.

(2) Athen. L. VII. Aelian. Var. hist. L. XII, c. 51. — Plat. in. Agesil.

(3) L. XXIX, c. IV.

немъ, Древніе, какъ извѣстно, разумѣли тѣхъ медиковъ, кои утверждались поком на однихъ опытахъ.

Отъ многоаго числа Сицилійскихъ Историиковъ дошли до насъ только творенія *Θεμιστοгена* и *Διοδора*.

Первый, урожденецъ изъ Сиракузъ, написалъ знаменитое сочиненіе подъ названіемъ: *Отступленіе десяти тысячъ Грековъ*, приписываемое обыкновенно Ксенофонту; нынѣ уже не существуетъ сомнѣній въ томъ, что настоящимъ авторъ онаго есть *Θεμιστοгенъ*: о семъ говоритъ даже самъ Ксенофонтъ, въ началѣ III-й книги своей Греческой Истории. (1)

Второй есть знаменитый *Διοδορὸς*, урожденецъ изъ Аргиріума (нынѣ: San-Filippo d'Argiro). Изъ 40 книгъ, его *Всѣобщей Истории*, мы имѣемъ только 15, съ нѣсколькими опрывками отъ другихъ. Его твореніе, драгоцѣнно, въ особенноспи для Истории Сициліи и весьма полезно для путешественника по древностямъ сего острова.

Кромѣ сихъ двухъ славныхъ Историиковъ, Антиохъ Сиракузскій, написалъ 9-ть книгъ Истории Сициліи. Дицеархъ Мессинскій, о которомъ я говорилъ уже какъ о великомъ Философѣ, не менѣе славенъ и какъ Историкъ. Онъ сочинилъ, подобно Плутарху, біографію великихъ мужей и о правленіи Спаршанцевъ, Коринѣянъ и Аѣинянъ. Первое изъ сихъ трехъ сочиненій было споль уважаемо въ Лакедемонѣ, что оно чипали ежегодно въ

---

(1) См. также: *Stanley, de script. Xenoph. T. I. p. 221.*

присутствіи Эфоровъ и юношества. Цицеронъ, въ письмахъ къ Аппику, совѣщаетъ ему чинить *Диссарха*, и называетъ его: *удивительнымъ*.

Схотіасиъ Аполлоній (1) сохранилъ намъ изъ Диссарховой Исторіи Египта, о коемъ онъ много изыскивалъ, весьма любопытный опривокъ, въ которомъ онъ говоритъ, что послѣ Оруса, сына Изиды и Озирида, царствовалъ *Сесонхозисъ* и что промежуткоу царствованія сего перваго Царя до Нила или Нилуса, заключаетъ 2500 лѣтъ, а отъ Нилуса до 1-й Олимпіады 436 лѣтъ. Посему, Менесъ, коимъ начинають династію Египетскихъ Царей — Геродотъ и Діодоръ, — не есть первый Царь. Египетъ долго еще, а можетъ быть и навсегда, останется великою тайною Исторіи и Хронологіи.

Филистъ Сиракузскій написалъ двѣ Исторіи: первая, заключавшая періодъ 800 лѣтъ, кончалась взятіемъ Агригенна Карфагенцами; а другая, началась съ сей эпохи. Онъ также писалъ Историю Египта и Діонисія, выхваляемая Цицерономъ, который сравнивалъ его съ Фукидидомъ. (2)

Тимей Тавроминскій заслужилъ большую знаменитость своими Исторіями Италіи, Сициліи и Оивъ, особенно отличавшимися вѣрностью Хронологіи. Цицеронъ выхваляетъ его ученость и краснорѣчіе. (3) Исторія ему много обязана тѣмъ

(1) L. IV. v. 272.

(2) Cic. de Divin. L. I. c. 20; *id.* de orat. L. II, c. 13. — *id.* ap. Brut c. 17.

(3) *Id.* Orat. L. II, c. 14.

что онъ первый ввелъ счисленіе Олимпіадами, которое есть первое общее лѣтосчисленіе. Скалигеръ называетъ его: *стражемъ временъ* (Custos temporum.) (1)

Евгемеръ Мессинскій, написалъ Исторію боговъ, въ которой онъ говоритъ, что всѣ боги язычества суть не что иное, какъ могущіе, сильные и добродѣльные человѣки, обоготворенные человѣками же. (2) Онъ опредѣлялъ мѣста погребенія сихъ боговъ, посредствомъ памятниковъ и надписей, изъ коихъ иные, по его словамъ, были имъ самими освидѣтельствованы на островѣ *Панхайи*; островъ, можетъ быть, выдуманный, хотя иные признаютъ его существованіе; вѣроятно, что это также Аплантида Сенеки и Платона, оспатами коей полагаютъ нынѣ острова Мадеру, Канарскіе и Асорскіе. (3)

Эмпедоклъ Агригентскій, первый положилъ основаніе теоріи искусства увѣряетъ или склоняетъ. (4) Послѣ, ученики его, Сиракузяне: Кораксъ и Физіасъ составили изъ дара слова, науку, и открыли школу краснорѣчія. — Съ водворенія республиканскаго правленія въ Сидиліи, по смерти Гелона и Гіерона, краснорѣчіе достигло своего совершенства. Весьма естественнo, что тогда, искусство склоняетъ народъ, содѣлавшійся главою

---

(1) Scalig. Not. à l'an 1241. d'Eusèbe.

(2) Cic. de nat. deorum. L. I, c. 42.

(3) Euseb. Prepar. Evang. — Minucius Felix. — Lact. L. I, c. 2. — Cellarius. T. II, p. 707. Mem. de l'acad. des Belles-Lettres. T. VIII.

(4) Arist. poet.

правленія, должно было почипаться первымъ и нужнѣйшимъ.

Но Горгій или Горгіасъ Леонтинскій, также ученикъ Эмпедокла, возвелъ сіе искусство въ Сициліи на высочайшую степень; онъ былъ учителемъ Лизіаса, Исократа, Алкивіада, Анпмеона и другихъ славныхъ Ораповъ. Есхинъ и Эсхиль ему подражали; вся Греція прославляла его. Ему воздвигли золотую статую въ Дельфахъ. (1) Аѳиняне включили въ число празднествъ дни, въ которые онъ говорилъ средь нихъ, и называли его богомъ краснорѣчія. (2) Онъ же, написалъ книгу о природѣ, въ коей старался доказать, что человекъ ничего не можетъ наслоящимъ образомъ познать. (3)

Достигнувъ глубочайшей старости и приближаясь къ концу жизни, онъ впалъ въ болѣзнь, отъ коей находился обыкновенно въ усыпленіи. Посѣщавшій его въ семъ положеніи другъ, спросилъ его однажды: какъ онъ себя чувствуетъ? „Я чувствую, отвѣчалъ онъ, что сонъ начинаетъ меня передавать въ руки своей сестры.“ Виргилій также называетъ сонъ: *Consanguineus Lethi*. (4)

Я сказалъ уже выше, что Сицилія можетъ называться колыбелью пастушеской Поэзіи. Виргилій называетъ Вуколическихъ Музъ: *Sicelides Musae*. (5)

---

(1) Cic. de orat. L. III. 52. Valer. Max. L. VIII. c. 15.

(2) Faz. l. III. c. III. Burigni. Hist. de Sc. T. I, p. 9. о рукописяхъ Горгіаса во Флоренціи.

(3) Philostr. — Sext. Empir.

(4) Aeneid. L. VI.

(5) Ecl. IV. v. I. и Ecl. VI. v. I.

Извѣстная, начальная эпоха Поэзіи Сицилійцевъ; принадлежитъ времени поселенія Греческихъ колоній на семь островѣ.

Древнѣйшіе Поэты онаго сущь: Аристоксенъ Селиноптскій и Спезихоръ Гимерійскій. Время существованія перваго, полагаютъ въ 29 Олимпіадѣ (664 г. до Р. Х.) (1) Онъ изобрѣлъ Анапестъ. (2) Спезихоръ былъ современникъ Фаларида (около 566 или 554 до Р. Х.). (3) Онъ считался однимъ изъ величайшихъ геніевъ Греціи. Горацій сказалъ объ немъ:

Stesichorique graves Camenae.

Его стихотворенія хранились въ храмахъ. Онъ написалъ Поэму о разрушеніи Трои; достойное подражаніе Иліады (4) и Сапиру на Елену. Сія Сапира подала поводъ къ выдумкѣ извѣстной басни, что боги, въ опмщеніе Еленѣ, лишили его зрѣнія, которое ему возвращено было, когда онъ воспѣлъ ей похвалу. Александръ Великій весьма уважалъ первую ихъ сихъ Поэмъ.

Многіе увѣряли, что первые вуколики сочинены были въ Тиндарѣ Сицилійскомъ, по случаю перенесенія шуда спатуи Діаны Таврической, Ореспомъ; (5) но можно сказать вѣроятнѣе, что историческое начало вуколической Поэзіи происходитъ со времени празднества, учрежденнаго въ Сиракузахъ,

---

(1) Euseb.

(2) Giraldus.

(3) Heeren. Handb. des Gesch. des st. d. Alterth.

(4) Quint L. X, c. 10.

(5) Burigny. T. I, p. 3.

въ чesть Діаны. Это самое подтверждается
Виргиліевымъ стихомъ:

Prima Syracosio dignata est ludere versu
Nostra, neque erubuit silvas habitare, Thalia. (Ecl. VI.)

Аеиней (1) говоритъ, что первымъ изобрѣпателемъ вуколиковъ былъ Сицилійскій паспырь Діомъ, о коемъ упоминаетъ Эпихармъ. Вуколиками назывались пѣсни, пѣпяся паспухами, подъ звуки флейты, и съ плясками, при выгонѣ стадъ. Пѣсни сіи не должно смѣшивасть съ Эклогами и Идилліями. Теоκριтъ, Сиракузянинъ, слишкомъ знаменивъ, чтобъ нужно было говоритъ о немъ, произнесъ его имя. Виргилій, считавъ его своимъ образцемъ. Послѣ Теокрипа, должно называть Мосха, оуъ коего намъ оспалось, къ сожалѣнію, весьма мало; но и сіе достаточно, чтобъ сдѣлать его великимъ Поэтомъ. Силлій Импаликъ говоритъ о поэтахъ Сициліи:

Hic Phoebæ digna et Musis venerabere Vatum
Ora excellentum, sacras qui carmine silvas,
Quique Siracosia resonant Heliconæ Camena (2).

Чтобъ показавъ степень народнаго просвѣщенія въ древней Сициліи и врожденную любовь жителей ея къ Поэзіи, я приведу здѣсь рассказываемое Плутархомъ и Еліеномъ. (3) Многіе изъ Аеинянъ, полоненные Сиракузянами въ несчастную экспедицію Никіаса и Демосѣена, избавляли себя оуъ

(1) Athen. L. XIV.

(2) L. XIV. v. 28 — 30.

(3) Plut. in. Nic. c. 52. — Acl. var. hist.

плѣна и смерти, чиняя Сицилійцамъ, на память, стихи изъ Эврипида; ибо Сицилійцы любили произведенія сего знаменитаго трагика болѣе, чѣмъ сами Греки; стихи его переходили у нихъ изъ устъ въ уста. Освобождавшіеся такимъ образомъ изъ плѣна, Греки, поставляли себѣ первымъ долгомъ — идти благодарить Эврипида и рассказывать ему свои приключенія.

Послѣ испребленія послѣдней части Никіасовой арміи, на рѣкѣ Азинаріи, разсѣянные Аѳиняне, бродящіе безъ пристанища и пищи, снискивали себѣ оныя у поселянъ, воспѣвая имъ стихи Эврипида.

Одинъ Карійскій корабль, преслѣдуемый корсарами, просилъ позволенія войти въ Сиракузскую гавань. Сиракузяне опасались принять незнакомцевъ; но — спрося у нихъ, не знаютъ ли они чего изъ пѣсень Эврипида и получа утвердительный отвѣтъ, не медля впустили ихъ за сію плагу.

Солинъ и Силлій Ипаликъ говорятъ, что Гимера видѣла первыя театральныя представленія. Сиракузяне Эпихармъ и Формискъ суть, по словамъ Аристопа, первые изобрѣтатели *дѣйствій*. Платонъ почиталъ Эпихарма совершеннѣйшимъ писателемъ древней Комедіи. Аполлодоръ, изъ Геллы, былъ знаменитымъ Комикомъ и образцомъ Теренція. Изобрѣшеніе *миловъ* или *пантомимовъ* принадлежишь также, по свидѣтельству Солина, Сицилійцамъ (1).

Извѣстно, что художества процвѣтали въ Сициліи въ самыхъ опдаленныхъ вѣкахъ, въ царств-

---

(1) Sol. c. X.

вованіе Гелона, Гіерона и двухъ Діонисіевъ, и что всѣ города Сициліи были наполнены произведеніями самыми изящными. Я буду имѣть случай говорить о нихъ въ моемъ Путешествіи. Не смотря на непрестанныя войны съ Карфагенцами, Сиракузы заключали въ себѣ великихъ художниковъ, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ превосходныя серебряныя медали времени Агаоклеса, (1) изображающія съ одной стороны голову Прозерпины или Аретузы, а съ другой, побѣду.

Царствованіе Гіерона II-го было весьма благопріорно для Искусствъ. Можно судить объ ихъ совершенствѣ въ его время, по знаменитому кораблю, построенному подъ смотрѣніемъ Архимеда, и который могъ считаться на ряду съ 7-ю чудесами Свѣта. Корабль сей имѣлъ съ каждой стороны по 20 рядовъ весель и заключалъ въ себѣ водопроводы, сады, бани, храмы и цѣлый арсеналъ осадныхъ и другихъ орудій. Полъ въ одной изъ залъ былъ составленъ изъ мозаиковъ, изображавшихъ всю Иліаду. (2)

Но чтобы судить вполне о роскоши и совершенствѣ художествъ въ Сициліи, должно прочесть Цицеронову рѣчь противъ Верреса, названную: *de signis* (о спашуяхъ), гдѣ онъ описываетъ грабежи сего Претора въ Сициліи. Сиракузы, говоритъ Ораторъ, потеряли во время правленія

---

(1) См. въ концѣ книги: *медали*.

(2) *Ath. l. V. Faz. de reb. Sic.*

Верреса болѣе спатуй, нежели убіенныхъ, во время осады сего города Маркелломъ. Кромѣ Сиракузъ, всѣ другіе города, были предметомъ его алчности. Аббатъ Фрагье (Fraguier) написалъ цѣлую диссертацію о похищеніяхъ Верреса, подъ заглавіемъ: *Galerie de Verrès*. (1) До насъ дошло имя одного покло Сицилійскаго ваятеля, называемаго: Пивагоръ Ленпинскій; онъ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ художниковъ Греціи и первый довелъ до совершенства изображеніе мускуловъ, жилъ и волосъ. Платонъ и Плиній говорятъ объ немъ; послѣдній упоминаетъ о его статуяхъ: *Астила* и *Хромоногаго*. Нынѣшніе Музеумы Сиракузскій и Капанскій, хранятъ въ себѣ достаточныя свидѣтельства о совершенствѣ ваянія въ Сициліи. (2) Живописецъ Демосилъ Гимерійскій былъ учителемъ знаменитаго Зевксиса. Его *Алкмена*, хранимая въ Агригенѣ, была одною изъ превосходнѣйшихъ картинъ древности. (3) — Музыка обязана также многимъ Сициліи. По увѣренію Плутарха, Спези-хоръ сдѣлалъ большія открытія въ оной. Платонъ учился музыкѣ у Метелла Агригенскаго. Формиксъ, родъ гитары, и цимбалъ изобрѣтены въ Сициліи. Флейта изобрѣтена пастухомъ, изъ окрестностей Капаны. — Андроній Капанейскій ввелъ первый, мѣрныя движенія пѣла при звукѣ флейты, отъ чего и произошло употребляемое у

---

(1) См. *Memoires de l'acad. des inscr.* T. VI.

(2) См. Т. II-й сего Путеш., въ статьѣ о Муз. Сиракуз.

(3) *Plin. L. XXXV.* с. 36.

Древнихъ слово: *сицилизовать*, т. е. *плясать*. Эліенъ повѣствуетъ, что нѣкто Орикадмъ, Сициліецъ, установилъ правила борьбы, названной потомъ *Сицилійскою борьбою*.

Механика дошла въ Сициліи до степени высочайшаго совершенства: — довольно для сего назвавъ Архимеда; кто не знаетъ того, который сказалъ: „Дайте мнѣ мѣсто, гдѣ бѣ я могъ утвердиться, и я совершу землю? — того, который, одинъ, защищалъ Сиракузы противъ цѣлой арміи Римлянъ и коего прозвали *спорукииѡ Бриареиѡ*!

Наконецъ, совершенство Архитектуры Сицилійцевъ, видно и понынѣ въ изящныхъ оспапкахъ храмовъ: Агригенпа, Сегеспа, Сиракузъ, Селинонпа и проч., приводящихъ въ удивленіе художниковъ всѣхъ временъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ.

Г Л А В А I.

ОТПЛЫТІЕ ИЗЪ НЕАПОЛЯ.

. . . nec jam amplius ulla
Occurrit tellus; maria undique, et undique coelum. . .

(*Virg. Aen.*)

Дневной жаръ начиналъ мало по-малу ослабѣвать, и легкій вѣперокъ, игравшій парусами нашего корабля, почти незамѣтно отдвигалъ его отъ берега. . . Солнце клонилось уже къ западу; — лучи его, скользя по блестящей поверхности моря, осыпали багрянымъ свѣтомъ прелестный Неаполь, увѣнчанный садами и замками. Какіе берега! Какіе предметы, составляютъ полукружіе сего очаровательнаго залива! Вотъ, грозный Везувій, клубящій черные столпы дыма по лазури райскаго неба Ипаліи! Вотъ, у цвѣтущей подошвы его, веселый *Портиги*: — это мавзолей пышнаго *Геркуланума*, погребеннаго подъ нимъ въ волнахъ лавы. Тамъ, далѣе, подъ грудями пепла, таиися злосчастная *Помпея*; — тамъ малая часъ ея, съ обезображенными храмами, театрами и портиками, проглядываетъ изъ-подъ праурнаго покроя своего на очаровательное небо, подъ коимъ она нѣкогда дышала нѣгою жизни! Здѣсь, высоко возносятся разнообразныя верхи ландшафтныхъ горъ *Сорренто*, —

отечество Пѣвца Іерусалима! — Взгляните теперь на западъ: вопъ живописная гора *Позилипо*, — а на вершинѣ ея, въ пѣни лавровъ и миршовъ, гробница *Виргилія*, котораго взлелѣяла прелесная *Парпенопа*: (1) *dulcis aiebat Parthenope...* (2) и ко- его невидимый геній, кажется, доселѣ покрови- тельствуетъ любимыя мѣста свои. За нею, въ глубинѣ сего мирнаго залива, разсѣянъ по берего- вому скапу, городъ *Пуццоло*; надъ нимъ, господ- ствуютъ хребты дышащей зноемъ горы *Сольфа- таро*. Вопъ, очаровательная *Баія* — сладострасп- ное убѣжище древнихъ Римлянъ. Сколько развалинъ храмовъ и дворцовъ смопрятся здѣсь въ зеркало едва плескающагося моря, и болѣе не узнаютъ себя!.. Тамъ, далекѣ вдаются въ волны живописный мысъ *Мизенъ*, куда приспалъ *гонимый судьбою Эней*, *fato profugus*. За сими лѣсиспыми высотами, скры- ваются таинственныя жилища *Сивиллы Кумской*; далѣе, грозный *Тартаръ* и опрадна *Элисейскія поля*; здѣсь, выходятъ изъ безднъ моря, острова: *Низида* — съ подводными скалами, *Прогида*, *Искія*. Сей послѣдній, гордо возвышается въ видѣ лазур- ной пирамиды, на вершинѣ коей догараютъ послѣд- ние лучи солнца. . . Теперь, мы проходимъ мимо кремнистыхъ скалъ пасмурнаго *Капрія*: уединенное жилище *Тиверія*, гонимаго безпрестанно муками совѣсти и пѣнями жершвъ его, коимъ не загра-

---

(1) Древнее наименованіе Неаполя.

(2) Virg. Georg. Lib. IV, in fine.

ждали входа къ нему, ни ужась, ни угрозы, — спражи недоспущныхъ спѣтъ его дворца!

Окруженный неизъяснимыми красотою Природы, которыя ежеминутно перялись уже въ туманъ опдаленности, я старался напечатлѣть ихъ въ своей памяти; не примѣчалъ происшедшаго вокругъ меня — и не могъ опвески опъ нихъ глазъ....

Солнце уже сѣло, и Неаполь исчезалъ въ пурпуровыхъ сумеркахъ; но Везувій, спрашилище сихъ береговъ, долго синѣлъ еще на опдаленномъ горизонтѣ, озаряя оный изрѣдка пуками молній...

И сумракъ почи разспилалъ
Невидимыл крила;
Спражъ молчаливо управлалъ
Движеніемъ кормила;
Липъ изрѣдка своимъ шестомъ
Компасу прикасался... (1)
Почили спутники кругомъ —
И жребіи всѣхъ оберегался
Одною опылкой рукой.
Съ пугеводителя, магнитна
Опъ не спускаешь взоръ тѣмой, —
И мимо правитъ опъ граница,
Который выросъ подъ водой; —
И непримѣтно загоралась
Звезда въ слѣдъ за другой звездой, —

---

(1) Тѣ, кои путешествовали по морю, знаютъ обыкновенно кормчихъ — пошевѣливать компасъ, для того, чтооь спрыка его не заспавалась.

И ночь надъ бездною воцарилась...
Межъ тѣмъ, восточная страна
Внезапнымъ свѣтомъ просіяла;
Какъ раскаленный шаръ, луна,
Изъ моря тихо выплывала:
Чѣмъ болѣе она изъ водъ
На небо возносилась,
Тѣмъ болѣе, съ голубыхъ высотъ
Свѣплѣла и сребрилась —
И — осіянная въ лучахъ,
Склоненная на волны,
Соорудила на струяхъ
Алмазный столпъ огромный.
Съ чудесною картиной сей
Мой взоръ не расставался;
Межъ тѣмъ, ясное и ласкѣй
Сводъ неба разгорался, —
И какъ великъ воспоргъ былъ мой,
Когда я, занятый глубокою мечтою,
Склонившись на море, увидѣлъ подъ собою
Другія небеса и сонмъ свѣтилъ другой! —
Ошвсюду солнцами и небомъ окруженный,
Въ смятении чувствъ своихъ, я мнилъ,
Что вдругъ, съ землею разлученный,
Бездонной вѣчности я въ Океанъ плылъ! . .
О! какъ люблю я восхищаться
Великолѣпною картиною небесъ!
Съ звѣздами, пламенной душой люблю слѣпаться
И прочь отъ сей юдоли слезъ
Парить на криліяхъ безмерныхъ
Туда, въ лазурную сынь! . .

Высокія красоты природы погружаютъ меня
скоро въ задумчивость, и часто, вмѣсто пого,

чпобы прилѣплять къ здѣшнему міру, возносясь въ неизвѣстный, который, будучи такъ непонятенъ разуму, близокъ сердцу и какъ будто бы знакомъ ему . . .

Поднявшійся проливный вѣтеръ долго продержалъ насъ около одного мѣста; скрыть снастей отъ непрестанныхъ переспановокъ парусовъ, часто перевозилъ мой сонъ. Съ восходомъ солнца наспалъ совершенный *штиль*, но мы поперяли уже изъ виду землю, и необозримое море разсплалось огромнымъ полемъ, сливаясь со всѣхъ сторонъ съ небомъ. Мы спавили парусъ за парусомъ, и наконецъ ихъ набралось такъ много, чпо иные почти касались моря; ни одинъ зефиръ не могъ пролетѣть мимо, чпобъ не задѣвъ насъ крыломъ своимъ. Средиземное море имѣеть какой-то необыкновенный лазурный цвѣтъ, по причинѣ почти всегда яснаго неба; не удивительно, чпо Древніе произвели изъ волнъ его богиню любви. Зефиры были намъ вѣрными спутниками во все время нашего плаванія; ни одно облако не пролетало по небу; зори оспаривали красотою одна другую; солнце вставало и заходило въ бездны моря во всемъ величїи; какъ часто я вспрѣчалъ и провожалъ его, полный воспора! . .

Я находился, на прехмачповомъ военномъ пакетбонтѣ, опредѣленномъ для сообщеній между Неаполемъ и Палермою. Общество наше

состояло большею частию изъ Палермитянъ. Тутъ была Княгиня *Ланци* съ мужемъ, которая вручила мнѣ, уже на бордѣ, рекомендательное письмо въ Палерму, отъ Дюшессы *Бервикъ*, (съ коею я былъ знакомъ въ Неаполь). Я назову Графа *Алари*, человѣка весьма свѣдущаго, особенно въ дѣлахъ своего опечесства; Графа * * *, жителя окрестностей *Терра-Новой*, коего имя, къ сожалѣнію, ускользнуло изъ моей памяти; Маркиза К., познакомившаго меня, во время сего перѣзда, съ прелестными стихотвореніями Аббата *Мелли*, Анакреона Сициліи. Но я имѣлъ наспоющимъ товарищемъ предпринимаго мною путешествія, сослуживца и соопечесвенника моего, Полковника К . . . . . а. Кто бывалъ на морѣ, поэтъ согласится, что въ первый день плаванія, самое любезное общество, отъ непривычки къ движенію корабля, унываетъ, оспаетъ въ бездѣйствіи и чрезъ нѣсколько часовъ по снятіи съ якоря разсѣвается въ разныя спороны, и тогда корабль представляетъ часто видъ госпиталя. Со вторымъ или третьимъ днемъ, общество пассажировъ мало по-малу оживляется выздоровляющими, и — начинается знакомство. Такъ было и съ нами. Мы сошлись весьма скоро. Когда взоры ни чѣмъ не развлечены, когда необозримыя пространства моря и неба суть единственные предметы, — тогда невольно связь съ ближнимъ дѣлается тише.

Слабый вѣтеръ очень мало подвигалъ насъ, но скука не касалась общества. Однажды, укло-

нясь на конецъ палубы съ молодымъ Графомъ * * мы любовались захожденіемъ солнца, открывая въ опдаленіи бѣлюющія вѣтрила; мы переходили изъ мечтаній въ мечпанія, которыя, какъ бы полпами, слепаютъ съ небесъ по захожденіи дневнаго свѣтила — и погружаютъ въ сладкую задумчивость предприимчивыхъ мореходцевъ. Представляясь часпо въ видѣ мрачной и даже грозной будущности, ночь, имѣетъ болѣе таинственности на морѣ, чѣмъ на землѣ.

Era già l'ora che volge' l disio
A' naviganti e'ntenerisce il cuore,
Lo di ch' han detto a' dolci amici addio;
E che lo nuovo peregrin, d'amore
Punge, se ode squilla di lontano,
Che raja' l giorno pianger che si muore . . . (1)

(Dante. *Purg. C. VIII.*)

Въ сіи торжественныя минуты, сообщали мы другъ другу съ какою-то невольною искренностію, примѣчательнѣйшія черпы нашей жизни, и вопъ отрывокъ изъ жизни Сицильянца:

„Въ печеніе послѣдней войны съ * * *, — началъ онъ, — я имѣлъ несчастіе попасться въ плѣнъ

---

(1) Вопъ тихій часъ, когда поскующій, упылый,
Мечпаетъ плаватель съ расстроганной душой,
О сказанномъ: *прости*, своимъ друзьямъ и милой; —
И пуппикъ слушаетъ съ пріипною тоской,
Какъ дальній колоколъ оплакиваетъ помно —
День, умирающій за горной высотой. . .

къ непріятелю, въ одномъ морскомъ сраженіи. Побѣдители, жестоко дали мнѣ чувствоватъ права сильнаго, заключа меня въ нижнюю часть корабля, вмѣстѣ съ однимъ молодымъ Французомъ. Каюта наша, если можно назвать симъ именемъ мрачный, смрадный уголъ, гдѣ едва могли мы спити при или чепыре шага, была пропитана всякой шорьмы. Удушливый воздухъ, скудная пища, жестокое обращеніе, довели насъ скоро до опчаянія. Тѣсно сближенные несчастіемъ, мы перялись мыслями, изыскивая способы перемѣнитъ нашу участь; но — какое средство могли мы имѣть къ освобожденію? . . Единственное наше утѣшеніе было, попеременно глядя въ узкое окно на безконечную поверхность моря и дыша въ воздухъ, коимъ мы такъ нуждались. Часто желали мы броситься въ волны, но надежда удерживала насъ; и самое опчаяніе, угнетающее насъ, указало намъ способъ къ спасенію, копорый мы никогда не могли предвидѣть. Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія, вскорѣ по захожденіи солнца за густыя облака, отдаленные удары грома и удушливость въ атмосферѣ возвѣстили приближеніе бури; ночью волненіе усилилось; шумъ на кораблѣ и скрытъ снастей, показывали намъ приготовленія къ штурму, и вскорѣ одна изъ ужаснѣйшихъ бурь заревѣла. Корабль нашъ то поднимался на страшную высоту, то погружался въ бездны; весь экипажъ находился въ чрезвычайномъ смущеніи; но страхъ не касался насъ; ибо положеніе наше было столь тяжело, что мы не боялись смерти.

Въ одну изъ ужаснѣйшихъ минутъ, когда прескъ корабля, казалось, предвѣщаль гибель, видя дверь нашей катопы распворенною, намъ пришло на мысль самое дерзкое предпріятіе: мы рѣшились, вспомошествоваемые однимъ преданнымъ намъ мап-росомъ, (чужеземцемъ, какъ и мы) воспользоваться всеобщимъ смятеніемъ и темнотою, спуститься въ одну изъ привязанныхъ къ кораблю шлюпокъ и ожидать въ ней окончанія бури, съ тѣмъ, чтобы опрѣзаться потомъ опъ корабля. Рѣшимость и Провидѣніе увѣнчали насъ самымъ блестящимъ успѣхомъ. Но вообразите теперь насъ на безъизвѣстномъ морѣ; ибо мы не знали досповѣрно, гдѣ находимся, хотя полагали себя на Средиземномъ. Не спану описывать ужасовъ сей незабвенной для насъ ночи! Не могу посичь, какъ громады волнъ ве поглопили нашей шлюпки; скажу только, что къ разсвѣту, море совершенно успокоилось; весьма вдалекѣ синѣлъ берегъ; боковой въперъ дулъ къ оному, мы подняли парусъ — и не задолго до захожденія солнца, приплыли къ дикимъ скаламъ. Нашедши съ большимъ трудомъ мѣсто, гдѣ приспавъ, мы лобызали незнакомую землю; но недолго оспались въ недоумѣніи, встрѣпшясь съ шайкою Варварійцевъ, которые въ одно мгновеніе насъ окружили, связали руки и повлекли съ собою. Мы весьма хладнокровно приняли сіе привѣтствіе; — и на другой день находились въ *Фецѣ*, предъ лицомъ смуглаго правителя сего города; онъ зналъ не много по-Испаліянски; и мы рассказали ему наше происшествіе; въ пер-

вый день мы были заключены и узнали попомъ, что непріятельскій Консулъ, тамъ находящійся, пребоваъ выдачи насъ въ его руки, какъ военнопленныхъ; но гордый сынъ Омаровъ опказалъ ему и позволилъ намъ, къ крайнему нашему удивленію, достигнуть береговъ Испаніи.“ —

Симъ заключилъ повѣсть свою любезный Графъ, коего жизнь исполнена была романическихъ происшествій.

На четвертый день плаванія открыли мы, послѣ обѣденнаго времени, скалы острова *Устики* копорый напоминаетъ ужасную смерть шестипысячъ воиновъ, наемниковъ Карфагенскихъ. Карфагенцы, дабы не заплапиль имъ, заслуженныхъ ими денегъ, высадили сихъ несчастныхъ, обманомъ, на этотъ бесплодный и необитаемый островъ, гдѣ они всѣ погибли отъ голоду; кости ихъ долго успилили берега, отъ чего и прозванъ оный: *Osteodes*, или *островъ костей*. — Устика не существовала, какъ говорятъ, прежде первой Пунической войны, и, вѣроятно, есть вулканическое произведеніе. (1) Одинъ изъ числа любезнѣйшихъ пассажировъ, съ приближеніемъ къ скаламъ Устики, сказалъ намъ: „можетъ быть, не многіе изъ нашего общества знаютъ, что сей маловажный

---

(1) *Faz. Lib. I, c. 1. p. 6.* По свидѣтельству Страбона: въ Консульство Эмилиа Лепида и Люція Аврелія Ореспы, видимы были на поверхности моря, окружающаго Устику, дымъ и пламя.

островъ ознаменованъ перомъ Боккачя,“ — мы всѣ признались въ нашемъ невѣдѣніи: — „и такъ я скажу вамъ, государыни и государи мои, что сей островъ можетъ пробудить лиру Поэты: — здѣсь покоится прахъ прекрасной дочери Короля Тунисскаго, и такъ какъ я увѣренъ, что вы предпочтете разсказъ Боккачя моему, я приглашаю васъ выслушать одну изъ его безсмертныхъ повѣстей.“ — Дамы наши, какъ бы забывъ вольность пера сего великаго Писателя, въ одинъ голосъ преобладали немедленнаго чтенія, — принесли книгу, сѣли въ кружокъ, и мы всѣ, пригопоясь, по общему предмету повѣстей Боккачевыхъ — смѣясь, — были спроганы — и въ продолженіе чтенія невольно посмащивали на Успику. (1) Здѣсь содержится Неаполитанское Правительствѣ, часть своихъ преступниковъ. Дерзкіе Варварійцы похитили отсюда первыхъ жителей, переселенныхъ изъ Сициліи. Печальный островъ сей опстоишь опъ нея на 30 географическихъ миль, и имѣетъ 12 миль въ ширину. Малое число невольныхъ обитателей онаго, во время чрезвычайныхъ жаровъ сего лѣта, изсушившихъ его скудные источники, погибло бы опъ жажды; если бъ не присѣли на помощь два корабля изъ Палермы, нагруженные водою. — Тутъ насъ заспигъ опашъ, шпиль.

На слѣдующій день, поуспру, корабельный колоколъ возвѣспиль намъ обѣдно; наступившій день

---

(1) См. Boccacio, il Decam. Gior. IV. Nov. 4.

былъ воскресный. Двѣ или три доски, утвержденныя къ большой мачтѣ, составили скромный алтарь; спарецъ Священникъ, въ бѣломъ облаченіи, вынесъ святыя дары, — и всѣ плаватели пали ницъ; глубокое молчаніе водворилось; тишина неба и моря соотвѣтствовала оному. Всѣ занялись молитвою, и даже правящій рулемъ, оставилъ его; тогда, произвольно колеблемый корабль казался преданнымъ десницѣ Святаго Промысла, предъ коимъ мы преклоняли колѣна. Во весь сей день мы едва нѣсколько подвинулись впередъ; въперъ совершенно упалъ; жаръ былъ чрезвычайный; но часа за три до разсвѣта шестаго дня, подулъ сильный попутный въперъ; быстрый бѣгъ корабля и шумъ волнъ, разбивающихся объ его ребра, пробудили насъ отъ покойнаго сна. Мы радовались приближавшемуся концу плаванья и другъ передъ другомъ старались, при блѣднющемъ разсвѣтѣ, открыть берегъ Сициліи.

Заря румянила уже горизонтъ, когда шкиперъ возвѣстилъ намъ сей островъ, показывая на лазуревыя вершины мыса *Галло*, прозирающія сквозь розовыя облака и упреніе пары. Корабль нашъ лептѣлъ, какъ спирѣла, при радостныхъ взаимныхъ поздравленіяхъ. Заря блѣднѣла, пары исчезали, берегъ перялъ синеву свою, и вмѣстѣ съ симъ, обозначались цѣпи высокихъ горъ, заливы, изгибистые берега, одѣтые рощами, городами и селеніями. Въ 9-мъ часу вошли мы въ обширный

бассейнъ Палермскаго залива, заключеннаго съ запада, громадою горы *Пеллегрино*, охраняющей гавань отъ сѣверныхъ вѣтровъ, — а съ востока, пирамидальнымъ мысомъ *Зафарано*. Вскорѣ открылась *Палерма*.

Г Л А В А II.

П А Л Е Р М А.

Я помню твой восходъ, знакомое свѣшло,
Надъ мирною спрапою, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ дремлетъ пѣжный миритъ и темный кипарисъ
И сладоспнно шумятъ полуденныя волны.
Тамъ, нѣкогда, въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь . . . .

(А. Пушкинъ. *Млж. Стих.*)

Мы- спали на якорь близъ красиваго маяка,
въ шумномъ портѣ, наполненномъ кораблями. Нѣ-
сколько лодокъ окружили насъ, съ громкими пред-
ложеніями услугъ; но голоса прапирщиковъ бы-
ли слышнѣе прочихъ: — увидѣвъ свою добычу на
землѣ, ихъ усердіе усугубилось; къ нимъ присое-
динилось нѣсколько рѣзвыхъ мальчиковъ, продаю-
щихъ опахалы; мы сначала удивлялись ихъ пред-
ложеніямъ; но—посмотрѣвъ вокругъ, увидѣли, что
весьма многіе мужчины пользуются сею дамскою
принадлежностію, и мы рѣшились на сію покуп-
ку, опъ необыкновеннаго зноя, который, при пер-
вомъ шагѣ моемъ на землю, возвѣспилъ мнѣ
островъ Солнца. (*)

(*) Одно изъ названій Сициліи, въ глубокой древности.

Зданія Палермы съ перваго взгляда показывають роскошный городъ. Мы вспутили въ него чрезъ готическія ворота, — ведущія въ великолѣпную улицу, называемую: *il Cassaro*, или *Толедская*; она идетъ прямою линіею сквозъ весь городъ; дома, составляющіе ее, не успупаютъ, архитектурою, Неапольскимъ; — но улица сія была въ то время совсѣмъ пуста: водворившійся зной, заставлялъ всѣхъ укрываться, всѣ рѣшетки и гардины въ окнахъ были опущены, и мы сами спѣшили отдохнуть въ ожидавшей насъ гостинницѣ. Слѣдующій день мы употребили на визиты, съ рекомендабельными письмами. Гостепріимство и ласковость Палермскихъ вельможъ сблизили насъ съ ними, съ перваго раза. Въ особенності Дюкъ Серра ди Фалько, правящій Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и Генералъ Вальмоденъ, начальствующій Австрійскими войсками, занимавшими тогда порты Сициліи (въ слѣдствіе политическихъ происшествій 1820 года), привлекли насъ къ себѣ своею любезностію. Мы узнали отъ нихъ, между прочимъ, что скоро наступитъ для сего города праздникъ, ежегодно торжествуемый съ большимъ великолѣпіемъ, въ честь Св. Розаліи, покровительницы Палермы; они совѣтовали намъ употребить промежутокъ времени, до сего торжества, на обзорніе западной части Сициліи, и мы рѣшились послѣдовать сему совѣту, но — не прежде, пока совершенно отдохнемъ отъ морскаго купанья и нѣсколько насладимся роскошью прекраснаго города.

Палерма не имѣетъ сходства съ городами Италіи; вы видите здѣсь другую Природу и даже другія лица; переѣздъ изъ Неаполя, моремъ; показалъ мнѣ сіе различіе весьма чувствительно. При первомъ шагѣ въ Палермскомъ портѣ, на ружность Сицилійцевъ обратила мое вниманіе; живость ихъ лицъ чрезвычайно выразительна: кажется, что каждый взглядъ ихъ — говоритъ; черпы ихъ весьма правильны, глаза быстры, волосы по большей части черны, цвѣтъ лица смуглый, и нѣкоторая гордость видна въ ихъ улыбкѣ. Значительная осанка и твердая поступь даютъ имъ нѣкоторую важность. Языкъ ихъ не такъ пріятенъ, какъ Италіанскій; онъ рѣзокъ, но въ немъ нѣтъ ни чего сходнаго съ грубостью нѣкоторыхъ сѣверныхъ языковъ; — быстрый разговоръ ихъ, смѣшанный съ безпрестанными пантомимными движеніями, обращаетъ невольно вниманіе чужестранца. Нигдѣ не усовершенствована такъ пантомима, какъ въ Сициліи. Сіе искусство говоритъ пѣлодвиженіями — сохранилось здѣсь отъ временъ *тирановъ*, когда, всякое нескромное слово, стоило заключенія или смерти.

Мы употребили первые дни на осмотръ города. Окружность его имѣетъ около 9 верстъ; съ западной стороны есть небольшія укрѣпленія и стѣны, впрочемъ, онъ повсюду открытъ. Палерма построена на самомъ берегу моря, въ обширной долинѣ, посреди цвѣтущихъ садовъ.

Каменистыя цѣпи горъ, заслоняють со споро-
ны земли небосклонъ, и при первомъ взглядѣ,
кажется, что городъ прилежитъ къ ихъ подо-
швамъ. Двѣ прекрасныя прямыя улицы разръ-
зываютъ Палерму накрестъ: *Толедская* или *Ка-
ссеро*, и *Макведа* или *Страда-Нова*. Прочія
улицы изгибисты, — и по весьма полезной при-
чинѣ; ибо тамъ, гдѣ солнце никогда не засни-
вается облаками, дорожатъ пѣнью, и она всегда
сохраняется въ кривыхъ улицахъ.

Архитектура Палермскихъ зданій не пред-
ставляетъ особеннаго характера, но есть сли-
шокъ вкуса Испанскаго съ Мавританскимъ;
позже почти можно сказать и о характерѣ на-
ціи, который, сверхъ природной своей оригиналь-
ности, носитъ оппечатокъ двухъ народовъ, дол-
го владычествовавшихъ въ Сициліи.

Домы главныхъ улицъ, *Толедской* и *Мак-
веды*, великолѣпны; они не имѣютъ крышъ
которыя замѣнены террасами; инныя изъ сихъ
террасъ покрыты цвѣтниками; нижніе этажи
заняты лавками и безчисленными кандитерскими
буфетами, а прочіе жилые этажи испещрены
открытыми и рѣшетчатыми балконами. Къ вече-
ру, всѣ жители переселяются на нихъ, съ своими
занятіями. Глаза разбѣгаются по пестротѣ
одеждъ, безпрестанно останавливаются на пре-
лестныхъ лицахъ женщинъ, или стараются раз-
гадать оныя сквозь поникость покрывалъ, подъ

коими обыкновенно полускрываются здѣшнія красавицы. Нерѣдко въ сихъ семейственныхъ кругахъ вы увидите, посреди бѣлоснѣжныхъ или цвѣтныхъ одеждъ женщинъ, черную рясу счастливаго Аббапа, который, облокотясь весьма свободно на кресла своей сосѣдки, бесѣдуетъ съ нею въ полголоса... Покрывала, съ которыми ходятъ здѣшнія дамы, налагая на нихъ пріятную оппѣнку, придають имъ, въ глазахъ мужчинъ, красоту, иногда вообразительную; плъ, которыя не весьма щедро одарены Природою, украшаютъ себя искусной драпировкой [сихъ покрываль, кои весьма длинны и спускаются вдоль всей спины; но покрывало красавицы поднимается, какъ будто проливъ ея воли услужливымъ зефиромъ или собственною ея небрежностью. Здѣсь женщины чрезвычайно стройны; вообще — черноволосы; косы ихъ длинны; черпы лица — Греческой правильности, глаза — полны огня; цвѣтъ лица — бѣлый, если тщательно сбереженъ; но простой народъ смуглъ. Любовь, балконная жизнь и вечерняя прогулка на берегу моря суть ихъ занятія. Любезность ихъ весьма привѣтлива, — и кажется, что ревность мужей не налагаетъ уже на нихъ столь тяжкихъ оковъ, какъ прежде.

Изъ главныхъ зданій Палермы, привлекающихъ наиболѣе вниманіе, я опишу во-первыхъ, соборную церковь Св. Розаліи. Видъ ея напоминаетъ великолѣпіе Мавровъ. Кромѣ высокаго купола, понгія чатырестороннія башни возвышаются по чепы-

ремъ угламъ параллелограмнаго зданія. Хотя спрогій вкусъ можетъ найнн предосудительнымъ излишнія наружныя украшенія, но сія спранность Маврскаго зодчества имѣеть свою красоту, которую не должно изслѣдывать по частямъ. Зодчество Восточныхъ народовъ, подобно какъ и Поэзія ихъ, есть не правильная, но роскошная игра пылаго воображенія, и можно ли осуждать Поэта за неправильности, коль скоро онѣ облечены въ необыкновенную красоту?— Сей храмъ облакаеть въ Восточный видъ всю площадь. Онъ былъ воздвигнутъ въ царствованіе Вильгельма II-го, гордымъ Архіепископомъ Готье, въ 1185 году. Вну-пренность уступаешь наружности; планъ весьма обширенъ и хорошъ, но частныя украшенія — безъ вкуса: тяжелые своды поддерживаются чепырьми коропками составными колоннами, онѣ несоразмѣрны съ огромностью зданія. Но тамъ, все вниманіе обращается на превосходныя гробницы двухъ Императоровъ: одна изъ нихъ принадлежитъ Генриху VI, безчеловѣчному пирану, прозванному *Нерономъ Сициліи*; а другая — знаменитому Фридриху II, коего царствованіе составляетъ, можетъ быть, важнѣйшую эпоху XIII вѣка; обѣ онѣ изсѣчены изъ цѣльныхъ массъ древняго краснаго порфира и сдѣланы по образцу извѣстной гробницы Агриппы, находящейся въ Римѣ, въ церкви Св. Іоанна Лапрана; онѣ также напоминають не менѣ огромные куски порфира, изъ коихъ сдѣланы двѣ ванны Римскихъ Императоровъ, хранящіяся въ Ватиканѣ. Не надобно вгля-

дываться въ рѣзныя украшенія Палермскихъ гробницъ: онѣ изобличаютъ посредственность среднихъ вѣковъ. Сіи прекрасные куски были вывезены изъ Палестины. Совѣщую замѣнитъ каѳедру, овименованную рѣзцомъ Каджини, жившаго въ 15-мъ вѣкѣ.

Пропивъ самаго собора Св. Розаліи, возвышается дворецъ древнихъ Королей Сициліи. Печать времени, историческія воспоминанія и разнообразная архитектура его, которая однако не безъ великолѣпія, даютъ ему цѣну въ глазахъ путешественника. Нынѣ въ немъ находятся залы Совѣща и Парламента и въ немъ живутъ Вицерои. Внушительность его въ заустѣніи; — Рогеры, Роберты и слава не обихаютъ болѣе въ немъ!

Дворецъ сей заключаетъ истинное сокровище; вы тамъ увидите два бронзовые овна, сооруженные Архимедомъ, въ Сиракузахъ, и найденные въ развалинахъ сего города. Какъ одушевляетъ ихъ имя Архимеда! Это единственный оспапокъ сего сверхъ-спешивеннаго генія. Овны сіи, копыхъ было чепыре, стояли на колоннахъ по чепыремъ угламъ одной изъ Сиракузскихъ башень; въ каждомъ изъ нихъ еспь нѣсколько опверспій въ бокахъ, куда проникалъ вѣсперь, и опъ чего они, издавая особенные звуки, подобные мычанію сихъ живоппныхъ, опредѣляли (какъ говорятъ) направление онаго. Какая роскошь хипраго искусства? Въ Музеумѣ Іезуиискомъ можно видѣть собраніе

древностей, найденныхъ по большей части въ Палермѣ и въ ея окрестностяхъ; главное богатство Музеума состоить въ медаляхъ и глиняныхъ сосудахъ. Много и надписей, но всѣ безпорядочно расположены и худо или совсѣмъ не исполкованы. Тамъ же я видѣлъ статуу одного изъ Египетскихъ боговъ, во внушительность которой помѣщался жрецъ и произносилъ оракулы. — Къ замѣчательнымъ зданіямъ Палермы принадлежатъ тѣ чепыре фаса домовъ, кои составляютъ въ самомъ центрѣ города, гдѣ пересѣкаются двѣ поперечныя улицы, Толедская и Макведа, осмиугольную площадку. Архитектура ихъ подобна Флорентинской, но озячена разными побочными украшеніями, къ числу коихъ принадлежатъ нѣсколько мраморныхъ статуй. Должно упомянуть также объ обширномъ домѣ Архіепископовъ и о красивомъ госпиталѣ для бѣдныхъ, находящемся при выѣздѣ изъ города, по дорогѣ въ Монте-Реаль. Въ числѣ достопамятностей города, занимаетъ не послѣднее мѣсто большой водометъ, сооруженный на такъ называемой *Преторской* площадкѣ, противъ Сенапа, и который, если бъ не слишкомъ былъ стѣсненъ высокими домами, то получилъ бы лучший видъ; онъ весь изъ бѣлаго мрамора и заключаешь въ себѣ до сорока статуй средней величины. У ногъ ихъ дельфины и другія живошныя извергаютъ воду. Сей водометъ роскошенъ — во вкусѣ Мавровъ, и слишкомъ изукрашенъ; кто не предпочтетъ сей роскоши превосходную простоту водомета *Acqua Felice*, на выѣ-

сопѣ одного изъ семи холмовъ Рима? или *Моисея*, въ той же столицѣ? или *Нептуна*, въ Болоньи? Палермскій водометъ сооружался въ печеніе 180-лпн лѣтъ; надъ нимъ прудились многіе искусные ваятели, межъ коихъ опличаются Вагерино, Кампильано и Себаспіанъ Пьомба.

Самымъ привлекательнымъ мѣстомъ города, была для меня набережная (*Marina*). Съ семи часовъ вечера, начинается уже берегъ покрываться праздными. По мѣрѣ, какъ солнце склоняется къ горизонту и пріятная свѣжесть сходитъ съ небесъ прохлаждаетъ знойную землю, — толпа увеличивается, и блестящіе экипажи, съ нарядными дамами и кавалерами, начинаютъ мелькать; скоро составляютъ они цѣлые ряды, — и спукъ колесъ и веселый шумъ голосовъ, глухо разносятся по морю. — Но свѣшило дня скрывается уже за синимъ колоссомъ горы *Пеллегрино*. Дикій видъ сей огромной горы, рисуясь по розовому небу, кончается, на западѣ, перспективу. Рядъ великолѣпныхъ зданій тянется вдоль берега и сливается съ садами и дачами; далѣе, берегъ закругляется, — и нагія цѣпи горъ, *Катамфано* и *Багаріи*, заключаютъ восточный горизонтъ. Когда же блѣдная луна, одѣтая тонкими парами наступающей ночи, выходитъ изъ необозримаго пространства тихо колеблющагося моря, — прогулка сія принимаетъ совсѣмъ другой видъ. Вотъ уже волны улеглись, вѣтеръ упалъ; луна разсыпаетъ алмазы по гладкой поверхности уснувшей пучины, и тишина

Природы, кажется, дѣйствуетъ тогда на людей. Тутъ, многія дамы выходящія изъ колясокъ и давъ руку своимъ мужьямъ или *кавалерамъ*, направляются вдоль берега и теряются въ сумеркахъ; — на семь мѣстъ не теряютъ ни фонарей, ни факеловъ, а довольствуются однимъ свѣтомъ Ляны.

Въ то же время, внезапно освѣщается разноцвѣтными фонарями красивая бесѣдка, посреди берега. Тамъ уже цѣлый оркестръ ожидаетъ назначеннаго часа, и вдругъ, очаровательные звуки Испаліанской музыки поражаютъ слухъ. Тутъ можно видѣть, какъ чувствительны южные народы къ гармоніи. Съ первымъ ударомъ смычка, движеніе толпы прекращается, все умолкаетъ; въ одинъ мигъ всѣ экипажи останавливаются, хотя бы то было на поворотѣ; каждый оспаетъ недвижимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ до него достигъ первый звукъ; всѣ упиваются нѣгою гармоніи и только тихій гулъ морскихъ зыбей сливается съ нею. Съ пресѣченіемъ музыки, стукъ колесъ, шумъ толпы, громкіе голоса продающихъ мороженое и льдистую воду, нарушаютъ безмолвіе. Чрезъ каждые полчаса оркестръ играетъ и то же зрѣлище возобновляется.

Какъ сладостно, послѣ дня, проведеннаго подъ раскаленнымъ небомъ, бродить съ милою женщиною въ тѣни ароматической ночи, на берегу спокойнаго моря или подъ навѣсами апельсиновыхъ и померанцевыхъ деревьевъ. Для Сициліанокъ, любовь столь же необходима, какъ и воздухъ.

Жаръ климаша, благовонія правъ и цвѣтущихъ
фруктовыхъ рошъ, вливають нѣгу во всѣ ихъ
чувства, и тогда, одна мысль, одно желаніе управ-
ляетъ ими, Вопль таинственные часы любви!
Сколькимъ юношамъ день казался вѣкомъ въ ожи-
даніи сей ночи, копорая, въ свою черду, пока-
жется имъ мгновеніемъ. Садъ, называемый слад-
кимъ именемъ Флоры, принимаетъ погда, подъ
ночные кровы своихъ ароматныхъ деревьевъ, счастли-
выя чепы; онъ, какъ тѣни Элисейскихъ полей,
мелькають памъ и здѣсь . . . . .

Тамъ вьются виноградны лозы,
Сидея въ тѣнистый сводъ;
Тамъ царствуютъ молодыя розы —
И нѣгой дышущій Эрозъ.
Сихъ скромныхъ мѣстъ игривый Гений,
Велитъ вамъ позабыть про смерть —
И весь въ цвѣтахъ, отъ съ ложа льни
Объявля къ вамъ спашитъ прощерецъ.
Здѣсь слышны соловья напѣвы,
Здѣсь вѣсн въперокъ на васъ
Какъ съ опала милой дѣвы,
Когда, отъ вальса закружась, —
И чуць перевода дыханье, —
Прохладу на себя мапнть,
Скрывая персей прешпанье
И пламень розовыхъ ланнть . . . (1).

Прогулка сія продолжается почти до двухъ
часовъ ночи. Опшуда всѣ направляются по То-
ледской улицѣ, гдѣ экипажи безпрестанно оста-
навливаются возлѣ кандиперскихъ лавокъ, коими
изобилуетъ оія улица; пѣшеходцы наполняютъ

(1) Сіе описаніе вечерней прогулки Падермишилъ, сославляетъ одно
изъ моихъ писемъ къ А. А. З — ой.

внупренность оныхъ, а знашныя прохлаждаются въ своихъ коляскахъ. Мороженое, дѣлаемое въ Палермѣ, можетъ назваться первымъ въ Европѣ; роды онаго безчисленны. Расходъ на сіе лакомство необыкновенно великъ, тѣмъ болѣе, что оно дѣлается почти необходимымъ во время жаровъ, особенно когда вѣтеръ *Сироко* посящаетъ сей бѣнегъ; тогда весь день и половину ночи, лимонадные буфеты принимаютъ посяппелей. Иныя изъ сихъ пріятныхъ убѣжищъ опъ раскаленнаго неба, не имѣютъ оконъ; свѣтъ проникаетъ изъ дверей и едва показывается въ глубинѣ мягкіе диваны, на копорыхъ нѣжась распаленныя жаромъ красавицы, и прохлаждая себя мороженымъ, внимаютъ сладкимъ рѣчамъ своихъ *Чижизбеевъ*. Но ничего не можетъ быть непріятнѣе докучливой толпы нищихъ, копорые въ одно мгновеніе окружаютъ со всѣхъ сторонъ приближившійся экипажъ, какъ свою добычу; эшо тѣ же сцены, какъ и въ Неаполѣ: къ нимъ шрудно привыкнуть!

Наружность всякой столицы обличаетъ свойства и образъ жизни не только городскихъ жителей, но и всего народа. Посмотрите на Палерму: много ли вы найдете въ ней магазиновъ съ полезными поварями, много ли рабочихъ лавокъ? Вездѣ кандиперскія и кофейныя дома или *Казины*; и наблюдающій чужеземецъ, не путешествуя еще по сему острову, приготовитъ себя видѣть народъ чувственныя и баловней южнаго неба.

Г Л А В А Ш.

П А Л Е Р М А.

Тамъ раздвѣшаетъ пардъ и киннамона лозы —
И воздухъ напоетъ благоуханьемъ розы . . .

(Батюшковъ.)

Чужестранцы найдутъ много удовольствій въ здѣшнихъ клубахъ, особенно въ большомъ дворянскомъ *Казино*, который оживленъ обществомъ милыхъ женщинъ. Тамъ играютъ въ карты, читаютъ Журналы, поютъ и бесѣдуютъ. Женщины здѣсь весьма ласковы и развязны. Любовь, кажется, оживляетъ всѣ ихъ рѣчи. Нравственность ихъ мало различествуетъ отъ нравственности Италіянскъ, — но Сициліянки сладострастны, а не развратны. *Чижезбизмъ* здѣсь также царствуетъ, какъ и въ Италіи; здѣсь часто молодая дѣвушка, выходя за мужъ — по *прилигію*, приобретаетъ отъ своего мужа контрактомъ, чинить пошъ, которому принадлежитъ ея сердце, былъ ея *кавалеромъ сервенти*.

Хотя мапери строго наблюдаютъ здѣсь за своими дочерьми, но собственнѣйшій примѣръ сихъ первыхъ, рано пробуждаетъ пламенное воображеніе дѣтей. Здѣсь почти всѣ дѣвицы въ перепискѣ

съ молодыми людьми. Онѣ передають одна другой куплеты, получаемые ими отъ своихъ обожателей, пивая тѣмъ, между собою, безпрестанное соревнованіе.

Дворянство въ Сициліи весьма многочисленно. Привязанность къ пирамъ нигдѣ, я думаю, не обнаруживается такъ сильно, какъ здѣсь. Почти всѣ дворяне носятъ званія Князей, Графовъ, или Маркизовъ; пира сіи получаютъ они обыкновенно при покупкѣ владѣній и очень часто отъ своихъ женъ. Многіе кавальеры, перпящіе бѣдность въ семейственномъ кругу своемъ, разѣзжаютъ во время прогулки въ блестящемъ экипажѣ, и съ наспуленіемъ ночи сопровождаются до своего дома нѣсколькими факелами. Привязанность къ пирамъ, ведутъ за собою неминуемо пышность и неумѣстную спѣсь, и вы [это найдете въ Палермскихъ дворянахъ; но они обнаруживаютъ свойства сіи болѣе между собою и особенно передъ Неаполитанцами; съ иностранцемъ же привѣтливы и гостепріимны. Всѣ показываютъ большое соперничество въ преимуществѣ древности своего благородства; мнѣ часто случалось слышать, какъ они называли съ ироніею иныхъ извѣстныхъ своихъ Графовъ: *мѣлкии дворянство*; это еще неизгладившіеся слѣды *среднихъ вѣковъ*. Судя вообще, Сицилійцы рождены съ оспрымъ умомъ и съ пламеннымъ воображеніемъ, и — что болѣе всего, съ твердымъ и благороднымъ характеромъ, дѣлающими ихъ способными къ великимъ предпріятіямъ.

тіямъ; но они очень опдалены просвѣщеніемъ опъ прочихъ Европейцевъ: — эпо болѣе происходишь опъ тяжкаго ига, подѣ коимъ они находились въ разныя времена у разныхъ народовъ.

Сказанное мною о Палермскомъ дворянствѣ, есть разсужденіе общее; но вы всегда найдете здѣсь вельможъ съ обширными познаніями и коихъ кругъ общесства стоить на ряду съ первыми общесствами всякой столицы.

Во время пребыванія моего въ Палермѣ, я посѣщаль съ особенною пріятностію домъ Дюка Серра ди Фалько, который, не смотря на молодость лѣтъ своихъ, занимаетъ мѣсто Министра внутреннихъ дѣлъ. Его прозвѣты показываютъ большія свѣдѣнія и патріотизмъ. Любезность молодой супруги его привлекаетъ къ нимъ лучшее общество; привѣтливости ихъ будетъ для меня всегда памятна. Домъ Графа Амари, отличнаго своею опытностію и особенными свѣдѣніями по хозяйственной части своего опечесства, — доставлялъ мнѣ также много пріятныхъ часовъ; но — чаще всего проводилъ я время у Графа Вальмодена. Сей Генераль, пріобрѣтшій себѣ отличное имя въ кампаніи 1814-го года и служившій нѣкоторое время подѣ нашими знаменами, начальствовалъ тогда семью тысячами Австрійскихъ войскъ, занимавшихъ Сицилію; на семъ скользкомъ поспу, среди народа предпріимчиваго и недовольнаго своимъ Правительствомъ, онъ умѣлъ заслужить общую любовь.

Мы часто объѣзжали на его дачѣ, на берегу моря, по дорогѣ къ *Bagariu*. Кругъ его собесѣдниковъ состоялъ всегда [изъ просвѣщенныхъ военныхъ людей и двухъ или трехъ извѣстныхъ Палермскихъ вельможъ. Послѣ объѣзда мы уклонялись подѣ тѣни апельсиновыхъ и лавровыхъ деревьевъ, составлявшихъ его садъ, населенный нѣсколькими лучшими пшпичами и звѣрями сего острова; шамъ, непринужденная искренность и веселость оживляли разговоры наши, кои часто продолжались до самого вечера. Около семи часовъ мы расходились, и черезъ часъ или два встрѣчались опять на очаровательной прогулкѣ — по набережной.

Лѣтній жаръ въ мое время былъ чрезвычайенъ. Палачій въперъ *Сироко*, порожденіе Африканскихъ степей, посѣщаль сей берегъ слишкомъ часто. Реомюровъ термометръ показывалъ не рѣдко до 35-ти градусовъ въ тѣни. Тогда, въ продолженіе цѣлаго дня, городъ дѣлается пущъ; почти ни одного прохожаго не видно на улицахъ, всѣ гардины опущены и спавни закрыты; глубокая тишина, какъ бы предвѣстіе какого несчастія, царствуетъ повсюду; чрезвычайное расслабленіе находить на человека; сильный потъ открываетъ всѣ поры, а воздухъ походитъ на испареніе печи. Какой расходъ тогда на мороженое! Надобно замѣтить, что Палермитяне въ лѣтнее время закупаютъ всегда мороженымъ. Я не мало удивился, когда увидѣлъ въ первый разъ, въ 6-ть часовъ утра, всѣ кандитерскія лавки наполнен-

ными поспитителями, употребляющими сіе прохладительное, вмѣсто кофе и чаю; но вскорѣ самъ былъ принужденъ послѣдовать сему примѣру, ибо въ чрезвычайный зной, ни что неподдерживаетъ такъ силы. Зимой здѣсь всегда около 10 градусовъ тепла, и весьма рѣдко рпушь доходить до почки замерзанія; но это уже *pas plus ultra* здѣшняго холода.

Въ продолженіе жаркихъ дней, Палермитяне, и въ особенности дамы, невидимы отъ 11 часовъ утра до пяти по полудни; это время посвящаютъ онѣ сну, или отдохновенію; весь вечеръ употребляютъ на прогулку, а часть ночи на бѣсѣды. — Палермскіе вельможи могли бы нѣсколько защититъ себя отъ жару, поспроивъ дома свои на берегу моря; но сія часть города занята была съ давнихъ временъ укрѣпленіями, изъ коихъ нныя еще сущесствують; — такъ, что почти одинъ только домъ или, лучше сказать, великолѣпный дворецъ Князя Буперы, пользуется сею мѣстностью.

Въ первые дни моего здѣсь пребыванія, я познакомился съ знаменитымъ Аспрономомъ, Аббатомъ *Пиаци*. Палерма, его опечесство, есть любимое его жилище; не смоя, что Неаполитанскій Король сдѣлалъ его главою славной обсерваторіи своей столицы и почтилъ всѣми опличіями, сей ученый мужъ хранилъ неизмѣнную привязанность къ своей родинѣ и къ тому берегу, гдѣ

Уранія увѣнчала его неупомимые пруды. Онъ разширилъ кругъ планетной системы нашей открытіемъ *Цереры* въ 1801 году 1-го Января (н. с.) и спалъ на ряду съ первыми Астрономами. Его творенія займутъ отличное мѣсто въ Истории Астрономіи. Чрезъ него, Палермская обсерваторія сдѣлалась одною изъ знаменитѣйшихъ; онъ издалъ любопытное описаніе ея. Новая Неаполитанская обсерваторія на *Caro di monte*, также имъ основана. Нѣкоторые инструменны здѣшней обсерваторіи, особенно тѣ, кои служатъ для наблюденія прохода планетъ, славятся своею удивительною точностію. Занимающійся Астрономіею, вполне удовлетворитъ здѣсь свое любопытство. Аббатъ *Піацци* принялъ меня очень ласково; первое посѣщеніе мое продолжилось болѣе трехъ часовъ, и я не могу неизъявить здѣсь моею признательностію сему почтенному спарцу за благосклонность, съ каковою онъ нѣсколько разъ удѣлялъ мнѣ часы отъ высокихъ занятій своихъ и удовлетворялъ мое любопытство на счетъ его науки. Я нашелъ въ немъ весьма скромнаго философа, тѣмъ болѣе признающаго слабостъ земныхъ познаній, чѣмъ болѣе взоръ его проникаетъ въ таинственные бездны неба. Онъ имѣетъ теперь 76-тъ лѣтъ, (1) роспу средняго, худощавъ и весьма еще бодръ по своимъ годамъ; разговоръ его очень тихъ и весьма натураленъ; жизнь его

---

(1) Это писано въ 1822 г. Аббатъ *Піацци* кончилъ уже жизнь свою въ 1826 году.

посвящена уединенію и спараніямъ оставитъ по себѣ въ своемъ опечеслѣвѣ достойныхъ преемниковъ. Открытіемъ Цереры въ первую ночь 19-го столѣтія, онъ озарилъ ученый горизонтъ онаго и пробудилъ геній своихъ послѣдователей. Поводомъ къ сему открытію, сказывалъ мнѣ Аббатъ Піацци, послужило ему мнѣніе Кеплера, что разстояніе, находящееся между *Марсомъ* и *Юпитеромъ*, слишкомъ не пропорціонально съ разстояніями другихъ планетъ между собою. (1) Г-нъ Піацци подарилъ мнѣ, при прощаніи, на память, описаніе Палермской и Неаполитанской обсерваторій, имъ учрежденныхъ.

Въ одной Палермѣ и принадлежностяхъ ея насчитали мнѣ до семидесяти монастырей; вообразите же себѣ, сколько ихъ по всему оспрову! Въ числѣ 1,600,000 обитателей, полагаютъ въ Сициліи 47 тысячъ духовенства. Многолюдіе въ Палермѣ поспешенно убавлялось отъ начала 18-го столѣтія; тогда сія столица населена была 200,000 жителей; нынѣ же едва заключаетъ 130,000. Безъ сомнѣнія, духовные Ордена, наполняющіе сіе государство, много препятствуютъ народонаселенію, которое могло бы быть значительнѣе, по той при-

---

(1) Планета Г. *Піацци* описываетъ свой орбитъ между орбитами Марса и Юпитера, въ 4 года и 7 мѣсяцевъ, на разстояніи 58,000,000 миль отъ солнца, прошекая въ каждую секунду $2\frac{1}{2}$ милл. Она допоть ускользала отъ внимательности Астрономовъ своею малостию и очень слабымъ сіяніемъ, и походила на звѣзду 7-й величины.

чинѣ, что здѣшнія женщины весьма плодородны, очень рано выходящѣ за-мужъ и уже совершенно зрѣлы въ 13 лѣтъ.

Любопытнѣйшимъ изъ всѣхъ Палермскихъ монастырей, я назову Капуцинскій. Онъ находится за чертою города. Монастырь сей считается однимъ изъ главнѣйшихъ Капуцинскаго Ордена; зданіе онаго обширно, а число брашій многочисленно. Не разсуждая ни въ пользу, ни противъ монашества, я скажу объ одномъ изъ члвколубивѣйшихъ постановленій сего монастыря. Здѣсь учреждена особая прাপеза для больныхъ и для лѣхъ неимушихъ, кои спыдяшя своего положенія. Хотя это заведеніе свойственно многимъ монастырямъ, но чувствительность, съ которою сіе самое исполняется здѣсь, совсѣмъ необыкновенна: сія прापеза находится въ самомъ уединенномъ мѣстѣ, удаленномъ отъ взоровъ любопытныхъ посѣщителей; особенный корридоръ, извѣстный только неимущему насущнаго хлѣба, ведетъ его скрытно подъ благодѣтельный кровъ служителей Христа. Въ числѣ сихъ бѣдныхъ, часто бываютъ и дворяне, коихъ самолюбіе не оскорблено смиреніемъ надѣляющихъ во имя Дателя всѣхъ благъ.

Сверхъ того, монастырь сей знаменитъ своими погребальными галлереями. Онѣ поражаютъ воображеніе и надолго оспаютъ въ памяти. Насъ провели подъ своды, куда едва проникаетъ слабый

свѣтъ; вдругъ разтворилась желѣзная рѣшетка, и спускаясь на нѣсколько ступеней, мы увидѣли себя въ длинныхъ корридорахъ, коихъ стѣны съ низу до верху обвѣшены были рядами изсохшихъ труповъ, въ монашескихъ облаченіяхъ. Число ихъ превосходитъ тысячу; всѣ черпы лица, хотя обезображенныя, сохранились. Полъ заставленъ со всѣхъ сторонъ, нагроможденными, одинъ на другомъ, гробами, съ надписями о погребенныхъ. Гробы сіи болѣе или менѣе опдѣланы, смотря по званію умершихъ. Въ иныхъ хранятся знаменитѣйшіе дворяне, а въ другихъ лежатъ нѣкоторые братья монастыря, которые готовятся чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ занять мѣста на стѣнахъ, коль скоро тѣла ихъ получатъ надлежащую сухость.

Между прочимъ, я замѣтилъ въ сихъ пещерахъ, на одной полкѣ, черепъ, увѣнчанный короною; какой поразительный іероглифъ! Я узналъ, что это голова одного Мароккскаго Императора, который, будучи занесенъ бурей на сей берегъ, принялъ Христіанскую вѣру и умеръ въ Палермѣ.

Мнѣ кажется, что сей обрядъ — обнаруживать мертвецовъ, оскорбляетъ законъ Природы. Смерть есть великое таинство, изъ благоговѣнія къ коему, принадлежащее ей не должно видѣть свѣта; по крайней мѣрѣ паковое жилище усопшихъ не должно быть зрѣлищемъ для любопытныхъ, но единственно для размышляющихъ

надъ смертію. Но Сицилійцы находятъ пріятность похищать у плѣнія тѣла близкихъ своему сердцу. Многіе изъ знашнихъ дворянъ имѣютъ у себя ключи отъ гробовъ родспивенниковъ. Это совершенно Египетскій обычай. При насъ работали новую погребальную галлерей, ибо старыя сдѣлались уже тѣсны для помѣщенія тѣлъ.

Посѣщая недавно, въ сѣверной Италіи, берега *Треви*, прославленные Аннибаломъ и Суворовымъ, я видѣлъ, на равнинѣ бипвы, скромную церковь, подъ сводами коей устроена весьма замѣчательная часовня, въ память храбрыхъ, падшихъ на той землѣ. Тамъ всѣ спѣсны, всѣ украшенія и всѣ принадлежности, составлены изъ череповъ и костей убиенныхъ; даже лампы, въ которыхъ теплился неугасимый огонь передъ двумя придѣлами, суть черепы. Головы Французовъ, Россіянъ, Германцевъ и, можетъ быть, Римлянъ и Карфагенцевъ, составляютъ въ ужасномъ смѣшеніи, одно зданіе смерти! а у входа, кружка для сборовъ, съ надписью: *Per gli animi del Purgatorio!* ш. е. *для душъ находящихся въ чистилищѣ!*

Въ Палермѣ есть также церковь Греческаго исповѣданія; но я, къ сожалѣнію, не былъ въ оной, узнавъ о ней только передъ отпѣздомъ. Изъ прочихъ церквей Палермы, должно упомянуть о церкви Св. Екашеріны находящейся въ женскомъ монастырѣ: чрезвычайное богатство алтаря оплещаетъ ее отъ всѣхъ другихъ. Вообще церкви Па-

лермы богаты, но всё онѣ, за исключеніемъ Собора Св. Розаліи, не поражаютъ взоровъ своимъ зодчествомъ и далеки отъ великолѣпной простоты Римскихъ церквей.

Общее Палермское кладбище заслуживаетъ вниманіе. Оно находится за городомъ, къ сѣверо-востоку. Большой четырехсторонній дворъ, украшенъ аллеями кипарисовъ, средѣ коихъ, наровиѣ съ землею, лежатъ рядами, 52 огромные камня съ придѣланными къ нимъ желѣзными кольцами и опмѣченные нумерами. Каждый камень заключаетъ подъ собой обширный погребъ и каждый изъ сихъ погребовъ принимаетъ тѣла умершихъ въ продолженіе недѣли. Мужчины погребаются на одной сторонѣ, а женщины на другой. Кладбище сіе болѣе походитъ на садъ. Тутъ вы увидите церковь, которая пробуждаетъ ужасное воспоминаніе о такъ называемыхъ, *Сицилійскихъ вестерняхъ*. Въ ней-то происходило 3-го Апрѣля 1282 года, въ недѣлю Свѣплаго Христова Воскресенія, ужаснѣйшее кровопролитіе. (1) Сицилія находилась тогда подъ желѣзнымъ скипетромъ Французскаго Короля Карла д'Анжу. Тиранство Французовъ день ото дня болѣе угнѣтало жителей, когда Іоаннъ Прочида, Салернскій гражданинъ, пользуясь духомъ ненависти Сицилійцевъ къ Французамъ, возымѣлъ отважное намѣреніе — избавить ихъ отъ

---

(1) Faz. de Reb. Sic. edit. cit. Dec. II. p. 490.

ига. Переодѣтый въ монашеское платье, онъ нѣсколько лѣтъ спрансповалъ по сосѣднимъ государствамъ; склонилъ на свою сторону Папу Николая III-го, Греческаго Императора Михаила Палеолога и болѣе всѣхъ Короля Пепра Аррагонскаго, который, по родству своему съ домомъ Сициліи, давно уже имѣлъ, самъ по себѣ, намѣреніе овладѣть оспровомъ. Когда заговоръ созрѣлъ, то Прочида возвратился въ Палерму, гдѣ его ожидали уже съ неперпѣніемъ. Заговорщики избрали днемъ мщенія, претій день поржественнаго праздника Свѣтлаго Воскресенія, и первый ударъ колокола вечерень былъ знакомъспрашнаго кровопролитія. Всѣ Французы, находившіесь тогда въ Палермѣ, были умерщвлены въ одинъ вечеръ и въ одну ночь. Ожесточенный народъ не пощадилъ ни женъ, ни дѣшей, ни даже пѣхъ Сициліянокъ, которыя были беременны отъ Французовъ. Примѣръ Палермы быстро послѣдованъ былъ во всѣхъ городахъ Сициліи. Восемь тысячъ Французовъ погибло при семъ случаѣ. Повѣспвуютъ, что одинъ только *Вильгельмъ Порселетъ*, Французскій градоначальникъ въ *Калатафими*, былъ пощаженъ убійцами, по причинѣ своей строгой добродѣтели и справедливости.

Церковь сія есть та самая, куда преимущественно собирались Французскіе чиновники и которая сдѣлалась ихъ гробомъ. Внушенность ея, — весьма скромная; нѣсколько готическихкихъ колоннъ, низкіе своды, слабый свѣтъ, печать древности и спрашное происшествіе — придають ей

вообразительный ужасъ. Миѣ казалось, что я вижу блескъ мечей, свѣтъ факеловъ, слышу клики меспи, вопли умирающихъ! . . . . Какая картина, въ храмѣ, среди богослуженія! . . . Щипъ съ шре-мя лиліями, гербъ Бурбоновъ, еще по сіе время сохранился на фронзонѣ церкви, какъ бы урокомъ для потомства.

Послѣ такихъ грозныхъ воспоминаній, мы пошли отдохнувъ подѣ благовонныя тѣни древнихъ апельсинныхъ деревьевъ, составляющихъ большую частію, здѣшній публичный садъ, называемый: *Флора* или *Villa Giulia*. Какая роскошь для жительства сѣверныхъ странъ! — Кромѣ высокихъ апельсинныхъ и лимонныхъ аллей, сколько лавровъ, плащановъ, миршовъ! Какъ гордо возвышаются сіи спройныя пальмы! Какую свѣжестъ разливають сіи шумные водометы! Прибавьте къ этому, что садъ сей, на берегу моря, котораго яркая лазурь проглядываетъ сквозь свѣжія занавѣсы зелени . . . Въ одномъ отдѣленіи сего сада оброботываютъ съ успѣхомъ нѣсколько грядъ сахарнаго тростника и кофе. Сіи растѣнія могли бы укорениться на почвѣ Сициліи, если бѣ промышленность оживляла сію страну. Тутъ можно видѣть также много рѣдкихъ растѣній южнаго полушарія; всѣ онѣ хорошо принялись, но требуютъ нѣкопорого попеченія.

Прежде, нежели я стану говорить объ окрестностяхъ Палермы, скажу нѣчто объ ея древно-

спи. Городъ сей назывался у древнихъ: *Панормосъ*; хопя слово сіе принято многими за Греческое, значащее — *вездѣ-портъ*; но это совершенно ложно; ибо основатели Палермы были Финикіане, прежде нежели первые Греки проникли въ Сицилію. Самое названіе сіе естъ Пуническое слово: *Пангормусъ* (Panhormus), ш. е. *rupes cingens* (окруженный скалами); что совершенно согласно съ вышеописаннымъ мѣстоположеніемъ Палермы. Нѣкоторые писатели нашихъ временъ, весьма опдалили эпоху построения Палермы, основываясь на двухъ найденныхъ надписяхъ, на первобытномъ Арабскомъ языкѣ, называемомъ Куфическимъ; но многіе Ученые не признаютъ ихъ столь древними, какъ изъ нихъ явствуетъ; одна изъ нихъ существовала еще въ 16-мъ вѣкѣ, въ составѣ зданія, называемаго башнею *Байха*. Сіи надписи любопытны — и, вѣроятно, основаны на преданіяхъ глубокой древности. Я не могу не предложить ихъ читателю въ оригиналѣ; (1) онѣ долго не были изъяснены, по незнанію того языка, на которомъ сочинены. Наконецъ, нѣкто *Стефанъ Специаль*, Палермитянинъ, съ помощію другихъ Ученыхъ, такъ перевелъ первую, и переводъ сей признанъ вѣрнымъ:

„Нѣтъ другаго Бога, кромѣ Бога Единаго!
Нѣтъ другой власти, кромѣ Его, Божеской. Нѣтъ

---

(1) Я тщательно снялъ ихъ съ рисунка *Фацелло: de reb. sic. edit. princeps* Рап. 1558. р. 166 — 7.

„другаго побѣдителя, кромѣ Сего самаго Бога, ко-
 „ему мы поклоняемся! Повелитель сей башни
 „именуется Сафу, сынъ Елифара, сына Исага,
 „брата Иаковлева, сына Исаака, сына Авраамова.
 „Имя башни сей есть Байхѣ, а ближайшей — Та-
 „ратѣ.“

Слова сіи были начертаны крупными лише-
 рами на 84-хъ камняхъ. Вся башня, состоявшая
 изъ камней чрезвычайной величины, была связана
 безъ извести. Ее разрушили, для расширенія То-
 ледской улицы! Надпись сохранялась нѣсколько
 времени, но уже давно не существуетъ болѣе. Те-
 перь слѣдуетъ другая, на Халдейскомъ языкѣ, най-
 денная за городомъ, подлѣ Маврскаго замка *Цизы*.
 Она была переведена на Латинскій языкъ, при
 Вильгельмѣ II, въ 1173-мъ году, Сиріяниномъ Ав-
 раамомъ;

„Во времена Исаака, сына Авраамова, и
 „Исага сына Исаакова, царствующаго въ долинѣ
 „Дамаскійской и въ Идумеѣ, многіе Евреи, послѣ-
 „дуемые жителями Дамаска и Финикіи, пристали
 „къ сему трехъугольному острову и выбрали себѣ
 „жилищемъ сіе пріятное мѣсто, назвавъ оное:
 „Пангормосѣ.“

Панорма была главнымъ городомъ Карфаген-
 скихъ владѣній въ Сициліи. Судя по большому ко-
 личеству ея медалей, на коихъ виденъ Пуниче-

скій гербъ, (1) должно заключить, что она населена была всегда Карфагенцами. Городъ раздѣлялся на три часпи: ближайшая къ горѣ *Эрктѣ* (нынѣ *Пеллегрино*), называлась *Неаполисѣ*; средняя: *Панорма*; а послѣдняя къ востоку: *Палеополисѣ*. Сверхъ того, на высотѣ горы *Эрктѣ*, находилась крѣпость, самаго труднаго доспуга. Не смотря на сіе, Панорма была два раза взята Римлянами въ 1-ю Пуническую войну, и одинъ разъ Пирромъ, Царемъ Эпирскимъ. Двѣ рѣки, *Оретѣ* (нынѣ *Fiume Amiraglio*) (2) и *Елевтеросѣ* (*Bagaria*), омывали городъ и посредствомъ каналовъ, шли крутомъ онаго къ порту, для того, чтобъ можно было скрывать нѣсколько галеръ въ самой внутренности города. Доселѣ видны еще слѣды сихъ каналовъ, заваленныхъ опъ времени и землетрясеній. Кромѣ нѣсколькихъ древнихъ камней, подъ основаніемъ церкви *Св. Маріи де ла Гвадыа* — и слабыхъ остатковъ опъ водопроводовъ и цитадели, находящихся у подошвы и на высотѣ горы Пеллегрино, — всѣ слѣды древнихъ зданій исчезли; даже рѣка *Оретѣ*, на берегахъ которой, Консулъ Метеллъ разбилъ армію Аздрубала, имѣетъ теперь другое печеніе; но первое ложе ея существуетъ и нынѣ,

---

(1) См. Медали.

(2) Сіе названіе дано ей въ память Джіорджіа Ангіохена, Адмирала Короля Рогера, поспроившаго на ней мостъ, донынѣ существующій.

Какой пріятный вечеръ провелъ я въ живописномъ саду *Са. Мариу ди Гесу!* Я никогда не дышалъ такимъ ароматическимъ воздухомъ. Тамъ Природа слишкомъ сладострастна для монастыря. — Близокъ былъ вечеръ; багряные лучи заходящаго солнца скользили по густымъ массамъ апельсиновыхъ, лавровыхъ и карубовыхъ деревъ, или пронзали огненными полосами чащу оныхъ. Какой шумъ ручьевъ! какой лугъ! какая лазурь неба! Не здѣсь ли провели *сельскій день* чепыре Палермскихъ счастливица съ юными подругами, объ коихъ намъ рассказываетъ нѣжный *Парни*. (1) Мнѣ пріятно было, лежа подъ сполѣненнымъ плапаномъ, оглашающъ звуками стиховъ сего пѣвца любви, пишину сихъ мирныхъ сѣней.

Libet jacere modo sub antiquâ ilice,
Modo in tenaci gramine.
Labuntur altis interim ripis aquae,
Queruntur in sylvis aves,
Fontesque lymphis obstrepunt manantibus,
Somnos quod invitet leves

(*Hor. Epod. II.*) (2).

-
- (1) *Oeuv. de Parny. La journée champêtre*: Вотъ два первые стиха:
On m'a conté qu' autrefois dans *Palerme*
Ville, ou l'amour eut toujours des autels... и пр.
- (2) Люблю я пѣжиться подъ липою густою,
На луговыхъ цвѣтахъ.
Здѣсь падаютъ ручьи съ утесовъ надо мною; —
А птицы на вѣтвяхъ
Поютъ при грохотѣ прозрачныхъ струй бѣгущихъ,
Внушал легкій сонъ...

(Горацъ)

Здѣсь, въ сладкомъ забытѣи, подъ пѣнью рошѣ совсѣмъ незнакомыхъ съ зимою, здѣсь нельзя думать ни о чемъ другомъ, какъ о покоѣ и о наслажденіи! . .

Возвращаясь въ городъ, вскорѣ по захожденіи солнца, я имѣлъ передъ собою во всю дорогу великолѣпный видъ горы *Пелегрино*, которая всегда одѣла прелестнымъ темнолазуревымъ цвѣтомъ; неспроинная масса ея обозначалась тогда рѣзкими линіями. Скала сія, какъ бы нарочно опрѣзанная могучею рукою Природы опъ всѣхъ прочихъ, видна со воѣхъ пунктовъ окрестностей Палермы и занимаетъ всегда глубину ея ландшафтовъ.

Г Л А В А IV.

О К Р Е С Т Н О С Т И П А Л Е Р М Ы. —

Багарія. — Солунтъ. —

Staunest, Fremdling,
Diese stein an?
Droben sind der steine viel
Um meine Hülle . . .

(*Goethe.*)

Вчера мы ѣздили довольно далеко, въ замокъ *Багарію* и къ остаткамъ древняго *Солунта*. Дорога пуда, идешь вдоль моря, мимо прекрасныхъ садовъ и дачъ. Высокія *алоэ* и кусты *Индѣйскихъ фиѣ*, растушіе по споронамъ, удивляютъ взоръ путешественника, непривыкшаго къ южной Природѣ. Въ Европѣ, растѣнія сіи видны только въ Сициліи, Испаніи и Калабріи въ полной своей красотѣ; но тѣ, кои изрѣдка встрѣчаются въ средней Италіи, не имѣютъ той обширности и высоты. Алоэ приносятъ большую пользу жителямъ Африки, Индіи и Америки; они спроятъ изъ шпротниковыхъ стеблей онаго шалаши и дѣлаютъ стрѣлы. Они также извлекаютъ изъ него нипи,

---

(1) *Agava Americana*, по Сицилійски: *zabarra*.

пзъ коихъ пкупѣ паруса. Въ нашихъ теплищахъ зовутъ алоэ: *столѣтнимъ деревоиъ*, и такъ какъ сіе распѣніе очень рѣдко цвѣтетъ въ искусственномъ воздухѣ, то у насъ укоренилось мнѣніе, что оно приносипъ цвѣтъ не прежде, какъ чрезъ столѣтъ, межъ тѣмъ, какъ въ Сициліи оно цвѣтетъ чрезъ 4 и 5 лѣтъ. Я помню, что даже въ сѣверной Италіи, на Боромеевыхъ оспровахъ, мнѣ показывали за рѣдкость опцвѣтшее алоэ, которое хранился привѣшеннымъ къ потолоку одной изъ комнатъ дворца. Въ теплищахъ нашихъ произрастаютъ только одни кусты сего распѣнія безъ стебля; но здѣсь оно восходитъ до 20 футовъ и болѣе, увѣчанное бѣлыми пирамидальными цвѣтами, и образуепъ живописное дерево. Индѣйскія фиги (1) не менѣе живописны. Сіе уродливое распѣніе состоитъ изъ широкихъ кустовъ, вышиною опъ 13 до 16 футовъ, съ толстыми сучьями, изъ коихъ выходятъ большіе сочные листья, толщиною почти въ полвершка, а длиною опъ 5 до 6 вершковъ; фруктъ, желтаго цвѣта, съ колючими иглами, величиною въ куриное яйцо, распепъ на самыхъ сихъ листьяхъ, по верхней плоскости и даже по бокамъ; вкусъ онаго пріятенъ и прохладипеленъ.

Дорога въ *Багарію* оживлена многими селеніями; всѣ жители сидятъ передъ своими домами, въ тѣни фруктовыхъ деревьевъ, образуя занимашель-

---

(1) *Cactus opuntia*. Lin.

ныя сѣмейственныя карпіны. Движеніе толпы по улицамъ не прекращается. Большая часть народа состоишь изъ людей праздныхъ, дышащихъ бальзамическимъ воздухомъ; но посреди нихъ вы видите также прудящихся ремесленниковъ: здѣсь пирующъ друзья за фруктовымъ завтракомъ и за бутылкою Марсальскаго вина; тамъ, молодая мать кормишь грудью младенца; вокругъ ея рѣзвятся полунагія дѣти — все это пріятно разсѣваетъ пупника. Посреди такихъ предметовъ приближались мы къ *Багаріи* или замку Князя Палагонія. Мы подъѣхали къ спраннымъ триумфальнымъ воротамъ, о двухъ или трехъ аркахъ! Четыре уродливыя изваянія, изображающія воиновъ, стерегли входъ. Изъ сихъ воротъ, длинная дорога, вымощенная каменными плитами, ведетъ между двумя рядами пьедесталей, съ грубо-обдѣланными вазами, — въ четырёхсторонній дворъ, спранный архитектуры; все обѣщаетъ вамъ нѣчто неестественное. Взойдя уже въ сей первый дворъ, вы увидите столько непонятныхъ каррикатурныхъ украшеній, что не догадываетесь, къ чему все сіе клонится. Опшуда другая арка ведетъ въ круглый дворъ, посреди коего находится домъ, — и тамъ глаза ваши поражены рядами спранныхъ испукановъ, уставленныхъ по высотъ заборныхъ стѣнъ. Напрасно хопите вы найши въ нихъ какое нибудь сходство съ какимъ либо пвореніемъ: — здѣсь женскою бюсптъ на коровьемъ пуловнищѣ, съ рыбьими хвостами — вмѣсто ногъ; тамъ, на плечахъ челоѣка съ медвѣжьими ногами осно-

ваны при головы, изъ коихъ одна рыба, другая птичья, а третья бычачья; далѣ левъ съ журавлиными ногами и съ хвостомъ крокодила; словомъ сказашъ, память опказываеишя описывать сихъ уродовъ, несообразныхъ ни съ какимъ воображеніемъ. Я думалъ, что нахожусь въ жилищѣ какого нибудь злаго чародѣя; я ожидалъ услышатъ звукъ волшебнаго рога, видѣлъ появленіе живыхъ чудовищъ, предвѣщающихъ самаго грознаго ихъ властелина, идущаго наказашъ любопытство пришедшихъ спранниковъ. Върояпно, разспроенное воображеніе Князя Палагоніа извлекло сей замкъ изъ Восточныхъ сказокъ *Тысячи и одной ноги*. Сынъ сего Князя, владѣющій нынѣ замкомъ, уничтожилъ большую часть сихъ уродовъ, которые были разсѣяны въ чрезвычайномъ количествѣ повсюду; онъ оставилъ только во внутреннемъ дворѣ нѣсколько изъ сихъ грубыхъ испукановъ — для образчика. Спранный Князь Палагоніа не жалѣлъ никакихъ суммъ на созиданіе сихъ чудесъ, и поэтъ былъ болѣе награжденъ, чѣе воображеніе производило спрашнѣйшаго чудовища. Говорятъ, что дѣпи и женщины окрестныхъ селеній съ препешомъ проходили мимо сего замка и рассказывали о немъ ужасныя повѣсти. Внутренность его испещрена кусками разноцвѣтныхъ спеколь, хрусталей, зеркаловъ, фарфоровъ; покрыва позолотою, красками, пестрыми шпофами и обоями, и все это въ самомъ грубомъ и дурномъ вкусѣ. Меня болѣе заняли прекрасныя виды изъ оконъ на живописныя скалы, сады и рощи, окружающія сей

хаосъ зданій. Ошдохнувъ здѣсь опъ пупи, — мы направились къ горѣ *Катальфано*, (1) гдѣ находился нѣкогда древній *Солунтъ*.

Окрестности Багаріи живописны: шумящее море, мрачныя скалы, тѣнистыя роуи, производящъ пріятное разнообразіе. Сіи мѣста славны побѣдою храбраго Рогера надъ Сарацинами, въ слѣдствіе коей онъ овладѣлъ Палермою; въ новѣйшія же времена Исторіи Сициліи, знамениты онѣ блестящими празднествами: сюда стекаются многолюдныя общества на цѣлые дни для прогулки и для рыбной ловли, которая естъ одно изъ любимѣйшихъ увеселеній Палермитянъ. Рыбка *Cicired-du*, находившаяся прежде ужаснаго Мессинскаго землетрясенія въ проливѣ Фаросскомъ, оставила послѣ сей эпохи прежнее свое жилище, и переселилась къ веселымъ берегамъ Палермы. Говоря о рыбной ловлѣ, должно упомянуть о знаменитой ловлѣ рыбы *туна* (thon), (2) которая производится въ концѣ Маія и привлекаетъ вниманіе всей Палермы. Рыба сія приходитъ въ Средиземное море изъ Океана, чрезъ Гибралтарскій проливъ; толпы оной, обогнувъ берега Испаніи, Франціи и Италіи, доходятъ до конечности Калабріи, къ проливу Фаросскому, гдѣ испуганныя быспрымъ его печеніемъ, возвращаются въ Океанъ по берегамъ Сициліи, мимо Палермы.

---

(1) Правильнѣе: *Гальфано*, слово Сарацинское.

(2) Тушецъ или Тун-фингъ.

Но обратимся къ Багаріи. — Вотъ нагія скалы горы *Катальфано*, видныя изъ Палермы и кончающія юговосточный горизонтъ ея. Отрасли сей горы соспаваютъ мысъ *Жербино*. На высотахъ ея и въ сей береговой долинь процвѣталъ нѣкогда *Солунтъ*, едва ли не древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ городовъ Сициліи. Основаніе его принадлежитъ баснословнымъ вѣкамъ и совершенно неизвѣстно. Полагаютъ, что городъ сей существовалъ уже въ то время, когда Финикійяне прислали къ Сициліи. Птоломей назначаетъ мѣсто оному между рѣками *Елевтеросъ* (*Bagaria*) и *Тулмерою* (*Termini*). Глубокая древность Солунта доказываеця также тѣмъ, что на нѣкоторыхъ медаляхъ сего города написано: СОЛОНТИΝΟΝ, безъ ω (омеги), которая введена была въ Греческія письма Симонидомъ, во времена Гелона. Еще до сей поры виденъ древній пупъ, изсѣченный въ скаль, который велъ на высоту, гдѣ находились храмы. Замѣчательно, что подобныя *пути* (*viae*) Сицилійцевъ служили образцами для знаменитыхъ Римскихъ путей. Тамъ показали намъ въ правѣ и перніяхъ нѣсколько обломковъ опъ капителей Дорическаго ордена, и куски колоннъ, — означающіе слѣды Солунта. Древніе умѣли всегда выбирать самыя живописныя мѣста для своихъ жилищъ. Солунтъ былъ не изъ послѣднихъ городовъ въ семъ отношеніи. Острыя скалы его увѣнчаны были храмами, роскошныя зданія покрывали сіи холмы, сходящіе разнообразными скапами къ морю. Какіе ландшафты вдоль береговъ, къ востоку и за-

паду! — Съ права видна была *Гилера*, гдѣ теперь *Термини*; ближе, *Гилерійскія бани* или *термы*, нынѣ *Трабія*; съ лѣва извивалась рѣчка *Елевтеросѣ*, посреди цвѣтущей долины, — а далѣе являлась *Панорма*, увѣнчанная огромною горою *Эрктою*. Я снялъ часть мѣстоположенія *Солунта* съ одной высоты: *Villa-Giornieri*, пропивъ сполрожевой башни, называемой понынѣ: *Castello di Solento*. Сіи долины знамениты оружіемъ Амилькара, Пирра и Римлянъ, когда они попеременно осаждали Панорму. Намъ показывали у подножіи скалъ, высѣченныя въ нихъ впадины или *ниши* для пепельныхъ урнъ, и нѣсколько погребальныхъ пещеръ. Тамъ находятъ изрѣдка урны и лампы самой древней работы; а земледѣльцы и понынѣ вскрываютъ плугами гробницы.

Scilicet et tempus veniet, cùm finibus illis
Agricola, incurvo terram molitus aratro,
Exesa inveniet scabra rubigine pila,
Aut gravibus rastris galeas pulsabit inanes,
Grandiaque effossis mirabitur ossa sepulcris.

(*Virg. Georg. L. 1.*) *)

---

*) И пахарь, въкогда на самыхъ сплхъ поляхъ,
Гдѣ сонмы вонновъ повержены во прахъ, —
Сохою обрѣшетъ шлемъ праздный, щипъ разбитый,
Столѣтней ржавчиной и пылію покрытый;
Гробница въспхалъ вдругъ рухнетъ подъ стопой, —
И страшнымъ оспавомъ смутнитъ его покой . . .

Возвращаясь домой, мы посѣпили прилежащій къ дорогѣ садъ Гр. Ресутано; — ни садъ сей, ни восковой кабинетъ, не споюпъ, по правдѣ сказать, вниманія.

Нашъ временный отъѣздъ изъ Палермы уже приближался. Въ послѣдній день осмопрѣли мы, неподалеку отъ города, Маврскій замокъ *Цизу*, который сравниваюпъ съ знаменитою Алгамброй, въ Испаніи.

Нельзя вообразить себѣ спраны плодоноснѣпой, которая окружаетъ сіе зданіе. Оно возвышается въ видѣ чепыресторонной башни, надъ лѣсомъ апельсинныхъ, лимонныхъ, померанцевыхъ и шелковичныхъ деревъ. Верхъ увѣнчанъ обширною террасою, съ высокими зубцами; квадратныя окна украшены готическими стрѣлками. Войдя въ сѣни, вы узнаете роскошное жилище Калифа. Вездѣ распочены разноцвѣтные мозаики и мраморы. Группы тонкихъ колоннъ изъ бѣлаго мрамора, поддерживаюпъ своды, одѣтые цвѣточными барельефами; а въ срединѣ сѣней бѣетъ обильный водопадъ, падающій двумя дугами въ два боковые осмиугольные бассейна. Слѣпная воды его, разливая далеко прохладу, кропяпъ водяной пылью мраморный помостъ, — и сладкое журчаніе впопится по всему зданію. Какъ пріятно такое убѣжище въ часы палящаго *сирокко*! Внутренность не сохранена въ древнемъ своемъ видѣ. Замокъ сей принадлежипъ теперь одному богатому

Палермскому Князю, который въ немъ живеть. Въ нѣкоторыхъ комнапахъ сбереглись арабески съ богашой позолошою; — но какой видъ съ высоты террасы! какая роскошь природы! взоры разбѣгаются съ одного ландшафта на другой. Оппѣнки сихъ фруктовыхъ рощъ, заспилающихъ долину, разнообразны до безконечности; онѣ безпрестанно мѣняются согласно съ паденьемъ солнечныхъ лучей, или съ дуновеніемъ вѣтра, вѣющаго нѣгою съ душистыхъ вершинъ ихъ. Отсюда вы видите Палерму во всемъ ея величїи, весь заливъ и безпредѣльное море. Замѣьте также живописную цѣпь скалъ, окружающихъ сію райскую долину. Жипели Сѣвера, коихъ чувствительность не пробуждается спрогитъ видомъ ихъ природы, винящъ безпечность и недѣятельность жипелей Юга; — конечно не должно похвалять ихъ праздность; но имѣя безпрестанно въ глазахъ такую сладоспращную природу, невольно мечтаешь, а не разсуждаешь; невольно нѣжишься, а не дѣйствуешь; — и слава, и почести, перяюпъ здѣсь свой призракъ. Къ помянушой террасѣ прибила была слѣдующая надпись:

Европа есть краса земли,
Италїя — краса Европы,
Сицилія — краса Италїи, —
А видъ сей — краса Сициліи!

Замокъ сей былъ воздвигнутъ во время владычества Мавровъ, нѣкимъ Эмиромъ, который назвалъ его по имени одной любимой дочери

своей — *Циза*. Это придаетъ лишнюю вообразительную красоту замку. Безъ сомнѣнія, перрасса эпа была любимымъ мѣстомъ Маврипанки, которая *когда* была красавица. Быть можетъ, здѣсь, въ тихія сумерки, прислонясь къ одному изъ сихъ зубцовъ, она передавала выразительными знаками Восточныхъ народовъ, любовь свою милому рыцарю, зовущему ее изъ-за деревъ; или окруженная блестящимъ кругомъ вельможъ, взидала на ристалища ищущихъ ея руки; вопъ предметовъ для романиста. . . Тутъ есть и подземелья; я ихъ не видалъ; но мнѣ сказывали, что эпопъ замокъ имѣлъ подземное сообщеніе съ другимъ Маврскимъ же замкомъ, называемымъ *Куба*. Сей послѣдній, частію разрушенъ, остальное обращено въ казармы и передѣлано, такъ, что ничего не напоминаетъ ужѣ первобытнаго его состоянія; это зданіе называютъ теперь: *Borgognoni*.

Окрестности Палермы заключаютъ неисчислимыя предметы для ландшафтнаго живописца. Рисунки Г-на Маврѣва, находящіеся у меня, могутъ служить доказательствомъ того; сколько разнообразныхъ деревъ и растѣній покрываютъ ея долины! — Особенныя образованія и ошпѣнки оныхъ, противоположности дикихъ скалъ съ роскошью природы, прелестныя перемѣны въ цвѣтѣ лазуревыхъ полей неба и моря, въ разные часы дня, — все эпо не ускользнетъ отъ искусной кисти художника. Самый городъ представляетъ много живописныхъ различій въ кварталахъ своихъ.

Не безъ причины, Древніе называли Палермскую долину: *Aurea vallis* (золотая долина), *Hortus Siciliae* (садъ Сициліи), *Concha aurea*, (золотая раковина). Послѣднее и первое названіе происходитъ отъ того, что рѣчка *Oretò* (*Amiraglio*) имѣла въ пескѣ своемъ много золотыхъ частичекъ. Италіянцы доселѣ называютъ Палерму: *Palerma la felice*, и. е. счастливою. Не смотря на это, Палерма, вмѣстѣ съ многими городами Сициліи, подвержена бѣдспвіямъ землетрясеній. Самыми тяжелыми злоключеніями было для нея наводненіе 27-го Декабря 1557 года, потопившее 4000 человѣкъ, и землетрясеніе 1726 года 1-го Октябрия, стоившее жизни полшорѣ тысячъ человѣкамъ. Послѣднее землетрясеніе, довольно малозначущее, было въ 1824 году.

Вечеромъ, на канунъ отъѣзда нашего изъ Палермы, мы посѣпили, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ нашихъ знакомыхъ, загородный домъ Графа *Бельмонте*, построенный на самой подошвѣ горы *Пеллегрино*. Небольшой, но прелестный садъ, весь принадлежащій искусству: — онъ основанъ на каменной скалѣ, а земля насыпная. Сей превосходный прудъ есть памятникъ, оставленный Палермѣ Русскими мапросами Фрегапа *Венуса*, въ 1807 году, во время экспедиціи нашего флота подъ начальствомъ Адмирала Сенявина. То, что Дюкъ де Бельмонтъ (говоритъ Г-нъ Броневскій въ любопышныхъ *Запискахъ морскаго офицера*) предполагалъ совершить въ одинъ годъ, или болѣе,

Русскіе солдаты сдѣлали ему въ два мѣсяца. При семъ случаѣ, рекомендую моимъ чипапелямъ прекрасное описаніе Палермы — Г-на Броневскаго, описаніе, исполненное истины и живыхъ красокъ. Долгое пребываніе въ сей столицѣ познакомило его коропко съ ея жипелями; избѣгая повтореній, я приглашаю, для пополненія моихъ замѣчаній, прочесть въ его книгѣ двѣ занимательныя стапьи, въ главѣ о Палермѣ: *День моднаго свѣта* и *Нѣчто о нравахъ и обыаяхъ* (1). Сцены, имѣ описанныя, происходятъ и понынѣ.

Возвращаюсь къ дачѣ Дюка де-Бельмонте: шамъ вы можепте видѣть, вблизи, всю дикую красоту огромной горы Пеллегринно. Какая груда скалъ! Какія разсѣлины разсѣкаютъ кремнистыя ребра ея! Какая масса тѣни лежитъ опъ нея чрезъ весь садъ и весь берегъ, — межъ тѣмъ, какъ зной царспвуентъ еще въ Палермѣ. Замѣпьте сію живописную дорогу, идущую переломными линіями по крупики горы до самой вершины. Посмотрите на сихъ богомольцевъ, съ прудомъ взбирающихся шуда, неся дары и моленія Свяшой Ро-

---

(1) *Записки морскаго офицера*, Ч. IV., стр. 63 и 78. Испина требуетъ также сказать, что Г-нъ Броневскій часто ошибается въ другихъ стапьяхъ, касающихся до Сициліи и болѣе всего, говорилъ о Сиракузахъ, копорыя онъ не успѣлъ хорошо видѣть. Сей почтенный Сочинитель, оказавшій настоящую услугу опечественной публикѣ, познакома ея съ подвигами Русскихъ мореходцевъ, предводимыхъ знаменитымъ нашимъ Адмираломъ, — избѣжалъ бы многихъ погрѣшностей, если бы опъ менѣе довѣрлялъ старымъ путешественникамъ, каковы суть *Брейдонъ* и другіе.

заліи, (покровительницѣ города;) коей мощи памѣ находяишся. Описывая праздникъ сей Святой, по возвращеніи моемъ въ Палерму, я объясню начало сего поклоненія.

Внутренность дома Дюка де-Бельмонте меблирована и расположена съ большимъ вкусомъ и заключаеетъ нѣсколько хорошихъ карпинъ; но видъ изъ оконъ превосходитъ всѣ убранства и есть лучшее украшеніе сего прелестнаго мѣста. Весь заливъ, Палерма и окрестности ея, являюишя оплуда въ самой очаровательной красотѣ. Имя дачи: *Бельмонте*, напомнило мнѣ нѣжный эпизодъ изъ Жилблаза, и я невольно воображалъ, что дѣйствіе онаго происходило здѣсь. Въ одной изъ комнатъ сего дома вамъ покажутъ рѣдкій образчикъ рѣзца; эпо, кажеишя, Спрашый Судъ, вырѣзанный изъ куска кости величиною въ $\frac{1}{4}$ аршина. Какая толпа народа, и сколько выраженія! Глаза могуиъ устатъ, вникая въ мѣлчныя, но превосходныя подробности сей работы.

Я долго не могъ рѣшиишя оставишъ благовоиныя тѣни лавровъ, мирповъ и померанцевъ, изъ-подъ крова коиъ, я любовался румянымъ вечеромъ, ясношью неба и моря.

На возвратѣ нашемъ въ городъ, мы посѣпили гавань. Она не оправдываетъ теперъ словопроизводства древняго имени Палермы — *Панормосъ*: *вездѣ портъ*; землетрясенія завалили ее во мно-

гихъ мѣстахъ. *Молла*, длиною въ 1300 геометрическихъ шаговъ, защищаетъ корабли съ одной только стороны; съ другой закрываетъ ихъ гора Пеллегрино; но сѣверные вѣтры возмущаютъ гавань.

Межъ тѣмъ мы наняли уже лошаковъ и одного изъ здѣшнихъ *тигерони*, для путешествія по западной части Сициліи. Наслышавшись очень много про разбойниковъ сего острова, мы рѣшились купить хорошіе пистолеты; но, къ удивленію нашему, во всей Палермѣ не могли найти не только пистолетовъ, но даже никакого оружія. Правительство, въ слѣдствіе происшествій 1820 года, строго запретило держать и продавать оружія; такъ, что, по тщетнымъ розыскамъ, мы принуждены были просить нашего Консула, ссудить насъ — своими.

Г Л А В А V.

Дорога изъ Палермы въ Агригентъ. — Внутренность Сицилии.

. . . coelo et medium sol igneus orbem
Hauserat; arebant herbae, et cava flumina siccis
Faucibus ad limum radii tepefacta coquebant...

(*Virg. Georg. IV.*)

Рано поуспру, мы опсправились изъ Палермы, верхами на лошакахъ. Нашъ *гитерони*, спѣсненный со всѣхъ споронъ вьюками, поржественно опкрывалъ ходъ; хозяинъ нашихъ живошнихъ (*borderonafo*) (1) слѣдовалъ за нами почпи бѣгомъ; мы ожидали, что онъ скоро опкланяется, зная, что пѣшій конному не поварищъ; но, напропивъ того, мы вскорѣ увидѣли, что и онъ пакже членъ нашего общества и долженъ быть нашимъ вожапаемъ. Хотя лошаки никогда почпи не ходятъ рысью, но слѣдуютъ однообразнымъ и большимъ шагомъ, — со всѣмъ пѣмъ, шаги человека должны быть весьма усилены, чтобы не опспасть опъ нихъ. Сицилійскіе *бордонаи* достигли того, и по большей часпи сопровождаютъ путешественниковъ пѣшкомъ. Не престаая удивляться проворству нашего вождя, мы спросили его, какъ онъ

---

(1) Такъ называются содержатели лошаковъ.

можесть выдерживать постоянно прудность споль неровнаго для него пупи, и уговаривали его воропипься; но онъ, вмѣсто опѣвша, захохоталъ и подбѣжавъ къ лошаку нашего чичерони, вспрыгнувъ съ чрезвычайнымъ проворспвомъ и расположился на задѣ бѣднаго живошнаго пакъ спокойно, какъ бы на креслахъ. Группа сихъ двухъ людей посреди разныхъ мѣшковъ и сумъ, могла бѣ служить для кисти *Гогарта*; мы сами принадлежали бѣ его карпинѣ, — накрытые соломенными пляпами съ обширными полями. Мы купили ихъ, по совѣту нашихъ добрыхъ знакомцевъ, для предохраненія себя опъ зноя, и не разъ благодарили ихъ, въ продолженіе нашего пруднаго пупи. Жалуюсь погонщику лошаковъ на лѣность моего живошнаго, я пребоваъ опъ него кнупа; но онъ, вмѣсто его, подалъ мнѣ пилю; я не понималъ употребленія сего орудія — и онъ показалъ мнѣ, что кольнувъ имъ въ холку лошака, лѣнивое живошное топчасъ пробуждается.

Болѣ часа слѣдовали мы вдоль морскаго берега; Палерма, скалы и море составляли прекрасный видъ. Безчисленное множество *алоэ* расстелъ по обѣимъ сторонамъ дороги; высокіе спешли онаго, увѣнчанные цвѣтами и возносясь изъ широколиственныхъ бирюзовыхъ кустовъ, образуютъ цѣлыя аллеи. Я полагалъ себя въ Америкѣ или Африкѣ, и въ самомъ дѣлѣ, Сицилія, въ отношеніяхъ своей природы, принадлежитъ болѣе сей послѣдней части Свѣта, чѣмъ

Европѣ. Въмѣстѣ съ прекраснымъ алоэ росли кусты *Индійскихъ фиговъ*, спранныго образованія. Ничто мнѣ не напоминало Европы; но я желалъ, чѣмбы зной солнечныхъ лучей, отражаемый раскаленными скалами, былъ менѣе похожъ на Африканскій. Опадаясь отъ береговыхъ скалъ, начинающіяся рощи маслинъ, миндалевыхъ и фиговыхъ деревьевъ, грецкихъ орѣшниковъ и обильные виноградники; посреди ихъ, по скапамъ горъ и вдоль овраговъ, волнуящаяся ячменная нивы. Таковая природа окружаетъ мѣстечки *Абати* и *Мизильмери*, чрезъ которыхъ мы проѣхали. Сіе послѣднее было знаменито Ботаническимъ садомъ, который нынѣ почти совсѣмъ уничтоженъ. Жители сихъ мѣстъ показались намъ богатыми, въ чемъ не мало увѣрило насъ то, что ни одинъ нищій не подходилъ къ намъ; межъ тѣмъ какъ въ Палермѣ нѣтъ отъ нихъ прохода. Жители сіи, почти всѣ, смутлаго цвѣта, волосами черны и нѣсколько кудрявы; они походятъ на Варварійцевъ; женщины почти столько же смутлы: въ ихъ чертахъ много значительности; длинныя косы отличнаго глянца, составляютъ лучшее ихъ украшеніе.

Солнце Сициліи, вливающее такую силу во всѣ растенія, имѣетъ равное дѣйствіе и на людей. Съ первыми ощущеніями бытія, воображеніе ихъ пробуждается; они кажутся созданными изъ того же вулканическаго свойства, какъ и земля ихъ. Всѣ ихъ наклонности при малѣйшей

проливности принимаютъ видъ спраспи, а спраспи — видъ нѣкоего изстуженія. Любовь ихъ дѣлается воспоргомъ, а ненависть мщеніемъ; разсудокъ ихъ, почти всегда, покоренъ воображенію. Я не думаю, чѣмъ можно было найти *равнодушнаго* Сицилійца; ибо безпечность, порожденная въ нихъ праздностью, не есть *равнодушіе*! Сицилійцы чрезвычайно суевѣрны и скрышны; но сіе послѣднее свойство не дѣлаетъ ихъ нечувствительными къ дружескимъ изліяніямъ; — они сохраняютъ свято вѣрность слова и любятъ оплечаться великодушіемъ.

Отѣхавъ 12 миль (1), почти всѣ растѣнія прекращаются; знойныя горы, базальтовые и гранишныя скалы, восходятъ одна надъ другою; права подалена, источники изсушены — и пунникъ унываетъ. Замокъ, на высокомъ утесѣ, возобновленный на древнемъ основаніи, но необитаемый — и сквозь толстыя стѣны коего проглядываетъ небо — есть единственныи предметъ, въ сихъ печальныхъ мѣстахъ, могущій занять упомянутый однообразіемъ взоръ. Замокъ сей называютъ: *Castello di Diana* (ит. е. *Діанинылиб*) и, можетъ быть, судя по названію, онъ замѣнилъ древнее капище богини лѣсовъ. Неподалеку отсюда находятся нѣсколько Греческихъ селеній; главнѣйшія сущь: *Піана, Палацо Адріано, Контесса и Меццоюсо*; я полагаю, ихъ жителей, за попомковъ

---

(1) Италійскихъ.

древнихъ обладателей Сициліи; но узналъ, что они суть Албанцы, переселившіеся въ 1482 году, по смерти Господаря Георгія Кастріота, убѣгая мщенія Турковъ; они говорятъ опечеспвленнымъ языкомъ и сохраняютъ свое вѣроисповѣданіе. Увидѣвъ на дорогѣ одного преспарѣлаго Грека съ своею дочерью, опдыхающихъ подъ навѣсомъ скалы, мы присоединились къ нимъ; дѣвушка одѣта была по-Гречески; черные волоса ея были собраны въ мѣшечекъ, съ котораго висѣли, почти до ногъ, двѣ алыя ленты; полосатая косынка накрывала высокую грудь; чрезвычайно широкіе рукава скрывали ея руки. Мы едва понимали другъ друга, объясняясь малоизвѣстнымъ намъ Сицилійскимъ нарѣчіемъ; наконецъ, Гречанка взяла подъ руку спарика, нагнула на себя бѣлое покрывало, и мы разспались.

Возлѣ селенія *Белли-Фьяти* (*Belli Fiati*) природа немного оживляется, опять появляются алоэ, Индейскія фиги и миндалевыя деревья, — но въ гораздо меньшемъ количествѣ; за симъ слѣдуютъ нѣсколько виноградныхъ горъ; но вскорѣ опять наступаютъ пуста и дикость; нагія горы, отражающія зной, не прерываются и закрываютъ со всѣхъ сторонъ горизонтъ; мы проѣхали чрезъ двѣ совершенно высохшія рѣчки, съ бесполезными на нихъ мостами. — На берегу одной, мы нашли, по слуху случаю, поверженное въ песокъ, грубое изваяніе *Сфинкса*, украшавшее вѣроятно мостъ. Сей символъ Египта весьма приличенъ симъ печальнымъ дебрямъ. —

Жаръ приводилъ насъ въ изнеможеніе; въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ вообще искали мы покровъ самой скудной тѣни и нѣсколькихъ капель воды для утоленія жажды; ибо взятое съ нами вино еще болѣе распяляло насъ. Не это ли картина Ливіи? Наконецъ предстало обрадованнымъ нашимъ взорамъ мѣспечко *Викари*, на высокой горѣ, увѣнчанной готическимъ замкомъ, посреди маслинъ, миндалевыхъ деревъ и виноградниковъ. Укрѣпивъ память нѣсколько свои силы, мы опять погрузились въ горныя ущелины, коихъ дикость была еще печальнѣе видѣнныхъ нами. Въ продолженіе прехъ-часовой ѣзды, помимые новой жаждою, мы прибыли въ спрадальческомъ положеніе въ *Алькаро*. Сіе мѣспечко красиво расположено по скапу горы, одѣтой фруктовыми рощами; но видъ эполъ хорошъ только издали, а въблизи: нечистота, бѣдность и недоспапокъ въ самыхъ нужныхъ съѣстныхъ припасахъ. Нашъ чичерони замѣнилъ все это, сдѣлавъ намъ наскоро жидкое лимонное мороженое, называемое здѣсь: *limonea granita*; прохлажденіе было намъ нужнѣе всякой пищи, — и оно возстановило наши силы. — Здѣсь мы ночевали.

Въ 4 часа поутру мы продолжали путь. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ мы спускались и поднимались съ горъ на горы, дикой наружности, но покрышья богатою жавною; почва земли улучшалась и даже показывался черноземъ. Я замѣнилъ, что многіе упесы соспавлены изъ мѣл-

кихъ камней, связанныхъ между собою какъ бы известью, пакъ чпо, видя сначала нѣсколько опломковъ опъ нихъ, я принялъ сей извеспиковый слой за разрушенныя стѣны. Послѣ долгой и трудной ѣзды по горамъ, гдѣ мы едва опликали слабыя пропы, выѣхали мы наконецъ въ первый разъ, въ проспранную и богатую долину, копорая представилась намъ какъ *оазиса* посреди степей Египта; въ первый разъ, слухъ нашъ былъ обрадованъ веселымъ журчаніемъ воды. Нѣсколько хижинъ было разсѣяно по луговымъ берегамъ быспрой рѣчки, въ пѣни плапановъ, пополей и фиговыхъ деревъ:

Contesti in varie forme, e tutte belle,
Facean riparo ai fervidi calori
De' giorni estivi con lor spesse ombrelle... (1).

(Ariosto c. VI, 21.)

Надъ ними возносила великолѣпную главу свою, высокая пальма, единспвенная въ сей прелестной долинь — и какъ бы царица оной. Нѣсколько безпечныхъ поселянъ опдыхали подъ широкими навѣсами деревъ, а дѣппи ихъ, подъ надзоромъ молодыхъ маперей, рѣзвились на пологомъ берегу рѣчки. Мнѣ сказали, чпо обипапели сего счастливаго уголка земли составляющъ только одно сѣмейспво и живутъ въ примѣрномъ дружелюбii; эппо опрывокъ изъ золопаго вѣка;

---

(1) . . . . Сплелась разнообразно,
Ихъ вѣтви въ знойный день,
Манили подъ свою развѣсистую сѣнь.

. . . . nè strepito di Marte
Ancor turbò questa remota parte. (1)

(Tasso. G. I. c. VII 8.)

Мы сошли на нѣсколько минушъ съ лошаковъ, погулявъ въ веселомъ обществѣ поселянъ, на лугахъ, гдѣ благоухали миршы, розовые лавры (2) и кустарники агнуса-каспуса; голубые цвѣтики, въ видѣ колосьевъ, украшали сіе послѣднее растѣіе. Пропивъ воли своей, мы оставили это опрадное уединеніе, чтобъ опять заключиться въ ущелья скалъ, безъ защиты отъ палящаго солнца. Путь нашъ былъ чрезвычайно утомителенъ; исключая порывистыхъ крупизны, мы должны были, я думаю, болѣе двадцати разъ переѣзжая въ бродъ докучливую рѣчку *Платанъ*, всегда одну и ту же, но извивающуюся до безконечности и составленную болѣе изъ камней, чѣмъ изъ воды; упомянутые лошаки наши спотыкались на каждомъ шагу. Наконецъ мы пристали къ одной хижинѣ, называемой именемъ гостиницы (*fondaco*); но мы никакъ не рѣшились промѣнять на неопрятность сего скуднаго жилища, роскошную тѣнь лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ. Мы не могли здѣсь найти для пищи ничего, кромѣ апельсиновъ.

Мы продолжали путь, безпрестанно переправляясь чрезъ помянутую рѣчку, которая спано-

(1) . . . . звукъ Марсовой трубы
Не возмущалъ еще сей мирный край далекій!

(2) Laurier rose.

випись богатѣе водою, приближаясь къ женскому Аббатству *Арагона*, построенному весьма красиво на скалѣ горы, посреди большого селенія, надъ которымъ оно господствуетъ во всей силѣ сего слова. Нашъ Чичерони говорилъ что тамъ есть карпінная галлерея; но мы не рѣшились довѣриться его рекомендаціи. Миндальныя рощи и обширныя виноградники окружаютъ сіе мѣстечко; сверхъ того, вся окрестность покрыта была обильною жабивою; налѣво отъ дороги, видѣнь на холмѣ замокъ *Вилла-Франко*.

Отсюда мы поворожили въ спорону, для того, чтобъ посѣпить долину, называемую *Макалубе*, — знаменитую по своимъ *грязнымъ изверженіямъ*. Сей феноменъ причисленъ къ роду вулканическихъ феноменовъ, хотя нынѣ доказано, что сіи изверженія происходятъ не отъ огня, но отъ подземнаго вѣпра. Это мѣсто извѣстно было Древнимъ и описано Плиніемъ и Солиномъ. (1) Чѣмъ болѣе мы приближались къ оному, тѣмъ печальнѣе становилась окрестность, такъ, что у самой долины Макалубе, составленной изъ глинистаго и известковаго слоя, невидать никакого произрастѣнія. Мы достигли до нѣкаго плоскаго возвышенія, имѣющаго не болѣе версты въ окружности; широкая поверхность сія есть самое мѣсто изверженій; она нѣсколько выпукла, одѣла глини-

---

(1) Plin. Lib. XXI, cap. VII. — Solin. cap. V.

стою прясиную, по которой нельзя ходить безъ опасенія, и усьяна кочками, походящими на пустые конусы; они образуются вырывающимся изъ земли въпромъ, и наполнены грязною холодною водою, которая безпрестанно выпускаетъ большіе пузыри, какъ бы отъ кипѣнія. Сильные жары лѣта утвердили нѣсколько прясину; но осенью и зимою ни кто не смѣетъ спускаться по этой скрипной безднѣ. Преимущественно въ сіи времена года, бывають изверженія; но то, которое происходило въ 1777 году 30-го Сентября, ужаснѣе многихъ. Чрезъ полчаса по восхожденіи солнца, слышимы были подземные грохоты, которые, возрастая поспешенно, превзошли прескомъ самые сильные удары грома. Земля дрожала въ семь мѣспѣ и въ окрестностяхъ, и наконецъ раскрылось нѣсколько опверспій, изъ коихъ начали вылетать столпы грязи и воды, подымавшіеся болѣе, нежели на 15 поазовъ; вода, разрѣшавшаяся отъ быспраго спремленія, въ тонкіе пары, походила на клубы дыма, — а глинистыя часпицы, освѣщаемыя солнцемъ, на огонь. Груды грязи, низпадая, погружались опять въ бездну и опять восходили изъ оной съ ужаснымъ ревомъ. Грязныя изверженія сіи называются Натуралистами: *Сальсы*. Макалубскія супъ самыя значительныя; подобныя онымъ можно видѣть около *Болоньи* и на полуостровѣ *Тамань*. (1) Ны-

---

(1) См. Путеш. Палласа по южной Россіи.

нѣшнее названіе сего мѣста естъ испорченное слово Сарациновъ: *Майгарука* (Mayharusa), что значить: *низпроверженная земля*.

Я посѣщаль *сальсы* полуострова *Тамана*, и удостовѣрился, что они по природѣ своей совершенно сходны съ Магалубскими. Изверженіе горы *Кюль-Обы*, описанное Палласомъ, было весьма сильное; оно обнаружилось пламенемъ.

Удовлетворивъ наше любопытство, мы посѣщали достигнуть за-свѣкло до древняго *Агригента*. Проѣзжая у подошвы одной скалы, поварищъ мой увидѣлъ, въ ущельи, сидящаго съ ружьемъ челоуѣка; принявъ его за разбойника, мы взялись уже за пистолеты, но вожапый объяснлъ намъ, что это вооруженный пастухъ, спрегущій спадо; мы увѣрились въ томъ, приближась къ нему, и не мало удивились, что ружье замѣняетъ мирный посохъ въ опечествѣ *Беокрыта*. Здѣсь спада не знакомы съ хлевами, и сѣно никогда не собираетъ, ибо свѣжая права произрастаетъ во всѣ времена года, слѣдуя ихъ печенію: осенью и зимою одѣваетъ она берега моря; весною подымается на возвышенныя долины; а лѣтомъ, по причинѣ чрезвычайныхъ жаровъ, вѣнчаетъ темя надоблачныхъ горъ.

ГЛАВА VI.

АГРИГЕНТЬ.

Et maintenant, voilà ce qui subsiste de
cette ville puissante!!

(Volney.)

Черезъ полпора часа ѣзды отъ Макалубе, открылись намъ, на высокой горѣ, зданія *Жир-женги*, замѣнившаго роскошный *Агригентъ*; — далѣе, разспилалось Африканское море . . . . Сумерки заспигли насъ при подъемѣ на крупныя высоты; но вскорѣ мы находились уже посреди узкихъ улицъ въ шумной и многолюдной толпѣ. Первый предметъ, бросившійся намъ въ глаза при въѣздѣ, было огромной величины закопченное чучело; оно изображало діавола, и на немъ сожженъ былъ, за нѣсколько минутъ до насъ, фейерверкъ, по случаю одного изъ безчисленныхъ праздниковъ Сицилійцевъ. Упоменные до чрезвычайности пугающе, мы поспѣшили на ночлегъ.

По утру приѣхалъ навѣстить насъ житель сего города, Г-нъ Раймонди, къ которому мы послали рекомендапельное письмо, данное намъ отъ Графа Соммапини, въ Палермѣ; онъ съ особенною благосклонностью, вызвался быть нашимъ пугеводителемъ по древностямъ Агри-

генпа. Чрезвычайный жаръ не позволялъ еще предпринимать прогулки, почему, Г-нъ Раймонди предложилъ намъ посѣпить его домъ находящійся на самомъ высокомъ мѣстѣ города; я былъ очарованъ открывшимся општуда видомъ на низменные долины, посреди коихъ прелестно обозначались колоннады двухъ Греческихъ храмовъ; а за ними, необозримое море кончало Европу и горизонтъ . . . — Слава Агригенпа пробуждала мои мечпы, и я горѣлъ неперпѣнемъ видѣть, осязая и вопрошая сія останки, свидѣтели знаменитыхъ событій.

Насладясь симъ видомъ, мы занялись обзорѣніемъ кабинета медалей Г-на Раймонди: — оный заслуживаетъ вниманіе путешественника; классификація сихъ медалей дѣлаетъ честь познаніямъ ихъ владѣльца. Мы видѣли монеты всѣхъ древнихъ Сицилійскихъ городовъ; сравненіе между ими весьма занимательно; многія изъ нихъ, особенно Сиракузскія, свидѣтельствуютъ изящность художества Древнихъ. Послѣ того мы разсматривали глиняные сосуды, называемые обыкновенно и весьма неправильно: *Этрусскими*, — ибо настоящія Этрусскія, дѣланы были въ подражаніе Сицилійскимъ, коихъ существованіе гораздо древнѣе. Рисунокъ ихъ, представляющій черныя изображенія по красному полю, весьма правиленъ, числъ и миловиденъ. Открытіе сихъ сосудовъ, въ Тосканѣ, составило эпоху въ Исторіи художества.

Сии рисунки перешли на наши мебели, превратились въ прекрасные барельефы — и сдѣлались лучшимъ украшеніемъ нашихъ домовъ. До сей поры, безпрестанно находятъ таковыя сосуды въ гробницахъ Агригента; богатое собраніе оныхъ видѣли мы послѣ, въ домѣ главы здѣшняго духовенства, Аббата *Панітіери*.

*

Соборная церковь заслуживаетъ вниманіе, по своей внушительности. Болѣе всего привлекаетъ труда путешественниковъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ въ Европѣ *саркофаговъ*. Онъ превращенъ въ купель и хранился въ деревянномъ футлярѣ. Барельефы сего саркофага изображаютъ исторію Ипполита и Федры. Первая сторона представляетъ приготовленіе Ипполита къ ловивѣ; — онъ окруженъ пястью ловчими, держащими неперпѣливыхъ коней и псовъ; стоящая подлѣ Ипполита женщина, по мнѣнію многихъ антикваріевъ, есть наперсница Федры, опклоняющая Ипполита отъ его намѣренія, и принеся ему отъ нея письмо, которое видно въ его лѣвой рукѣ. На второй сторонѣ представлена, съ меньшею опдѣлкою, ловля кабана. На третей — смерть Ипполита, поверженнаго съ колесницы и влачимаго испуганными отъ чудовища конями, которыхъ воище стараются удержатъ вонны. Четвертая сторона, самая прекрасная, изображаетъ во всей силѣ опчаяніе Федры, извѣщенной о смерти Ипполита, или объ его отказѣ соотвѣтствовать ей страсти. Эвнона поддерживаетъ ослабшую

Царицу; печаль прелестнаго лица ея прогашельна; руки ея, кажешся, падають опъ разслабленія, на дрожащія колѣна. Саркофагъ сей столько жъ прелестенъ и такое же производить вліяніе на чувства, какъ и Трагедіи Эврипида и Расина. Художникъ слѣдовалъ во всемъ Эврипиду; но первая часть скорѣе походитъ на сцену изъ Федры Сенековой, когда сія Царица помышляетъ, чрезъ свою кормилицу, письмо къ Ипполиту. Всѣ промія сцены суть вѣрная копія со стиховъ Эврипида; изображеніе печали Федры совершенно выражаетъ слова Греческаго трагика: „Увы! я „не въ силахъ болѣе владѣть собою! поддержите „сіи слабѣющія руки! . . . О боги! я не могу сносить тяжестей сего покрывала . . . . распусните „власы мои . . . .“ Полагають, что сей памятникъ принадлежитъ къ числу тѣхъ драгоценностей, кои были присланы сюда Сциціономъ изъ Карфагена, по разрушеніи онаго. Иные антикваріи, съ нѣкоторою правдоподобностію, называютъ сей саркофагъ надгробнымъ памятникомъ изгнаннаго изъ Агригента, злобнаго пирана Финпія, и умерщвленнаго кабаномъ, на ловившѣ близъ Карфагена, куда онъ удался.

Въ числѣ достопримѣчательностей сей церкви, должно замѣтить эхо ея сводовъ. Говоря самымъ тихимъ шопотомъ на конечности зданія, можно все слышать на противоположной сторонѣ, возлѣ алтаря. Сія тайна открылась случайно: — не было ни одной исповѣди въ эпосѣ хра-

мѣ, которая не дѣлалась извѣстною на другой же день всему городу; по многимъ клеветамъ на Капуциновъ, виною нескромности открылось — эхо. Въ сей же церквѣ показывали намъ отличной работы Греческую урну. Одинъ изъ здѣшнихъ Аббатовъ прочиталъ мнѣ съ нѣкоторою гордостію грамоту, данную Агригенискому Епископству, знаменитымъ Рогеромъ, по конечномъ испребленіи Сарациновъ; — начало этой грамоты (утверждающей Агригенту 25 городовъ) любопытно. Выписываю оное:

„Я, Рогеръ, Графъ Калабріи и Сициліи, вспомоществуемый силою Божескою, препоясанный мечемъ вышней благодати, украшенный шлемомъ, и щитомъ святаго и добраго намѣренія, пришелъ въ Сицилію на-встрѣчу ненавистнаго рода Сарациновъ, — для пораженія оныхъ. Вспомоществованіемъ семиобразнаго Духа, (1) содѣйствиемъ благости и милосердія Божескаго — побѣдилъ ихъ, изгналъ, поправъ ихъ дерзость, смирилъ ихъ гордость противу нашей вѣры, — и говоря поистинѣ, совершенно ихъ испребилъ . . . . . И кто, видящій великое разрушеніе ихъ городовъ, замковъ и дворцевъ, мною совершенное, — не

---

(1) Spiritus sanctus ideo *septiformis* dicitur, propter dona, quae etc. . . Isidor. Orig. VII, 3 p. 155. Ed. Vulcan.

„будеть пораженъ — бѣдспвіемъ и опчаяніемъ не-
„вѣрныхъ!“ (1)

Сіе начало, гдѣ слава побѣдителя является
во всемъ блескѣ, совершенно противоположно слѣ-
дующему окончанію:

„Все вышеозначенное писалъ я, Рогеръ, и все
„сіе *утверждено* Папою Урбиномъ.“ 1099 года Ок-
„тября 6-го въ *Бари*.

Это показываетъ всю силу Папскаго вліянія
на Сицилійскихъ властителей, съ той поры, какъ
славный Роберръ призналъ себя зависящимъ отъ
Папы Николая II. (2)

Проходя мимо другой церкви, намъ показали
подъ стѣнами ея, основаніе храма Юпитера *Полі-
зо* (Polieo), вѣнчавшаго одну изъ высотъ древняго
Агригенна.

---

(1) Ego, Rogerius, Calabriae et Siciliae Comes, divino munitus praesidio, gladio supernae gratiae cinctus, galea, et scuto bonae et laudandae intentionis adornatus, Siciliam petii contra nefandam Sarracenorum feritatem pugnaturus. Quos septiformi Dei gratia, ac cooperante, imò omnia efficiente divina misericordia expugnaui: illorumque superbiam, ac instantem eorum contra fidem nostram audaciam minoravi, et (ut verius loquar) paenitus ad nihilum redegei. Quis etenim visa Castellorum et civitatum eorum vasta et ampla ruina, ac palatiorum suorum studio mirabili compositorum ingenti destructione Sarracenorum, quorum usibus superfluis haec deserviebant, non consideret magnas dejectiones per me factas, immensasque eorum clades? Horum igitur potentia, ac contra Christianos insania prorsus annihilata, et tota Sicilia mihi et meis obedientiam prostante, etc. .

(2) См. Введеніе, Глава II.

Опшуда направились мы къ дѣвичьему монашпырю, чшобъ видѣть тамъ другой саркофагъ. Нѣсколько молодыхъ монахинь выглядывали на насъ сквозь выпуклыя рѣшетки оконъ; ихъ пригожій видъ гораздо любопытнѣе того саркофага, который я нашелъ весьма обыкновеннымъ: — два Генія смерти, держащъ на лепш изображеніе молодого юноши; — таковой предметъ часто встрѣчается на Римскихъ гробницахъ. Но я былъ весьма вознагражденъ за трудъ свой, когда Г-нъ Раймонди предложилъ мнѣ войти въ общеспвенную комнату монашпыря (parloire). Тамъ я восхищился красотою дѣвушки, лѣтъ семнадцати, тихо бесѣдующей, сквозь желѣзную рѣшетку, съ своимъ родственникомъ. Преспарѣлая монахиня сидѣла возлѣ нея и тѣмъ болѣе обнаруживала прелесть, разлипую на черпахъ милой затворницы. Она была одѣта въ бѣломъ монашескомъ платьѣ; но спанъ нимфы изобличался сквозь грубые покровы.

Les Grâces arrangeaient son simple habit de bure,
Les Grâces se plaisaient á sa simple coiffure . . . . .

— — — — —

Tout en elle était calme, un sentiment modeste,
Réglaít son air, sa voix, son regard, son geste (1).

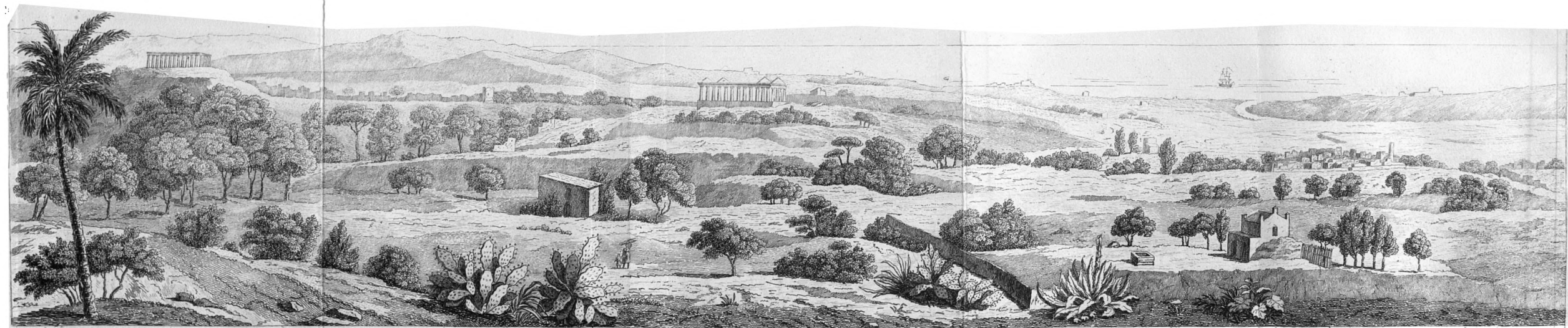
(Delille: *Umag.*)

-
- (1) Ей сами Граціи льняной покровъ соткали;
Опъ ей локоны по плечамъ разбросали . . .
Невинность тихая видна въ ея черпахъ, —
Во взорахъ, въ поступи, въ молчаньи и въ рѣчахъ.

Родственникъ ея, видя иносѣланцевъ, дружелюбно пригласилъ насъ занять мѣсто возлѣ него. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи похитить нѣсколько словъ изъ сихъ прелесныхъ успѣ; я спросилъ ее объ монастырской жизни, — и звуки голоса, похожіе на ласки, привели меня въ смущеніе. Она мнѣ отвѣчала, что все, что окружаетъ ее въ монастырѣ, ей нравится, и все убѣждаетъ не покидать сего мирнаго жилища. Я узналъ, что она принадлежитъ хорошей фамиліи и съ десятилѣтняго возраста находится въ монастырѣ. Къ сожалѣнію, здѣсь многія матери, для обезпеченія себя, отдають своихъ малолѣтнихъ дочерей на воспитаніе монахинямъ, которыя непримѣнно овладѣвъ разумомъ сихъ дѣтей, не рѣдко склоняють ихъ на вѣчное започеніе и пользуются ихъ доходами.

Перенесясь такъ скоро изъ шумной Палермы въ уединенный Агригенъ, я былъ удивленъ печальною наружностью его жителей. Я не встрѣчалъ на улицѣ ни одной женщины съ открытымъ лицомъ; черное, длинное покрывало, въ которомъ онѣ тщательнѣе закутаны, дають имъ видъ мрачный; но драпировка сихъ покрывалъ, являетъ слѣды древнихъ одѣждъ. Здѣшнихъ красавицъ можно видѣть токмо въ народныя празднества, которыя однако не рѣдки; но въ прочіе дни онѣ всегда закутаны, почему и называютъ ихъ: *intuppatedi*, *ш. с. покрытые*.

Мѣстоположеніе Древняго Агригента.

Г Л А В А VII.

А Г Р И Г Е Н Т Ъ.

De vos ayeux, qu'admira mon enfance,
Le souvenir occupe mon silence . . .
Plus fiers que vous, ils affrontaient les mers;
Leur pied foula ces rivages déserts.
Levez les yeux, voyez sur ces collines
Ces murs détruits, ces pendantes ruines
Et ces tombeaux que la ronce a couverts.

(Parny. *Isnel*.)

Послѣ обѣда, когда жаръ началъ ослабѣ-
вать, мы оправились верхомъ къ великолѣпнымъ
остаткамъ Агригенпа. Посреди аллеи кипарисовъ,
маслинъ и цвѣтущихъ алоэ, мы спускались вдоль
скапа обрывистой горы къ низменнымъ долинамъ.
Чѣмъ болѣе мы понижались, тѣмъ видъ стано-
вился прелеснѣе. Какъ плѣнила меня первая
представившаяся глазамъ моимъ картина! Прози-
рая сквозь яркую зелень миндалевыхъ деревь, по-
луразвалившійся храмъ *Юноны Люцины* вѣнчалъ
живописный холмъ, покрытый разрушеніемъ;
рядъ Дорическихъ колоннъ рисовался по лазури
просперпаго позади моря. Вправо, на концѣ
той же линіи, слѣдуя вдоль высотъ, по коимъ
разбросаны груды стѣнъ, стоить храмъ *Согласія*
(*Concordiae*), въ совершенной цѣлости: — какъ
памятникъ величія Агригенпа, копорый, высокими
стѣнами своими (говорить *Виргилій*) далеко воз-
вѣщалъ о себѣ, плывущимъ по Ливійскому морю:

Ardus inde Acragas ostentat maxima longe
Moenia . . . .

(*Aen. L. III.*)

Всѣ сія развалины покрыты опъ времени и опъ свойства камня, какимъ-то необыкновеннымъ желтоватымъ цвѣтомъ, — и эпомъ цвѣтъ пріятно согласуется съ зеленью деревъ и съ лазурью неба и моря. Лучшія зданія новѣйшей архитектуры, никогда не могутъ произвести надъ нами сего, можно сказать, магическаго дѣйствія, производимаго древними зданіями, которыя оипѣнены сполькими вѣками. (1)

Достигнувъ храма Юноны, я съ невольнымъ благоговѣніемъ спунилъ на поросшія мохомъ ступени, и взошелъ въ обрушенное преддверіе; я сѣлъ на остатки жертвенника, курившагося безпрестанно передъ изображеніемъ владычицы боговъ, олицетворенной кистію *Зевксиса*. Здѣсь находилась знаменитая картина сего живописца. Склонивъ прелестнѣйшихъ дѣвъ *Агригенша* обнажилъ передъ нимъ, онъ выбралъ изъ нихъ только пяти — и совокупилъ красоты каждой въ образѣ своей Юноны. (2)

---

(1) Памятники *Агригенша*, *Сиракузъ* и *Сегеспа* построены, изъ принадлежащаго имъ слою, нѣсколько поздравшаго и раковиннаго камня; онъ довольно мягокъ для ошдѣлки, но опъ времени получаетъ большую крепость.

(2) *Plin. Lib. XXXV, c. 9.*

Взгляните на этотъ рядъ колоннъ, извѣденныхъ временемъ и окруженныхъ обломками другихъ, поверженныхъ; взгляните между нихъ на амфитеатръ горъ, покрытыхъ садами; на скопленіе зданій *Жирженти*, вѣнчающихъ высокую гору; какъ сильно противурѣчитъ спрогій видъ сего разрушеннаго вѣками храма, и гривому виду вѣчноюоной природы! Обернитесь теперь назадъ; здѣсь, вся южная часть храма разрушена; раздробленныя капители и колонны разсыяны по скату холма и скапились въ долину вмѣстѣ съ грудями камней; вправо, далеко протягиваются разбросанныя или едва еще стоящія стѣны города; вотъ храмъ *Согласія*; коего великолѣпный фронтонъ прямо передъ вами; а далѣе, взоръ едва различаетъ другія развалины.

Отсель до моря, развертывается обширная долина — поприще бывша Карфагенцевъ и Римлянъ. Все чипанное мною въ Полибіѣ и Дюдорѣ олицетворилось теперь передо мною. Не вдалекѣ видны оспапки храма *Эскулапа*, а правѣе гробница *Терона*: далѣе, быспрая рѣчка *Драго* повергается въ море; — это обожаемый въ древности *Акрагасъ*, (1) омывавшій спогны

---

(1) Рѣка Акрагасъ изображена была Агригентянами въ видѣ младенца; одна изъ таковыхъ статуй хранилась въ Дельейскомъ храмѣ. См. Pausan. и Aelian. L. II. c. XXXIII.

роскошныхъ Агригентянъ; тамъ, была пристань: *Emporium Agrigentinarum*; — и наконецъ, взоры теряются въ необозримомъ пространствѣ Ливійскаго моря, слипаго съ эфиромъ. Тамъ Африка . . . тамъ Карфагенъ; сіи самыя воды принесли сюда грозныя полки соперницы Рима, на погибель сего града, разсѣяннаго нынѣ по запустѣлому пространству . . .

Отсюда мы направились вдоль обрушенныхъ стѣнъ; онѣ изпещрены разнообразными *нишами*, куда спановились гробницы и пепельныя урны. Величины сихъ нишей различны, ибо каждое сѣмейство имѣло опредѣленное для себя мѣсто погребенія и соразмѣряло оное по числу своихъ сочленовъ. Всѣ гробницы сіи находятся между храмами боговъ, коихъ покрову ввѣряли Агригентяне свой прахъ. Видъ этихъ гробницъ, соединенный съ видомъ разрушенія всего города, прогаешъ душу. Прекрасныя деревья и Индѣйскія фиги поросли въ ущельяхъ стѣнъ; во многихъ мѣстахъ, спройныя алоэ возвышаются изъ нупри самыхъ гробницъ.

Мы непримѣтно прошли разстояніе 400 шаговъ, раздѣляющее храмъ Юноны отъ храма Согласія, — и находились уже пропивъ преддверія сего послѣдняго. Нельзя равнодушно глядѣть на этотъ прекрасный остатокъ изящнаго водчества Грековъ, — они, кажется, имѣли особенный идеалъ *прекраснаго*. Всѣ части зданія удивительно хорошо сохранились, ибо только крыша, угловая

часть фронтона и нѣсколько карнизовъ, разрушены временемъ. Сей храмъ, того же Дорическаго ордена, какъ и храмъ Юноны Люцины, — имѣетъ двойные фасады; 34 рѣзныя колонны, безъ пьедесталей, образуютъ по сторонамъ великолѣпный перистиль; святилище обнесено, также, пятую чепырмя колоннами меньшей пропорціи, но подобными первымъ; сверхъ того, по двѣ колонны украшаютъ два внутренніе портика. Основаніе о шести ступеняхъ, возвышалось на 9 футовъ и утверждено было на платформѣ. Не нужно говорить, что видъ изъ сего храма равно очарователенъ какъ изъ храма Люцины, находящагося на той же продолженной высотѣ. Я любовался игрѣ солнечныхъ лучей, которые пронзали золотыми полосами двойные ряды колоннъ и рисовали на помостѣ пересѣкающіяся пѣни ихъ.

Общій объемъ и пропорціи сего храма составляютъ гармонію вида, не менѣе плѣняющую взоръ, какъ гармонія музыки плѣняетъ слухъ. (1) Я былъ обвороженъ симъ зрѣлищемъ; глаза мои, ища какъ бы отдохновенія отъ восторга, склонялись на низменные долины и на поверхность моря.

(1.) Длина сего храма 128 футовъ; ширина 51 ф. и 4 дюйма; длина святилища (cella) 8 ф., ширина 26 ф. и 2 д. Высота колоннъ безъ капителей 18 ф. и 10 д., а съ капителями 20 ф. 6 д.; ширина полного карниза съ фризами: 7 ф. 2. д. — Храмъ Юноны Люцины: длина 114 ф. 3 д. ширина 48 ф. 6 д. Высота колоннъ съ капителями 20 ф. 4 д. высота *стилобата* или основанія 10 ф.

Изящныя произведенія древнихъ, внушенныя имъ врожденнымъ вкусомъ, носятъ на себѣ отпечатокъ *творческій*, межъ тѣмъ какъ наши новѣйшія произведенія изобличаютъ всегда подражаніе.

Еще доселѣ не увѣрились въ испиномъ наименованіи храма *Согласія*, хопя найдена была въ немъ мраморная доска со слѣдующею надписью:

Concordiae Agrigentinorum
Sacrum
Respublica Lilybitanorum
Dedicantibus
M. Atterio Candido procos. et.
L. Cornelio Marcello.
A. Pr. Pr.
м. е.

Согласію Агригентянѣ, отъ Республики Лилибейской: посвящено М. Аттеріемъ, Кандидіемъ, Проконсуломъ и Луціемъ Корнеліемъ Маркелломъ Преторомъ.

Сія надпись хранился нынѣ на площади Жирженпи, вдѣланная въ стѣну; по ней заключаютъ, что Лилибейцы, побѣжденные Агригенпанами, воздвигнули эпопъ храмъ на свой щепъ; но шакое заключеніе невѣроятно, попому что храмъ сей принадлежитъ вѣкамъ Греческихъ колоній, когда Сицилія не имѣла ни Консуловъ, ни Проконсуловъ Римскихъ, и упошребляла Греческій, а не Латинскій языкъ.

Превосходное сооруженіе многихъ памятниковъ. Агригенція, приписываютъ Феаксу, уроженцу изъ сего города. (1)

Долго любовался я различными видами изъ средины святилища; долго удивлялся гению и славу Древнихъ; долго мечталъ .... и съ пирудою могъ удалиться. Спускаясь съ крутизны и продолжая слѣдовать прямо, вдоль стѣны, мы приблизились къ храму *Геркулеса*.

Огромныя груды разбитыхъ и нагроможденныхъ въ спрашномъ безпорядкѣ, стѣны, карнизовъ, капителей и колоннъ, изъ коихъ шокмо одна, полуразрушенная колонна, вообще пропивитися губительному времени, — вопъ карпина знаменитаго храма Геркулеса. Слѣды помоста, сохранившагося во многихъ мѣстахъ — и діаметръ колоннъ, возвѣщаютъ о его прошедшемъ великолѣпіи. (2) Въ немъ находилась изящная статуя Иракла, о которой Цицеронъ говорилъ, что не видывалъ статуи прекраснѣе оной. Агригенціяне, не довольствуясь возсылать мольбы предъ изваяніемъ сего бога, и движимые вѣрою, осыпали его поцѣлуями, такъ что уста и брада его начинали чрезъ это слаживаться. (3) Въ наше время, поже самое можно

---

(1) Достойно замѣчаніа, что до сей поры, здѣшніе жители называютъ подземные водопроводы, находящіеся въ долинѣ С. Леопарда и признанные за древніе, — *acquedotti Phacsi*.

(2) Длина сего храма опредѣлена въ 192 футовъ а ширина въ 8 ф. высота колоннъ съ капителями 36 ф. діаметръ колоннъ 7 футовъ.

(3) *Cic. in Verr. Lib IV. c. XLIII.*

видѣть въ Римѣ, на изваяніи Св. Пепра, въ храмѣ, ему посвященномъ: — вся конечность одной ноги Апостола, вытерпа лобзаніями богомольцевъ.

Сію-то спашую Иракла, хотѣлъ алчный Верресь, въ бытность свою Препоромъ въ Сициліи, похитить въ ночную пору; но жители, пробужденные воплями спражей, возспали на заступу своего Палладіума и обрапили въ бѣгство вооруженную толпу хищника. (1) Здѣсь также, была картина Зевксиса, изображавшая, по словамъ Плинія, Геркулеса младенца, подавляющаго двухъ змѣй въ присуствіи устращенной Алкмены и Амфипріона; — дѣйствіе спраха на ихъ лицахъ, было выражено съ неимовѣрною живоспію. Самъ Зевксисъ не могъ положить цѣны своей работѣ, и для того принесть ее въ даръ сему храму. (2) Мѣсто, находящееся между онымъ и храмомъ Юпитера Олимпійскаго, занималъ *форумъ* многочисленнаго Агригента, въ коемъ считалось во время Эмпедокла, по свидѣтельству Діогена-Лаерція, до 800.000 жителей. (3) Здѣсь, гдѣ распутъ теперь въ пакомъ изобилии, по грудамъ камней, алоэ и воспочные фиги, — здѣсь волновалась толпа промышленнаго народа. Здѣсь невольники опдаленныхъ справъ прогуливали на драгоцѣнныхъ носилкахъ изъ слоновыхъ костей — роскошнаго гражданина; (4) тутъ

---

(1) Cic. id.

(2) Plin. Lib. XXXV. c. IX.

(3) Diog. Laert. in. Emped. Но Діодоръ Сицилійскій, полагаетъ число жителей Агригента, въ эпоху нашеслвіа Аннбалы, въ 200.000 ч.

(4) Diod. Sic. l. XIII.

блещающія въ золотѣ и серебрѣ колесницы, мчались на борзыхъ коняхъ *небесной породы*, копорымъ удивлялись чужеземныя страны, (1) копорые славились лирою Пиндара и коимъ воздвигали пирамиды,

Altor equorum,
Mille rapit turmas, atque hinnitibus aëra flammant,
Pulveream volvens Agragas ad moenia nubem.

Sil. It. Lib. XIV.

Тамъ въ мраморныхъ бассейнахъ плавали и плескались пшцы или рыбы разныхъ часпей свѣша. (2) Все это здѣсь было — и все это осталось только въ преданіяхъ; лишь одна природа не измѣнилась!

На разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ храма Иракла, лежатъ громады несравненнаго храма Юпитера Олимпійскаго. Зданіе сіе построено въ подражаніе извѣстному храму того же имени, въ Греціи, и почти въ одно время съ нимъ, — было однимъ изъ удивительнѣйшихъ въ мірѣ. Двадцать два столбѣя пятобѣющія на немъ, едва могли разрушить испанскую груду его. „Оно даетъ насоящее понятіе о великолѣпіи людей того времени“ — говоритъ

---

(1) . . . . Magnanimum quondam generator equorum.

Virg. Lib. III. Aen.

(2) См. *Diod. Lib. XI*. Сей историкъ свидѣтельствуеетъ существованіе водохранилища, имѣвшаго 7 стадій въ окружности и 20 локтей въ глубину. Многіе узнаютъ мѣсто сего водохранилища, въ одномъ большомъ оврагѣ близъ храма Каспора и Поллукса.

Діодоръ. Разсмапривая обломки сихъ колоссальныхъ колоннъ, карнизовъ, архиправовъ, капищелей, и чрезмѣрныя пропорціи сущеспвующаго основанія, — не должно удивляться, что попомспво приписало поспроеніе онаго Гиганпамъ; по сіе время называютъ храмъ сей: *Palazzo de' Giganti*. Діодоръ (1) опредѣляетъ длину его въ 340 греческихъ футовъ; ширину (безъ всякаго сомнѣнія, по ошибкѣ переписчиковъ,) въ 60 футовъ, вмѣсто 160 ф. на самомъ дѣлѣ сущеспвующихъ; высоту безъ карнизовъ, въ 102 фута. Колонны сего храма, пишеть онъ, были вдѣланы въ спѣны, представляя снаружи полудружіе имѣющее 20 Гр. ф. въ объемѣ, а внупри, пиластры имѣющія 12 Гр. ф. въ ширину; и такъ, сія послѣдняя мѣра составляетъ діаметръ полного круга имѣющаго около 40 Гр. ф. въ объемѣ. (2) Тотъ же Испорицъ, весьма справедливо говоритъ, что чело-вѣкъ можетъ помѣститься всею спиною въ рѣзныя впадины колоннъ; я самъ повѣрялъ истину его словъ. На фронтонахъ были изображены барельфами, изящной красоты, бой Гигантовъ пропиву боговъ и разрушеніе Иліона. Первый предметъ подалъ, можетъ быть, поводъ назвать это зданіе *храмомъ Гигантовъ*, и даже приписать, имъ самимъ, сооружеііе онаго. Жаль, что ни чего не сохранилось отъ сихъ барельефовъ, коихъ красота какъ говоритъ Діодоръ, была необыкновенная. Спасуи Фидія и Алкмена украшали внутренность

(1) Diocl. l. XIII.

(2) Новѣйшія измѣренія опредѣлили длину сего храма въ 442 Спц. палмы нл с. 344 Франц. фута, а ширину въ 146 ф. — безъ снлобаша.

храма; крыша его не была окончена, когда возгорѣлась война съ Карфагенцами, — и за симъ послѣдовало его разрушеніе. Не смотря на спрашнѣйшій безпорядокъ сихъ развалинъ, онѣ исполнены удивительнаго величія и воображеніе спроектируетъ на нихъ ужасный колоссъ... Остатки сего великолѣпнаго памятника древности, могли бы долго еще, въ лучшей цѣлости, удивлять путешественниковъ, но варварское правленіе сего острова въ началѣ XVII вѣка, разрушило послѣдніе слѣды стѣнъ, употребивъ огромные камни оныхъ на постройку *молы* въ пристани Жиржентъ !!! . Фацелло говоритъ, что конечное разрушеніе храма Юпитера Олимпійскаго послѣдовало 1401 года, въ Декабрѣ, опъ небреженія правительсва къ сему дивному зданію; при семъ выписываетъ онъ, сочиненные на этотъ случай Латинскіе стихи, которые доказываютъ, что колоссальныя статуи Гигантовъ поддерживали тяжесть наддвернаго фронтона

Между храмами Юпитера Олимпійскаго и Иракла находились, такъ называемыя, *Золотыя ворота* (porta Aurea), чрезъ копорыя пролегалъ путь къ гавани.

Слѣдуя далѣе и пройдя около восьмидесяти саженой, показали намъ въ глуши одного огорода, малые остатки такъ называемаго: *Вулканова* храма. Мы распознали нѣсколько обломковъ опъ колоннъ и капителей: сіи послѣднія обна-

руживають Дорическій орденъ храма. Опшуда мы направились чрезъ глубокой и живописный оврагъ изрытый потокомъ; здѣсь полагають мѣсто водохранилища вырыпаго плѣнными Карфагенцами; но это можетъ быть однѣмъ предположеніемъ. На противоположной высотѣ два стоящіе обломка рѣзныхъ колоннъ съ пѣдесталами, посреди другихъ развалинъ, показываютъ слѣды храма *Кастора и Полукса*. Тамъ видна еще часть основанія и нѣсколько ступеней. (1) Мы вознаграждены были за понесенныя нами усталости, видомъ великолѣпной линіи, храмовъ *Агриппы*. Какіе предметы для живописцевъ!

Возвращаясь назадъ, мы встрѣпили вѣдомое на пастбище спадомъ; въ немъ было нѣсколько лошадей, но они весьма далеки отъ даннаго имъ, *Виргиліемъ* прилагательнаго: *magnanimi* (2); но за то, волю обратили наше вниманіе; они похожи на антилоповъ и рога ихъ уродливо велики. Тутъ же видѣли мы нѣсколько пелятъ Африканской породы, съ плоскими хвостами. Пастырь не отказался довѣрить намъ за малую плату, нѣсколько изъ своихъ лошадей; упомянутые путемъ, мы сѣли на нихъ съ немалымъ удовольствіемъ.

Выѣхавъ опять къ развалинамъ храма *Юпитера Олимпійскаго*, мы спустились къ подошвамъ падшихъ стѣнъ города которые занимають

---

(1) Диаметръ колонъ 4 ф. и 10 $\frac{1}{2}$ д.

(2) *Virg. ubi supra.*

еще все пространство отъ храма Юноны Люцины до рѣки *Акрагасъ*, нынѣ *Драго*. Кажется, что грозная труба, низпровергшая стѣны Иерихона, прозвучала вдоль сихъ твердынь; — здѣсь, цѣлые составы оныхъ покрываютъ скапы холмовъ; тамъ, совершенно опидѣясь, спрашно наклонены и угрожаютъ ежеминутнымъ паденіемъ; другія, далеко уже устлаютъ долину.....

Стѣны сіи, по большой части, выдѣланы изъ природныхъ скалъ; но тѣ, которыя были сооружены, имѣли 105 футовъ въ высоту и 70 стадій въ окружности. (1) Множество гробовыхъ нишъ, подобныхъ тѣмъ, кои изсѣчены въ стѣнахъ обращенныхъ во внутрь города, — изпещряютъ также и наружность стѣнъ. Сіи жилища смерти пробуждаютъ неизъяснимое чувство меланхоліи: Глядя на великолѣпные храмы, пережившіе сколько вѣковъ, вы видите передъ собою славу и могущество соорудившихъ оныя, — а глядя на гробницы, гдѣ уже нѣтъ и праха погребенныхъ, — пщепу и ничтожество ихъ! Здѣсь хранились тѣлы тѣхъ токмо гражданъ, кои своими воинскими и частными доблестями приносили славу республикѣ; это дѣлалось съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы тѣни ихъ и по смерти охраняли стѣны города. Мудрые постановивтели сего высокаго обычая, почестію къ мертвымъ, дѣйствовали на живыхъ; юноши безпреспанно имѣли передъ очами, славу

---

(1) Diod. id.

своихъ предковъ; здѣсь находились храмы боговъ, здѣсь совершались всѣ празднества, и сюда родилели водили младенцевъ сыновъ своихъ:

Чтобъ въ юныхъ ихъ сердцахъ геройство возбудить. (1)

Слѣдуя по долинѣ, къ морю, мы вскорѣ подошли къ такъ называемой гробницѣ *Терона*, воздвигнутой гражданами Агригенпа въ память сего добродѣтельнаго *Тирана*.

Полагающъ, что эполтъ памятникъ, состоящій теперь изъ двухъ чепырестороннихъ эпажей, имѣлъ нѣкогда пирамидальный верхъ; высота зданія, въ нынѣшнемъ видѣ, состоиптъ изъ 24 футовъ (безъ спилобапа, который засыпанъ землею); первый эпажъ образованъ просто изъ большихъ песаныхъ камней; но вшорой, Ионическаго ордена, — имѣетъ по одной колоннѣ по угламъ. Сверхъ того, посреди каждой стѣны находится фальшивая дверь съуженная къ верху.

По свидѣтельству *Діодора* и *Полибія*, изъ множества надгробныхъ памятниковъ, находившихся въ семъ мѣстѣ, одна гробница *Терона* сохранилась, по взятіи Агригенпа Картагенцами подъ предводительствомъ Аннибала и Амилькара: Въ то время, какъ воины заняты были разрушеніемъ гробницъ, для того чшобы камнями оныхъ

---

(1) Озеровъ: Финг.

заваливъ рвы города, молнія ударила въ памятникъ Терона, и удержала суевѣрныхъ Карфагенцовъ отъ прикосновенія къ нему; ихъ страхъ усугубился, когда въслѣдъ за симъ моровое повѣтріе опустошило армію и похищило у нихъ Аннибала. Чтобы укротить гнѣвъ боговъ, Амилъваръ принесъ въ жертву Сатурну одного младенца и побросалъ въ море нѣсколько жрецовъ и жертвъ. (1)

Полибій назначаетъ мѣсто Тероновой гробницы почти тамъ же, гдѣ находится теперь помянутый памятникъ; но не смотря на многія правдоподобности, онъ служитъ *каменѣмъ преткновенія* для антикваріевъ. Нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ подлинность его, а другіе несогласны въ томъ; такъ, что иные называютъ сіе зданіе гробницею лошади; ибо извѣстно, что Агригентиане воздвигали симъ живописнымъ, равно какъ и пицамъ, (2) великолѣпные памятники. Чипая Полибія, который помѣщаетъ сію гробницу противу храма Геркулесова, можно признавать за ту самую, видимую нынѣ; но чипая Діодора, который описывая вышесказанное происшествіе, называетъ сей памятникъ *огромнымъ* (*molis opus*), тогда какъ оный весьма не великъ, — начинаются сомнѣнія.

Неподалеку отсюда видны остатки такъ называемаго *Эскулапова* храма. Стѣны онаго,

---

(1) Diod. Sic. l. XIII.

(2) Id. Lib. XIII.

украшенные прекрасными пиластрами, входяще
ныи въ составъ бѣдной хижины одного земле
дѣльца. Во храмѣ Эскулапа стояла статуя Апол
лона, работы Мирона, коего имя начертано было
на пьедесталѣ. Сими кончающае слѣды славнаго
Агриппы.

ГЛАВА VIII.

АГРИГЕНТЪ.

Agrigentini deliciis quotidie ita se dedunt, ac si crastino die morituri: domos vero ita exstruere, quasi aeternum victuri.

(*Emped. apud Diog. Laert. Lib. VIII.*)

Высокая гора, господствующая надъ пою, гдѣ построены нынѣ *Жирженти*, естъ та самая, гдѣ находился храмъ *Минервы* и *Юпитера Апабира*; сюда, при взятіи Агригенца Карфагенцами, собрались, по воззванію Геллія, нѣкоторые жители города и сожгли сіи зданія вмѣстѣ съ собою и съ богатствами своими. Частъ фундамента сихъ храмовъ, существуетъ. При выѣздѣ изъ города, къ Востоку, показываютъ нѣсколько камней отъ спѣнъ храма *Цереры* и *Прозерпины*, гдѣ праздновались: *анакалитеры* (обнаженіе или снятіе дѣвственнаго покрывала) — и *Θεογομίи* т. е. бракъ боговъ, или бракъ *Прозерпины*. (1)

Роскошь, сластолюбіе и гостепріимство древнихъ Агригенціанъ были извѣстны всему древнему міру. Знаменитый *Эпидоклъ*, ихъ гражданинъ, говаривалъ: „Агригенціане столь необузданно вдаются въ сладострастіе, что подумаешь будто

---

(1) Pind. Pyth. XII. Quasco te, ô splendida urbs, sedes Proserpinae in ripa Agragantis . . . .

„они готовятся умереть на другой день, — а со-
„зидаютъ дома съ такимъ великолѣпіемъ, какъ
„будто располагаются жить вѣчно.“ (1)

Діодоръ называетъ весьма справедливо, зем-
лю Агригенпа, одною изъ счастливейшихъ въ
мірѣ; нынѣ, какъ и при немъ, рощи маслинъ по-
крываютъ почти всю спрану. (2) Сему-то дере-
ву, Агригенпъ обязанъ былъ своимъ великолѣ-
піемъ и богатствомъ; — знаменѣйшая торговля его
съ Каррагеномъ состояла въ оливахъ, — и она-то
возвела его на ту степень роскоши, о коей намъ
говорятъ преданія:

Однажды, въ зимнее время, пять сотъ всад-
никовъ изъ Геллы, проѣзжали мимо Агригенпа;
Геллій, гражданинъ сего города, пригласилъ ихъ
всѣхъ въ свой домъ, и угостилъ ихъ съ необыкно-
венною пышностію, путь же подарилъ каждому
по одному плащю и по одной *тогѣ*.

Другой гражданинъ, по имени Анписеень,
празднуя свадьбу своей дочери, угощалъ жителей
на всѣхъ улицахъ; — между тѣмъ, 800 колесницъ
слѣдовали за новобрачною, окруженною сверхъ по-
го безчисленнымъ множествомъ всадниковъ, при-
глашенныхъ изъ окрестныхъ мѣстъ. Снабдя жер-
пвенники всѣхъ храмовъ и частныхъ домовъ аро-
матнымъ деревомъ и маспиками, онъ просилъ за-

---

(1) См. эпигравъ.

(2) Diod. Sic. I. XIII. 24.

жечь ихъ всѣ въ одно время, когда зажжется жертвенникъ ципадели; — все это было исполнено въ точности: — ночь переѣнилась въ ослѣпительный день, и новобрачная открыла шествіе при звукахъ радостной музыки и окруженная несмѣтной толпою. (1)

Еще одинъ примѣръ: во время осады Агригента Карфагенцами, подъ предводительствомъ Аннибала и Амилькара, — обнародовано было опъ высшихъ властей запрещеніе, чѣобы никто изъ гражданъ, очередующихся на спражѣ крѣпостныхъ спѣнъ, не имѣлъ при себѣ болѣе одного пуховика, одного покрывала, и двухъ подушекъ, (2) и это самое было сочтено за большую строгость. Не смотря однако на столь изнѣженные нравы, Агригентиане умѣли умирать со славою.

Основаніе Агригента скрывается въ баснословныхъ вѣкахъ. Дедалъ, убѣгая опъ гнѣва Миносова, спасся на искусственныхъ крыльяхъ, въ Сицилію, гдѣ царствовалъ тогда надъ Сиканами Кокалъ, въ городѣ Камикѣ, занимавшемъ самыя высшія скалы нынѣшняго *Жирженти*: (пуда ведетъ узкой путь изъ предмѣспія называемаго *Rabatto*). Сей хитрый художникъ, въ ознаменованіе своей благодарности за гостепріимство *Кокала*, укрѣпилъ его городъ и сдѣлалъ доступы къ оному столь прудными, что при или чепыре чловѣка

---

(1) Id.

(2) Id.

могли его оборонять. (1) Извѣстность Агригенпа начинается покло со 584-го до Р. Х., когда Аристонъ и Фиспилъ, удалившіеся изъ *Геллы*, поселились на развалинахъ *Калика*. Менѣе нежели въ одно столѣтіе, Агригенпъ сдѣлался вторымъ городомъ Сициліи, (послѣ могущественныхъ Сиракузъ), — и принялъ важное участіе въ войнахъ проптиву Кареагена.

Выпописанія Агригенпа, по несчастію, показываютъ намъ его почти всегда, подъ владычествомъ самыхъ гнуснѣйшихъ тирановъ, обременявшихъ когда-либо землю. Кому неизвѣстны грозныя имена *Фаларида*, *Оитія*, *Оразидея*? — Изъ желанія — польстить звѣрскимъ прихотямъ перваго, славный художникъ того времени, по имени Периллъ, изваялъ, какъ извѣстно, мѣднаго вола, въ раскаленную внутренность коего вкладывали живыхъ людей; ихъ стоны выражали мычаніе сего живописнаго; но Периллъ самъ сдѣлался первою и достойною жертвою пирана. Кареагенцы, при взятіи Агригенпа, перевезли сіе изваяніе въ свою столицу; но Сципionъ Африканскій, побѣдипель ихъ, возвратилъ опять эшошъ спрашный памятникъ городу. (2) Исторія сохранила намъ однако, одну черту добродѣтели Филарида и вмѣстѣ съ симъ блистательный примѣръ силы дружбы; — всѣ знаютъ о Дамонѣ и Пифѣѣ; но не многіе упоминаютъ про-

---

(1) Diod. Sic. Lib. IV.

(2) Cic. in Verr., Act. II. L. IV. с. XXXIII. По свидѣтельству *Амліана*, Фаларидъ изобрѣлъ родъ пожарной трубы, извергающей

Меналипа и Харипона: Меналипъ, гонимый Фаларидомъ, рѣшился его убить; онъ открылся въ томъ другу своему Харипону, который, видя непоколебимость его намѣренія и устрашенный опасностью, коей подвергался его другъ, сказалъ ему: „Я самъ давъ, но ищу способовъ исполнить предпринятое побойю; и такъ, не повѣрай тайны никому, и предоставь, мнѣ найми случай къ совершенію сего дѣла.“ Черезъ нѣсколько дней, Харипонъ, не предъуведомя друга, и пользуясь нѣкоторою удобностию, —бросился съ кинжаломъ въ рукахъ на Фаларида; но стража успѣла опклонишь ударъ, — и несчастный былъ заключенъ въ темницу. Фаларидъ велѣлъ его подвергнувъ пылкѣ, для открытія сообщниковъ; но никакія мученія не поколебали души Харипона. Меналипъ, увѣдомаясь о судьбѣ великодушнаго друга, предсталъ не медля къ Тирану и объявилъ ему всю истину. Фаларидъ, пораженный силою дружбы, простилъ обоихъ юношей съ тѣмъ, чтобъ они въ тотъ же день оставили Сицилію. (1)

Одно только имя добродѣтельнаго *Терона* улаживаетъ сердце, чистая исторія *Агригента*. Его царствованіе знаменито, и онъ былъ достоинъ лиры *Пиндара*, прославившей его.

пламя и горючія вещества на далекое пространство, для зажиганія кораблей и осадныхъ башенъ. (Vid. Faz. Lib. VI, p. 132.) Если вѣришь свидѣтельству *Аристотеля* и *Аппелъ*, сей злодѣй жарилъ юношей и пожралъ одного изъ своихъ дѣшей. (Athen. L. I)

(1) Aelian. L. II, c. IV.

Часть I.

Изъ рукъ Кароагенцевъ, Агригентъ подпалъ, въ 262 году до Р. Х., во владычество Римлянъ, въ слѣдъ за паденіемъ Сиракузъ. Въ позднѣйшія времена Сарацины и Норманы опустошили великолѣпные остатки его славы.

По свидѣтельствѣ Діогена Лаэртія, древній городъ раздѣлялся на пять частей; но справедливе, на четыре; ибо Діогенъ, изъ именъ: *Акрагасъ* и *Агригентъ*, (что значить одно и то же, съ тѣмъ только различіемъ, что одно есть слово Греческое, а другое Латинское), производилъ два наименованія; и пакъ, сїе части суть: *Калика*, *Агригентъ*, *Rupes Athenea*, т. е. *Аѳинская скала* и *Неаполисъ* или *новый городъ*.

Возвращаясь въ Жиржентъ, мы очень часто замѣчали въ садовыхъ оградахъ, кои состоятъ изъ грубо-сложенныхъ камней, — обломки капителей, карнизовъ, архиправовъ, — и каждая такая встрѣча пробуждала наше любопытство. Мы возвратились въ Жиржентъ по узкой и крутой дорогѣ, ведущей на высоты скалъ. Сей путь, называемый *Scala dei Franceschini*, весьма труденъ и живописенъ; онъ долженъ быть однимъ изъ древнихъ путей, сдѣланныхъ, какъ говорятъ, Дедаломъ.

Совѣтую не оставлять земли Агригента, не насладившись прелестнымъ видомъ съ террасъ монастыря Св. Николая, или, лучше сказать, загороднаго дома Аббата Панепіери, который весьма украсилъ сие мѣсто своего пребыванія. Опшуда

надобно видѣть, когда лучи заходящаго солнца озаряють пуспынные храмы Агригенпта и развалины, разсѣянные по хребтамъ холмовъ; опшуда надобно видѣть разнообразно освѣщенные чащи миндальныхъ, фиговыхъ и оливковыхъ роуцъ, надъ коими возвышаются нѣсколько пальмъ.... Такая картина никогда не изгладится изъ памяти. Съ великолѣпнаго зрѣлища оспалковъ древняго города, вы обращаете взоры на новый; сумерки одѣвають уже высокую гору, на которой онъ построены; дома сливаются въ одно цѣлое; но вскорѣ огни начинаютъ мелькать изъ оконъ, и весь амфипепатръ зданій представляетъ иллюминированную гору. Возшедшая луна одѣваетъ новыми красками картину — и пробуждаетъ новыя мысли.... Я просиживалъ по цѣлымъ часамъ на высотѣ монастырской шеррасы; — посреди ея находились большой бассейнъ, всегда наполненный свѣжею водою, которая проведена пуда изъ отдаленныхъ горъ. Это напоминаетъ роскошь Агригенптянъ. Жители Жиженпи часто нуждаются въ свѣжей водѣ и безпрестанно посылають цѣлые караваны, на ослахъ, навьюченныхъ сосудами, къ ближнему источнику, отстоящему на двѣ Ипаліянскія мили отъ крупныхъ высотъ города. Сіе лѣто, примѣрное по своему жару, изсушило многіе источники, и даже рѣка *Драго* едва спруилась. Богатый Аббатъ избавилъ себя отъ заботъ, сооруженіемъ сего прекраснаго бассейна. Онъ одинъ, я думаю, являетъ слѣды роскоши древнихъ жителей сихъ мѣстъ.

Въ его саду находится памятникъ, называемый, по преданію, гробницею или *часовнею Фаларида* (Oratorio di Fallari), по той причинѣ, что онъ служилъ долгое время часовнею для здѣшнихъ монаховъ; но остатки древнихъ фризозъ отъ храмовъ Агригента, хранящіеся въ семъ же саду, гораздо любопытнѣе. Рѣзба ихъ, удивляетъ и свидѣтельствуешь о совершенствѣ искусства того времени.

Вчера, запоздавъ на прогулкѣ, я забрелъ въ садъ Г. Аббата, — и нашелъ его, при свѣтѣ луны, сидящаго подъ одинокой пальмой и занятаго хозяйскими распоряженіями; онъ ласково меня принялъ, и мы познакомились съ нимъ на семъ же мѣстѣ, за буйною опличною вина отъ его виноградниковъ; но знакомство наше кончилось чрезъ нѣсколько часовъ; ибо я на другой день оставилъ эту страну.

Путешествуя по Сициліи, гдѣ почти совсѣмъ нѣтъ гостинницъ, легко можно записать рекомендабельными письмами въ различные монастыри, гдѣ васъ принимаютъ охотно; но подарки, которые необходимо слѣдуютъ за угощеніемъ, слишкомъ раззоряютъ; а церемоніи съ хозяевами слишкомъ беспокоятъ.

Послѣдняя прогулка моя по развалинамъ Агригента, принесла мнѣ особенное удовольствіе: бродя вдоль древнихъ стѣнъ, и съѣвъ отъ усталости на

одинъ большой опломокъ опъ оныхъ, глаза мои нечаянно успремились въ глубокую прещину, гдѣ, къ крайнему моему удивленію, нашелъ я древнюю мѣдную монету. Я былъ обрадованъ какъ ребенокъ, и поржеспвенно повезъ съ собою сей кусокъ мѣди, лежавшій столько столѣтій въ забвеніи и прахѣ. Товарищъ мой, бывшій свидѣтелемъ сего случая, не могъ утѣшиться, что подобное счастье не случилось съ нимъ, — и опъ его желанія найпи что-нибудь, мы скипались нѣсколько лишнихъ часовъ по развалинамъ. — Тутъ мы посѣпили каменоломни и погребальныя пещеры, достойныя любопытства; онѣ находятся подъ стѣнами: иныя весьма обширны, имѣютъ круглыя своды и поддержаны нарочно оспавленными каменными подпорами; во многихъ пещерахъ находятся разныхъ величинъ ниши для гробовъ и урнъ, подобныя тѣмъ, которыя находятся въ гордскихъ стѣнахъ. Сверхъ того, мы видѣли много подземныхъ галлерей, ведущихъ на дальнее пространство, въ глубокомъ мракѣ. Каменоломни и подземелья существуютъ также подъ скалами Жирженпи, но входъ туда, говорятъ, опасенъ. Народъ полагаетъ, что въ нихъ обитаютъ *элье души*. Достойно также вниманія множество морскихъ раковинъ, видимыхъ здѣсь въ природномъ составѣ скалъ; раковины сіи весьма разнообразны и расположены горизонтальными слоями; онѣ свидѣтельсвуютъ о перемѣнахъ, происходившихъ на земномъ шарѣ.

Г Л А В А IX.

Дорога изъ Агригента по юго-западному берегу. — Монте - Аперто. — Сиккульяна. — Шьяка.

Nè, fuor che 'l lito, vede cosa alcuna . . .
E di lontano le gonfiate vele
Vide suggir . . .

(*Ariosto: Orл. X. 22 — 23.*)

Упренный туманъ покрывалъ еще землю, когда мы спускались съ крупныхъ скалъ Жирженни. Я привѣтствовалъ прощальнымъ взоромъ скрывавшіеся за горами великолѣпные оспатки гостепріимнаго Агригента:

Hospitibus sancti portus, sine labe malorum. (1)

Солнце вставало . . . мы вѣзжали на пропавшоложныя высоты; туманъ, скрывавшій предметы, быспро поднялся и открылъ веселый ландшафтъ: — море, горящее румянымъ свѣтомъ зари, холмистый берегъ, на немъ красивый городокъ Монте Аперто, а правѣе — маякъ.

---

(1) Emped. apud Diod. Sic. L. XIII.

Монте Аперто весьма замѣчательнѣе тѣмъ, что почти всѣ жилили онаго, коихъ считаютъ болѣе тысячи, состоятъ изъ преступниковъ, бѣглыхъ, должниковъ, — казенныхъ и частныхъ, — и женщинъ дурнаго поведенія; всѣ они, пользуясь особымъ правомъ сего города, утвержденнымъ самимъ правительствомъ, имѣютъ здѣсь безопасное убѣжище, но строго надзираемы полиціею. Всего примѣчательнѣе то, что они, болѣею частію, совершенно исправляются, ведутъ жизнь тихую и нравственную; вступаютъ въ бракъ и воспитываютъ въ благонравіи дѣтей. Это упѣшаетъ человѣческое сердце!

Предстоящій намъ путь велъ чрезъ дикія скалы, и солнце, пекущее во всемъ блескѣ по лазури неба на коемъ не видно было ни малѣйшаго облачка, обѣщало намъ Ливійскій зной. Здѣсь вожакъ спросилъ насъ, хотимъ ли мы видѣть *разбойничій дворецъ* (*un palazzo de' briganti*)? — „Охотно, сказалъ я, только съ тѣмъ, чтобъ онъ былъ необитаемъ;“ — онъ засмѣялся и повелъ насъ сквозь едва проходимыя ущелья скалъ, изъ щели коихъ изрѣдка вырывались уродливыя маслины и кусты алоэ, заграждающіе путь; наконецъ мы достигли желаемаго мѣста; — но какъ мы удивились, когда намъ открылось выдѣланное въ скалахъ кругловатое поприще съ рядами оконъ въ два этажа! Окна сіи украшены карнизами простой работы. Множество ладенцевъ, привлеченныхъ зноемъ, который начиналъ уже быть силенъ, вы-

бѣгало ежеминутно изъ разсѣлинъ; мы хотѣли опдохнуть въ одной изъ пещеръ, но шипящая змѣя удержала насъ. Трудно опредѣлить назначеніе сего спранныго зданія, которое по *стилю* своему принадлежишь, безъ сомнѣнія, опдаленнымъ вѣкамъ; — нынѣ называютъ это мѣсто *Cava dei Rampenati*, (1) не смотря, что нашъ вожакий даетъ ему наименованіе жилища разбойниковъ, хотя весьма вѣроятно, что шайки оныхъ, наводнявшія Сицилію подъ предводительствомъ апамановъ, каковъ былъ Ринальдино и другіе, коихъ имена сдѣлались извѣстными Европѣ, употребляли въ пользу таковыя убѣжища. Одинъ новѣйшій путешественникъ полагаетъ, что это слѣды такъ называемыхъ *Троглодитовъ*; но трудно на это согласиться, ибо настоящіе жилища сихъ первыхъ населенцевъ Сициліи, находящіеся въ долинѣ *Испикъ*, (въ *Валь ди Ното*), (2) принадлежатъ гораздо опдаленнѣйшей древности, которая доказывается ихъ грубымъ образованіемъ, межъ тѣмъ какъ здѣсь видны уже нѣкоторые слѣды искусства. Въ бытность мою въ Палермѣ, мнѣ сказывали, что неподалеку опшуда за мысомъ *Галло* (*Capo di Gallo*) живутъ нѣсколько сѣмей въ береговыхъ пещерахъ, съ весьма давняго времени, такъ, что полагаютъ ихъ за настоящую опрасль помянутыхъ Троглодитовъ.

---

(1) Т. е. погребъ для бочекъ.

(2) См. Гл. XXV. сего путешествія и I гл. введенія, стр. 3 — 4.

Возвратясь на дорогу въ *Сикуліану*, мы видѣли, какъ извлекали груды сѣры изъ горныхъ пещеръ. Главная сѣрная руда, приносящая значительный доходъ Правительству, находится не много подалѣ, близъ мѣстечка *Католика*, — и достойна вниманія Геолога. Нѣдра сей страны напичканы горючими веществами. Не смотря на опаленную повсюду праву, здѣсь виноградныя лозы успиваютъ раскаленные ребра горъ и сходящъ къ морю. Спустиась къ берегу, открывается городъ *Сикуліана*, построенный амфитеатромъ на скалѣ, между двухъ другихъ пирамидальной формы скалъ, служащихъ ему, какъ бы нарочно, боковыми декораціями. Здѣсь процвѣталъ нѣкогда городъ *Каникѣ*, столица древнихъ *Сикановѣ*; близъ сего мѣстечка протекаетъ небольшая рѣчка, называемая понынѣ (хотя совершенно въ другомъ значеніи) *fiume de' canni*. Нѣкоторые Писатели не признаютъ здѣсь существованія древняго *Каника*; но самое наименованіе *Сикуліаны* не есть новое; оно происходитъ отъ имени первобытныхъ *Сикуловѣ*, кои замѣнивъ *Сикановѣ*, — весьма правдоподобно, переименовали названіе *Каника* на *Сикуліану*. Городъ сей есть мѣсто ссылки невольниковъ, и заключаетъ 4,550 жителей.

Отсюда ѣхали мы прудными спезями по ребрамъ горъ, образованныхъ изъ гипса и мрамора. Жаръ былъ несносенъ, и спѣсны скалъ производили дѣйствіе раскаленныхъ печей; соломенные шляпы

наши съ широкими полями, приносили намъ большую пользу въ семъ случаѣ. Караваны ословъ и лошаковъ, навьюченныхъ большими кусками сѣры, безпрестанно намъ попадались и заграждали единственные пропинки. Въ Сициліи дороги почти не сущесwвуютъ; часомъ не видно даже слезей, и путешественникъ можетъ имѣть нужду въ компасѣ!! Въ древности, Сицилійскіе пути были знамениты и, какъ я ужѣ имѣлъ случай сказать — служили образцомъ для Римскихъ. *Записки Антонина* (1) упоминаютъ о многихъ Сицилійскихъ путяхъ; но главнѣйшими изъ нихъ были слѣдующіе при: Путь *Валоріевъ*, проходившій чрезъ всю Сицилію отъ Лилибея до *Мессины*; путь *Гелорійскій*, отъ Гелоруса (нынѣ устье рѣки *Абиссо*) до Сиракузъ, и путь *Мегарійскій* — отъ Сиракузъ до Мегары или Гиблы (нынѣ окрестности мѣстечка *Авола*). Кажется, что Неаполитанское Правительсwво рѣшается наконецъ заняться дорогами Сициліи, по проэкту Г-на Вельца. (2)

Единственный экипажъ для путешествія по Сициліи, есть родъ крытыхъ носилокъ, называемыхъ *летига* (*letiga*); вмѣсто людей, несутъ ихъ лошаки, одинъ или два спереди и одинъ сзади. Послѣдній долженъ быть весьма привыченъ; ибо кузовъ летиги, находящійся у него передъ глазами,

---

(1) Vid. Itinerarium. Antonini Augusti.

(2) См. Welz. Saggio su i mezzi da moltiplicare prontamente le ricchezze della Sicilia. Parigi. 1822. in 4.

закрывается опъ него дорогу. Внутренность сего экипажа похожа на — такъ называемый: *vis á vis*; тамъ могутъ сидѣть только двое, одинъ пропивъ другаго. Образъ *Мадонны*, предъ коимъ иногда теплился лампада, написанъ позади кузова; — и нѣсколько десятковъ бубновъ далеко возвѣщають шествіе сей процессіи. Нѣсколько уже лепитъ попадалось намъ въ горахъ. Нѣкоторые изъ путешествующихъ охраняемы были *Кампьерами* (1) или *Внутренней стражею*; они вооружены пистолетами и кинжалами, и сверхъ того имѣютъ по одному карабину, который упрчаеся прикладомъ въ спремя. Одѣжда ихъ состоить въ синей курткѣ съ краснымъ воротникомъ, а на головѣ круглая шляпа, иногда съ перомъ. Сицилійскіе дворяне пользуются сими конвоями болѣе для пышности, чѣмъ для охраненія себя отъ разбойниковъ, кои почти совсѣмъ перевелись.

Въ большой усталости достигли мы селенія *Монте-Алегро*, окруженнаго рощами апельсиновыхъ деревьевъ, радующихъ взоръ послѣ знойныхъ дебрей. Селеніе расположено подъ высокою скалою, на верху коей было оно прежде поспроено; недоспапокъ въ водѣ принудилъ жителей переселиться отсюда и предпочесть долину, ландшафтному виду перваго мѣста, гдѣ стоятъ еще недавнія развалины. Подкрѣпивъ силы свои фруктами и виномъ, мы снова, по отдохновеніи, углубились въ

---

(1) *Campieri*

дикія и безплодныя горы; но вскорѣ намъ открылась обширная долина, окруженная холмами; посреди ея извивался въ глубоко-изрыпыхъ берегахъ древній *Галикусъ* или *Ликусъ*, нынѣ *Платани*; при устьѣ сей рѣки, на лѣвомъ берегу, процвѣтала *Гераклея*. Слѣдуя *Діодору*, городъ сей основанъ былъ *Миномъ*, приплывшимъ сюда для войны пропиву *Кокала*, у котораго скрывался *Дедалъ*. Другое имя сего города, и — по мнѣнію иныхъ, самое первое, есть: *Махаръ*; но въ послѣдствіи времени *Дарій*, попомокъ *Иракла*, далъ оному, въ честь своего предка, имя *Ираклеи*. Нѣсколько большихъ квадрапныхъ камней едва являютъ кой-гдѣ слѣды его. *Гераклея* существовала еще въ бытность *Цицерона* въ *Сициліи*. Плоскіе холмы склоняющіеся къ *Африканскому* морю, по той сторонѣ рѣки, — украшены были храмами, коихъ обломки и нѣсколько водопроводовъ видны были во времена *Фацелло*. (1) Проспранство моря, между рѣкою *Сикуліаною* и *Гераклеєю*, устьяно подводными скалами. Онѣ причинили гибель *Римскаго* флота, состоявшаго изъ 280 судовъ, во время первой *Пунической* войны.

Отсюда путь нашъ слѣдовалъ вдоль песчаныхъ береговъ *Африканскаго* моря. Жаръ былъ почти неносенъ; свѣжесть и прелестная лазурь волнъ, расплавившихся по песку, склонила меня къ купанью; оно дало мнѣ новыя силы для перене-

---

(1) Faz. L. VI, p. 141.

сенія жара и долгаго еще путя до города *Шьяки*. Мы скоро опять вѣхали въ ущелья горъ, — и послѣ трудной ѣзды, достигли подошвы огромной скалы, называемой въ древности: *Кроніонъ* (гора Самурнова), нынѣ *Св. Калогера*, по имени пустынника, жившаго на ней. Тамъ находятся понынѣ, не потерявшія своихъ цѣлебныхъ свойствъ, минеральныя воды, извѣстныя въ древности подъ именемъ *Thermae Selinuntinorum*, (бани Селимонтянъ), такъ названныя по близости знаменитаго города сего имени. Діодоръ (1) повѣствуетъ, что Дедалъ изобрѣлъ и соорудилъ сіи бани; вотъ его слова: „Дедалъ изсѣкъ въ нѣдрахъ скалы, въ окрестностяхъ Селимонты, пещеру, гдѣ онъ съ такимъ искусствомъ воспользовался испареніемъ подземнаго огня, что больные, входящіе туда, мало по-малу ощущали пріятный потъ и нечувствительно излѣчивались, не будучи даже обезпокоены большимъ жаромъ.“ Это самое существуетъ и по нынѣ. Термы сіи имѣютъ многія отдѣленія, изъ коихъ два довольно пространны: первое служило для мужчинъ, а другое для женщинъ; въ одной изъ пещеръ, придѣлана къ стѣнѣ каменная скамья, на кошорую садятся больные для принятія испареній; возлѣ нея была на стѣнѣ Греческая надпись, но вѣка изгладили оную. Въ иныхъ мѣстахъ жаръ захватывается дыханіе, а подземныя вѣтры и испаренія производятъ глухой шумъ. На верху горы текутъ чепыре цѣлебные источника; всѣ чепыре

---

(1) Іѣв. IV, с. XXXI — XXXII.

горячіе; одинъ изъ нихъ имѣетъ въ себѣ болѣе 45 град. Реомюрова пермометра теплоты. Въ сихъ самыхъ *термахъ*, по свидѣтельству того же историка, погибъ Миносъ, Царь Критскій, который, завлеченъ будучи туда приглашеніемъ Кокала, для пользованія банею, былъ задушенъ.

Сквозь оливковыя рощи, распуція подъ горою, приближались мы къ крупнымъ высотамъ *Шьяки*, — и послѣ всѣхъ понесенныхъ нами трудовъ, попали въ такъ называемый *трактиръ* сего города, споль неопрятный и безпокойный, чпо мы нѣсколько разъ рѣшались бѣжать изъ него.—Городъ, самъ по себѣ, красивъ, особенно по мѣстоположенію; зданія восходятъ уступами по крупной скалѣ, а впереди необозримое море... Это опечесство грознаго и знаменитаго *Агаѳокла*, пирана Сицилійскаго, который, спѣсненнй въ Сиракузахъ Карѳагенцами и доведенный до отчаянія, рѣшился внезапно на самое отважнѣйшее предпріятіе въ Исторіи: — онъ оставилъ непріятелей передъ стѣнами своей столицы, а самъ, съ большою частію арміи переплылъ въ Карѳагенъ; самъ сжегъ флотъ свой, спунивъ на землю Африки, для того, чпобъ войско его надѣялось на одну побѣду, — и наконецъ разбилъ Карѳагенскую армію въ виду ихъ столицы; — извѣстіе о семъ распространило ужасъ въ войскѣ Карѳагенскомъ, осаждавшемъ Сиракузы; оно также было разбито, потерявъ своего полководца, Амилькара. Сей знаменитый примѣръ Агаѳокла былъ однажды по-

слѣдованъ Римлянами. Но злодѣянiя сего пирана запмѣваютъ всю его воинскую славу. Извѣстно, что онъ былъ сынъ горшечника, переселившагося изъ Регіума въ Шьяку; онъ не забывалъ однако своего происхожденiя, будучи Царемъ; и довольно странно, что вельможи, желавшіе польстить ему, употребляли для питья глиняные сосуды! Замѣчательно, что до нынѣ главная торговля Шьяки состоитъ въ глиняныхъ сосудахъ, которые выпавлены на всѣхъ улицахъ; они образованы совершенно по формѣ древнихъ *амфоръ*, — и имѣютъ свойство содержать въ свѣжести всѣ жидкости. Жители Шьяки гордятся болѣе Историкомъ Фацелло, здѣсь родившимся, чѣмъ Агаокломъ.

Окрестность изобилуетъ пшпашными орѣшниками; они раздѣляются на мужескій и женскій родъ, и не иначе даютъ плодъ, какъ произрастая вмѣстѣ. — *Шьяка* имѣетъ около 12,000 жителей. (1) Мы видѣли здѣсь одну церковь весьма хорошей Маврской архитектуры; но всего замѣчательнѣе здѣшніе хлѣбные магазины: они находятся на берегу моря, во внутренности скалы, на коей построены городъ, — и студа спускаются какъ въ колодезь. Не лзя также оставить безъ вниманiя живописныхъ развалинъ двухъ замковъ, стоящихъ на главной высотѣ города, одинъ противъ другаго. Они обитаемы были въ XV вѣкѣ (во время Ис-

---

(1) Она можетъ назваться вѣрнымъ пунктомъ, по удобности, представляемому ею для обороны. Старыя укрѣпленiя и мало-значущи и въ упадкѣ.

панскаго владычества) двумя жестокими соперниками, Баронами Пералто и Люни; по были два знаменитые юноши окрестной страны — и оба, искали руки прелестной и не менее их знаменитой дѣвушки. Послѣдній былъ предпочтенъ, и съ того времени ужасная вражда возгорѣлась между ими; вражда сія была такъ сильна, что даже дѣти ихъ не забыли ее и не преслаивали мстить другъ другу. Окрестности Шьяки и даже соседнія владѣнія служили поприщемъ ихъ неупокойной злобы; нѣсколько сотъ воиновъ погибли въ сихъ распряхъ; наконецъ оба дома пали отъ руки Правительства, воспользовавшагося ихъ кровавыми спорами. Сіи развалины день ото дня разрушаются временемъ; зубцы стѣнъ устилаются покатостъ скалы; плещъ и пучины Индѣйскія фиги расступъ по мшистымъ стѣнамъ башенъ, и груды камней наполняютъ внутренность. Вотъ богатый предметъ для романпика! Онъ не ускользнулъ бы, вѣроятно, отъ пера Вальпера Скоппа, если бы онъ посѣтилъ сей берегъ. Сколько удобностей представила бы здѣсь его воображенію одна мѣстность: дикія скалы, пещеры, находящіяся подъ ними, изгибистые берега Африканскаго моря, соседство Африки, корсары и проч.! — Мы провели здѣсь ночь.

Дорога изъ Шьяки была для насъ гораздо покойнѣе вчерашней. Проѣхавъ нѣсколько миль песчанымъ берегомъ вдоль горныхъ подошвъ, мы поднялись на красивый мысъ *Св. Марка*; на его

луговой плоскости открылись намъ поля, покрытыя виноградомъ, розмаринами, алоэ, лаврами и маслинами; между сихъ рощей и кустовъ разбѣяны весьма опрятныя сельскіе дома. Здѣсь кончаются горы, и взоръ обрадованъ видомъ долинъ, холмовъ и луговаго приморскаго берега. Селенія и толпы проходящихъ начинаютъ развлекать, привыкшаго къ уединенію, путешественника.

Доспигнувъ рѣки *Белиги*, намъ преградили путь по деревянному мосту, два старые спража, требуя платы за переправу. *Белиги* называлась въ древности *Иуса*; она выпекаетъ изъ окрестностей Палермы, около мѣстечка *Piana delli Greci* (*Пяна делли Греги*); неподалеку отъ *Касальбьянко* она сливается съ небольшою рѣчкою, — и сія то часть ея, отъ истока до сего соединенія, называлась древними *Крилисѣ*, (1) па самая рѣка, на берегахъ коей великій Тимолеонъ, съ 6,000 Сиракузянъ, одержалъ блистательную побѣду надъ 70,000 Карфагенцевъ, подъ предводительствомъ Амилькара и Аздрубала: битва происходила во время непогоды, которая спремилась на-встрѣчу Карфагенцамъ. (2)

---

(1) Vid. Cluv. Sic. ant. p. 269.

(2) Plut. in Timol. — Diod. Sic. lib. XVI.

Г Л А В А X.

СЕЛИПОНТЪ. — МАЦЦАРА.

. . . . . i segni

Dell'alte sue ruine il lido serba.

Muoiono le città, muoiono i regni:

Copre i fasti, e le pompe arena ed erba:

E l'uom d'esser mortal par che si sdegni!..

(Tasso. XV, 20.)

Проѣхавъ древнюю рѣку *Ипсу*, (нынѣ *Белиги*) вскорѣ открываются печальныя развалины бывшаго *Селипонта*, нагроможденныя на берегу Африканскаго моря. Я никогда не забуду впечатлѣнїя, произведеннаго надо мною симъ великимъ разрушеніемъ! Воображеніе самое холодное воспламенился воспоргомъ удивленія къ славѣ Древнихъ; разумъ самый гордый смирился, видя просперпыми въ прахѣ сіи исполинскія груды, копорыя, въ самомъ разрушеніи своемъ, кажутся еще вѣковѣчными. Я видѣлъ всѣ великолѣпныя памятники Римлянъ, но ни одинъ изъ нихъ не попрысалъ такъ сильно моихъ чувствъ, какъ развалины пустыннаго *Селипонта*! Три ужасныя груды камней суть ошпшки прехъ храмовъ; нѣсколько обломанныхъ колоннъ возносятъ еще обезображенные верхи свои изъ развалинъ. Вотъ слѣды Аннибала, они не изгладились въ двадцать два столѣтія и дол-

го еще будупть напоминать Сициліи сіе страшное для нея имя. На пупи его:

Поля и грады стали гробы! (1)

Селинонтъ славенъ въ Испоріи первой Пунической войны. Послѣ взятія и ужаснаго опустошенія онаго Картегенцами, Гермокрапъ Сиракузскій возстановилъ сей злополучный городъ; но чрезъ сіе паденіе его было только что замедлено. Уже во время Августа, Страбонъ помѣстилъ его въ числѣ городовъ необитаемыхъ болѣе! (2)

Первый, ближайшій храмъ, представляешъ одну только стоящую колонну, окруженную со всѣхъ сторонъ неимоверной величины обломками пьедесталей, капителей, архиправовъ, карнизовъ и колоннъ Дорическаго ордена. Въ особенности пьедесталы и капители поражаютъ взоръ своею огромностью. Одна изъ сихъ послѣднихъ, лежащая на восточномъ углу, вся сохранилась и имѣетъ около 12 футовъ въ поперечникъ; она принадлежала одной изъ колоннъ портика. Полагаютъ, что храмъ сей окруженъ былъ двойными рядами колоннъ; но что въ преддверіи было чепыре ряда. Замѣчательно, что только угловыя колонны — *рѣзныя*, а всѣ прочія — *гладкія*. Сверхъ того, посреди развалинъ, гдѣ находилось святилище, видны другія колонны гораздо меньшей пропорціи, изъ цѣльныхъ кусковъ въ $3\frac{1}{2}$ футовъ въ попереч-

---

(1) Державинъ.

(2) Strab. Lib. VI.

никъ и 14 ф. въ вышину. Длину храма опредѣляютъ въ 315 ф.; а ширину въ $148\frac{1}{2}$ ф. Число колоннъ: по 8 въ фасахъ и по 16 въ бокахъ.

Храмъ сей посвященъ былъ Юпитеру. Глядя на необычайныя развалины его, нельзя не спросить: какъ небольшая республика Селинонтянъ могла сооружать такія зданія? Какая механика двигала такія громады? Храмы Сициліи принадлежатъ первоначальнымъ вѣкамъ Зодчествя; опличительныя черты ихъ — изящная огромность и высокая простота; главныя украшенія — превосходныя статуи боговъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ оппуда находится второй храмъ, болѣе всѣхъ сохранившійся. Тамъ всѣ предстали 36-ти рѣзныхъ колоннъ, съ частію оныхъ, болѣе или менѣе возвышенныя, означаютъ еще всѣ чепыре спороны великолѣпнаго храма (1). Третій подобенъ видомъ первому; тѣ же груды развалинъ и то же великолѣпіе! Сей послѣдній уступаетъ величиной первому. (2) Длина его простирается на 224 футовъ; а ширина на 76 ф. Глубокій оврагъ, чрезвычайно обильный живописными куспами алоэ, отдѣляетъ съ западной спороны мѣстоположеніе сихъ храмовъ отъ высокаго приморскаго холма; на немъ находилъ пеперъ спо-

---

(1) Длина его 182 ф., ширина 75; фасаы имѣютъ по 6 колоннъ, а бока по 13. Діаметръ оныхъ по 5 ф. $6\frac{1}{2}$ д.

(2) Число колоннъ: по 6 въ фасахъ и по 16 въ бокахъ; діаметръ оныхъ 6 ф. и 6 д.

рожевая башня новѣйшихъ временъ, — и тамъ, какъ говорящъ, построена была главная часть города. Весь сей холмъ усѣянъ, въ спрашномъ безпорядкѣ, камнями большаго размѣра, межъ коими замѣсны основанія прехъ другихъ храмовъ; развалины еи заросли непроницаемыми кустами розмариновъ, Индѣйскихъ фингъ и алоэ. Поднявшись шуда изъ оврага, видны основанія городскихъ воротъ, а спускаясь къ морю — ошати крыльца, которое вело изъ города къ приспани. Во время отлива и въ тихую погоду обозначаются въ водѣ нѣсколько обломковъ береговыхъ столповъ съ придѣланными къ нимъ желѣзными кольцами, для прикрѣпленія кораблей ...

Всѣ еи развалины сохраняютъ необыкновенное величїе; глядя на нихъ, задумчивость неприѣмнѣно овладѣваетъ разумомъ ... Я провелъ цѣлый день въ семъ забвенномъ мѣстѣ, и сидя на поверженныхъ столпахъ великолѣпія Селинонта, прочелъ преданіа Діодора о горестномъ паденіи сего города. — Описавъ опчаянную защиту Селинонтянъ, Историкъ такъ повѣстствуетъ: „городъ уже „находился почти совсѣмъ во власни непріятеля . . . тогда поднялись ужасный вопль посреди Грековъ — и не менѣе ужасные клики побѣды и радости изъ среды варваровъ. Первые, „находясь уже безъ защиты, видѣли токмо одну „смерть передъ собою; а побѣдители, содѣлавшись „свирѣпѣе ошъ успѣха, дышали убійствомъ! Несчастные Селинонтяне, собравшись на площадяхъ,

„хотѣли пропивуставити еще нѣкоторую защи-
„ту, — и всѣ были умерщвлены. Въ слѣдъ за симъ,
„Карѳагенцы разсыпались по городу и входя въ дома,
„похищали всѣ сокровища и убивали встрѣчающих-
„ся имъ; — возвращаясь опять на спогны, безжало-
„стно предавали всѣхъ смерти, не различая ни рода,
„ни пола, ни лѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по звѣрско-
„му обычаю своей страны, отсѣкали конечныя
„части непріятельскихъ тѣлъ и навѣшивали
„нѣсколько рукъ и ногъ вокругъ своихъ поя-
„совъ; другіе же, носили на копьяхъ головы. Они
„запретили однако убивать тѣхъ женъ и дѣтей,
„кои укрывались въ храмахъ боговъ; но сіе исклю-
„ченіе происходило не отъ чувства состраданія,
„или набожности, а отъ боязни, чѣмъ жены,
„поперявъ надежду спасти себя въ храмахъ, не
„предали бы ихъ пламени вмѣстѣ съ собою и съ
„сокровищами своими. Съ наступленіемъ вечера,
„весь городъ былъ уже расхищенъ, зданія сожжены
„и низпровержены, а земля покрыта кровію и тру-
„пами, коихъ найдено болѣе шестнадцати тысячъ;
„а пять тысячъ жителей поведены въ неволю.
„Греки, находившіеся въ Карѳагенскомъ войскѣ,
„были глубоко пронуты симъ зрѣлищемъ; жены,
„разлученныя съ супругами и родными, осыпанныя
„ругательствами, ежеминутно опасались большихъ
„несчастій. Нѣкоторые изъ матерей видѣли по-
„хищеніе своихъ дочерей . . . Варвары, неразлича-
„ющіе ни пола, ни свободныхъ гражданъ отъ не-
„вольниковъ, давали имъ угадывать судьбу, ожи-
„дающую ихъ въ плѣну; дикія лица и звѣрскій

„голосъ сихъ воиновъ заставляли ихъ препешать. „Матери заранѣе оплакивали дѣтей своихъ: онѣ „предчувствовали по насоящимъ оскорбленіямъ, — „тѣ, кои ожидали ихъ въ Ливіи — и погружались „въ опчаяніе, коего причины ежеминутно возо- „бновлялись. Они завидовали опцамъ, супругамъ „и дѣтямъ, падшимъ за отечество, не испытавъ „перпимыхъ ими униженій!“

Полная луна тихо выплывала изъ безднъ Ливійскаго моря, когда я кончилъ сіе чпеніе; кровавый цвѣтъ ея опсвѣчивался уже на обьятыхъ тонкими сумерками колоннахъ, когда, полный грустной задумчивости, я поднялъ взоры на картину опустошенія; — сіи бѣлыя, встающія изъ развалинъ колонны, — какъ тѣни, встающія изъ гробовъ, — безмолвные свидѣтели сихъ ужасовъ, — подтверждали мнѣ спрашную истину Исторіи.

Привязанность Селинонтянъ къ храмамъ своихъ боговъ была такъ велика, что многіе изъ нихъ спасшіеся отъ меча Карфагенцевъ, не хотѣли возвратиться на родину, зная, что храмы ихъ разрушены. Селинонтъ въ послѣдствіи возобновился; но оптощенная республика не могла уже поднятъ изъ праха сихъ памятниковъ своего величія.

Мы провели ночь въ единственномъ домѣ, находящемся въ сей пустынѣ; въ немъ живутъ два или три паслуха, а дворъ его служить для загону стадъ, кои находятъ роскошныя пастбища въ сей странѣ забвенія. — Безмолвіе нару-

шаеися здѣсь только порывами вѣтра и шумомъ морскихъ волнъ. Наружность нашихъ хозяевъ не много общала; припомъ, будучи часто предостерегаемы проптиву Сицилійскихъ разбойниковъ, мы провели ночь съ заряженными пистолетами; но мы оспались весьма покойны — и жаръ, копорый былъ довольно силенъ даже и ночью, былъ нашимъ единственныиъ непріятелемъ!

Я долженъ сказать къ чести Сициліи, что объѣхавъ почти весь сей оспровъ, я ни одного разу не былъ подверженъ нѣмъ опасностямъ, коими безпрестанно бываеиъ угрожаеиъ путешествующій въ Неапольскихъ владѣніяхъ отъ разбойниковъ, наполняющихъ сію прекрасную спрану. Но было время, что за 10 или 15 унцій (1) можно было въ любомъ городѣ Сициліи подкупить убійцу для умерщвленія своего непріятеля! Изъ здѣшнихъ разбойниковъ многіе отличались рѣдкимъ великодушіемъ (если можно приписываиъ сіе качество такимъ людямъ). Миѣ рассказывали удивительныя черпы ихъ снисхожденія къ неимущимъ, копорымъ они даже часпо помогали.

Заря румянила гладкую поверхность моря, на коемъ бѣлѣло нѣсколько парусовъ, направленныхъ къ берегамъ Африки, когда мы удалялись отъ великихъ развалинъ Селинонпа; глаза мои невольно обращались на нихъ, доколь я могъ ихъ

---

(1) 120 или 180 нашихъ рублѣй.

видѣть. Разставшись съ ними, я занялся природою; яркіе цвѣты разгорающейся зари прельщали меня; я удивлялся непрестанной ясности Сицилійскаго неба, по коему, со времени моего прибытія на сей островъ, не пролепала ни одна туча.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, близъ мѣстечка *Кампобелло*, остановили наше вниманіе *каменоломни*, изъ коихъ Селинонтяне извлекали матеріалы на поспроеніе своихъ зданій; тамъ видны до сей поры нѣсколько основаній описанныхъ колоннъ, но прилѣпленныхъ еще къ каменному слою земли и столь же исполинскихъ пропорцій какъ и вышеописанныя. (1) Механика нашихъ временъ можетъ запрудниться подобными тяжестями. Многія изъ сихъ колоннъ просверлены во всю длину, а другія имѣютъ чепверостороннія дыры, для связи при поспроеніи, или для перемѣщенія оныхъ.

Мы направились самымъ прямымъ путемъ въ *Маццару*, оставя въ сторонѣ городъ *Кастель-Ветрано*, мало-любопытный для того, кпо не увѣренъ въ гадательномъ предположеніи, кпо онъ занимаетъ землю древней *Эптеллы* (поспроенной, какъ увѣряютъ, *Эпелломъ*, другомъ *Энея*) и кпо не желаетъ пить, на самомъ мѣстѣ его происхожденія, извѣстное въ Италіи вино, носящее имя сего города. Чпо принадлежитъ до сего вина, то насъ снабдили онымъ Селинонтскіе паспухи; и такъ мы проѣхали въ виду *Кастель-Ветрано* по прекрасному

---

(1) Инокпоры имѣютъ по 10 ф. въ діаметрѣ.

шоссе, которое было начато во время пребыванія Короля въ Сициліи и вскорѣ оставлено ...

Луговые равнины, покрышыя кустами миртовъ и розмариновъ, рощами маслинъ и богатыми виноградниками, довели насъ до *Маццары*, сохранившей древнее свое имя. Возлѣ нея былъ портъ рынокъ *Селинонта* (*Emporium Selinontinorum*), коимъ овладѣлъ Аннибалъ предъ взятіемъ самаго Селинонта. Маццара красиво выстроена; въ ней нѣтъ другихъ памятниковъ древности, кромѣ нѣсколькихъ гробницъ и надписей. Арабы возобновили ее въ IX столѣтіи. Городъ сей былъ въ послѣдствіи мѣстопробываніемъ Графа Рогера, сына Танкредова. Соборъ въ Маццарѣ построенъ симъ героемъ, по разбитіи Сарациновъ, и въ слѣдствіе священнаго обѣта, имъ произнесеннаго. Тамъ хранятся барельефъ, изображающій битву его съ Сарациномъ и нѣсколько другихъ древнихъ барельефовъ, на одномъ изъ коихъ я замѣтилъ бой Амазонокъ и похищеніе Прозерпины. Проѣзжая городъ во время обѣдень, мы зашли въ сей соборъ, гдѣ видѣли строгое богомоліе жителей, и нѣсколько прелестныхъ женскихъ лицъ, проглядывавшихъ изъ-подъ мрачныхъ покрывалъ.

Маццара дала свое имя одной изъ трехъ провинцій, составляющихъ Сицилію. Въ ней считаютъ нынѣ 8,335 жителей. Главный ея торгъ состоитъ въ хлопчатой бумагѣ, попашѣ и маслѣ. Маццара во времена Норманнскихъ Государей, была роскошна,

красива и шумна; шеперь, вмѣсто блестящихъ рыцарскихъ и дамскихъ одеждъ, вмѣсто пышно-оперенныхъ шлемовъ, мелькаютъ предъ опечаленными взорами, мрачныя одежды монаховъ и черныя покрывала молчаливыхъ женщинъ. Соборная площадь — есть единственное украшеніе города.

Дорога отсюда сначала чрезвычайно дурна и камениста, но вскорѣ начинаются роскошныя долины и большое количество спройныхъ пальмъ возвышаются въ разныхъ мѣстахъ изъ за густыхъ кустарниковъ и рощей. Тупъ я пораженъ былъ истиною картинъ Виргилія: — описывая южный берегъ Сициліи, съ Африканскаго моря, онъ называетъ Селиноптъ: *пальмистылъ* —

Teque datis linquo ventis, palmosa Selinus!..

(1) Правда, что я не видалъ сего прекраснаго дерева возлѣ самыхъ развалинъ Селинопта, исключая нѣсколькихъ, распущихъ около каменоломень; ужасныя опустошенія, происходившія со временъ Виргилія на томъ мѣстѣ, суть доспапочныя причины ихъ испребленія; но картина Виргилія не менѣе справедлива; ибо пальмы сіи появляются на разстояніи нѣсколькихъ часовъ пѣшеходнаго пути отсюда. Цицеронъ говоритъ также, что Сицилія обильна пальмами; (2) но это прекрасное растѣніе встрѣчается чаще на южномъ берегу острова; иныя изъ сихъ деревъ приносятъ плодъ.

---

(1) Lib. III. Aen.

(2) Verr. II. L. V. 33 c.

Неподалеку отъ мыса *Капо-Ферро* (*Capo Ferro*), проѣхавъ рѣчку Маццару, видна на пустынномъ берегу моря, небольшая башня, которую называютъ здѣсь: (*Torre della Sibilla*) башня Сивиллы. Утверждаютъ, что на семь мѣстѣ жила нѣсколько времени знаменитая Сивилла Кулская. Но башня сія построена въ среднихъ вѣкахъ и принадлежитъ къ числу тѣхъ укрѣпленій, кои разсыяны по южнымъ берегамъ Сициліи для защиты отъ частыхъ нападений Варварійскихъ корсаровъ. Нынѣ сіи убѣжища необитаемы; ибо Неополитанское правительство, къ спыду своему, платитъ дань симъ разбойникамъ, для обезпеченія своихъ береговъ.

Сии сторожевыя башни были очень полезны въ смутныя времена среднихъ вѣковъ. Въ ночную пору, посредствомъ огненныхъ сигналовъ, извѣстіе о нападеніи непріятельскомъ, доходило въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, отъ одной конечности острова до другой. Таковыя башни существовали въ Сициліи въ глубокой древности; Цицеронъ (1) говоритъ объ нихъ. Сии крѣпости охраняются иногда двумя только инвалидами; на ночь, влѣзаютъ они по лѣстницѣ въ отверстіе, находящееся довольно высоко, — и прибираютъ лѣстницу къ себѣ. Дневные сигналы дѣлаются ружейными выстрѣлами или посредствомъ флаговъ.

---

(1) In Verr. Ac. V. l. VI. Смотри также: *Barclai: Argenia*.

Г Л А В А ХІ.

ЛИЛИБЕЙ или МАРСАЛА. — Островъ Панте-
ляря. — Африканскій мысъ Меркуріевъ.

In curvo lido poi Tunisi vede...

A lui di costa la Sicilia siede,

Ed il gran Lilibeo gl'innalza a fronte.

(*Tasso. Gierus. lib. c. XV. ot. 19.*)

Вскорѣ за башнею Сивиллы, показывается
споль знаменитый въ Исторіи мысъ Лилибейскій,
нынѣ *Боео*. Онъ потерялъ громкое имя свое, ко-
торое замѣнилось скромнымъ именемъ святаго
опшельника! . . . За симъ открывается городъ
Марсала, построенный на развалинахъ славнаго
Лилибея.

Мысъ Лилибей находится на распояніи нѣ-
сколькихъ часовъ плаванія отъ Карфагена; въ яс-
ную погоду Африканскій мысъ *Меркуріевъ* (*Саро*
Вопо) синѣетъ въ концѣ горизонта.

Лилибей былъ главнымъ городомъ, основывав-
шимъ власть Карфагенянъ въ Сициліи; онъ усполялъ
противу всѣхъ усилій Римлянъ и Пирра, Царя
Эпирскаго; хотя наконецъ Римляне завладѣли имъ
послѣ знаменитаго морскаго сраженія близъ Эгип-
скихъ острововъ. Сюда присталъ флотъ Анниба-

ла, — и отсюда опплылъ флотъ Сципіона Африканскаго, на разрушеніе Карфагена, который, тамъ, за сими волнами, простертъ въ прахъ, и столь же забventъ, какъ и Лилибей! . .

Имя Марсалы есть Сарацинское, и значить: *гавань Божія*; оно дано городу по причинѣ обширности и удобностей его гавани, которая нынѣ малозначуща; ибо Карлъ V, дабы отнять у Варварійцевъ способы посѣщать по сосѣдству берега Сициліи, велѣлъ ее уничтожить, заваливъ ее грудами камней, — хопя и безъ того опасныя подводныя скалы паялися неподалеку отъ береговъ; онѣ не ускользнули отъ вниманія Virgilія:

Et vada dura lego saxis Lilybeia caccis. (1)

Сверхъ того, нѣсколько песчаныхъ косъ загораждаютъ съ двухъ сторонъ входъ въ гавань; сии-то косы, кровопильствомъ и сдѣлали возможнымъ смѣлый маневръ Аннибала, (прозваннаго Родійскимъ), (2) во время знаменитой осады Лилибея Римлянами, когда корабли ихъ сперегли, съ двухъ сторонъ гавани, входъ и выходъ Карфагенцевъ. Въ Карфагенѣ знали трудное положеніе Лилибея: для сего и послали Аннибала съ флотомъ, состоящимъ изъ 50-ти судовъ; ему велѣно было найти случай доставить пособіе осажденнымъ. Аннибалъ прислалъ сначала къ острову Эгузъ (нынѣ Фавинъ-

---

(1) Aen. Lib III.

(2) Сей Аннибалъ не принадлежитъ знаменитому роду сего имени.

яно), наискось лежащему отъ Лилибея, и который есть нѣкопорымъ образомъ ключъ отъ гавани сего города. Выждавъ сильнаго попутнаго вѣтра, онъ полетѣлъ на всѣхъ парусахъ въ гавань между удивленныхъ Римлянъ, коимъ пропивный вѣтеръ препятствовалъ оспановить Аннибала; но еще удивительнѣе возвратъ его въ Каррагенъ такимъ же образомъ! Объ этомъ свидѣтельствуютъ правдивый Полибій. (1) Онъ подробно описалъ осаду Лилибея. Осада и защита сего города суть верхъ воинскаго искусства Древнихъ. *Паралелли, ретраншаменты за проломами, сапы, подземныя галлерей*, были уже тогда употреблены разпующими. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ погибъ отъ выше-сказанныхъ подводныхъ камней Англійскій военный корабль *Вильгельмъ Телль*. Вотъ, какъ мнѣ рассказывали сіе происшествіе: — удержанный нѣко-торыми дѣлами въ столицѣ Сициліи, капитанъ сего корабля снялся съ якоря вечеромъ; многіе опговаривали его — проходить ночью опасный проливъ, раздѣляющій Африку отъ Сициліи; но онъ, опредѣлившій самъ, нѣсколько времени тому назадъ, *риффы* сего мѣста, неисправно назначенные на карпѣ, не уважилъ симъ совѣтомъ. Съ наступленіемъ ночи, онъ самъ назначилъ направленіе кораблю, и оспался въ каютѣ, гдѣ его ожидало къ ужину многочисленное общество. Во время пиршества, штурманъ пришелъ ему сказать, что ему кажется направленіе корабля слишкомъ опдаленнымъ отъ

---

(1) Lib. 1, cap. X.

Сициліи и близкимъ опъ *рифовъ*; капитанъ опвергнулъ сіе извѣщеніе, — какъ, вдругъ во время десерта, когда вино переходило изъ рукъ въ руки, корабль весь потрясся опъ удара; все общество перешло опъ внезапной радости къ спраху. Капитанъ, слишкомъ опытный, чтобъ не угадать причины происшедшаго, умѣлъ скрыть смущеніе и удержалъ общество въ каютѣ, межъ тѣмъ, какъ самъ вышелъ на палубу; корабль былъ посаженъ на камень, и вода спремилась въ пробитую часть: — не видя средства спасти его, онъ велѣлъ спустить всѣ гребныя суда; вызвалъ общество пассажировъ; при себѣ наполнилъ оныя ими и частью экипажа, которая могла помѣститься; а самъ, какъ виновникъ несчастія, добровольно оспался съ многими другими жертвами, и — пошелъ на дно, въ виду удивленныхъ и разпроганныхъ зрителей. Высаженные достигли благополучно береговъ Сициліи; а изъ оставшихся на корабль одинъ только спасся — на обломкѣ.

Наружность Марсалы пріятна; улицы ея правильны, опряжны и вымощены, какъ въ Палермѣ, большими плитами. Соборная церковь довольно величественна, и колонны, окружающія внутренность, принадлежали одному изъ древнихъ храмовъ. Вообще искалъ я памятниковъ славы Лилибея: все исчезло! *Бискари*, въ своемъ путешествіи говоритъ: „*Se in oggi magnificenza alcuna di antiche memorie non può tirare la curiosità di tutti i viaggiatori, pure taluno di essi resterà ben contento*

„delle fatiche del suo viaggio solo per poter dire: *Qui fù l'antico Lilibeo!* (1) ш. е.: „Если нынѣ, никакой памятникъ древней славы сего города, не удовлетворитъ любопытство путешественниковъ, то нѣкоторые изъ нихъ забудутъ, можетъ быть, усталость пупи, взглянувъ на сіе мѣсто и воскликнувъ: „*здѣсь былъ великій Лилибей!* ...“

Намъ показывали здѣсь одну колокольню, которая вся какъ бы попрысается опъ звона ея колоколовъ.—Марсала выстроена въ видѣ квадрата и обнесена стѣнами. Слѣдуя по средней прямой улицѣ, проложенной чрезъ весь городъ, и выходя изъ стѣнныхъ воротъ на дорогу въ Трапани, открываея видъ на море и на высоко-восходящіе изъ него *Эгатскіе* острова. Мы видѣли теперь прекрасную карпину заходящаго солнца за темносинюю груду острова *Фавиньяно*: шаръ солнца скрылся ужѣ за кремнистыми хребтами его; но самъ островъ пылаетъ еще въ багряныхъ лучахъ, восходящихъ широкими полосами по ясному небу, или дробящихся по спруйчатой поверхности водъ. Вправо, на концѣ дальняго горизонта, возносятся подъ облака гордыя вершины свои, знаменитая гора *Эриксъ*; синѣющія массы ея кажутся быть составлены изъ *лазуреваго камня* (*lapis lazuri*). Влѣво, на лугу, стоитъ скромная церковь Св. Іоанна. Подъ основаніемъ ея скрывается таинственный источникъ

---

(1) *Princ. di Biscari: Viaggio per tutte le antichità della Sicilia.*

Сивиллы Кумской, открывавшія въ счастливыя времена — *будущее*, тѣмъ, которые испивали отъ него; воды его еще и нынѣ бѣгутъ изъ пещеры; тамъ видны слѣды помосна изъ мозаиковъ; но *гудесная* вода, нынѣ, утоляетъ только жажду. Утверждаютъ, что здѣсь, Кумская Сивилла сожгла свои послѣднія книги, опровергнушыя Тарквиніемъ, и провела свои остальныя дни, оплакивая бѣдствія, угрожающія человѣкамъ.

Путеводитель нашъ непременно хотѣлъ, чтобъ мы остановились въ Марсалѣ, въ домѣ одного богатаго Англичанина, поселившагося въ семь городѣ, и который предлагаетъ гостепріимное жилище свое всѣмъ путешественникамъ; но мы не рѣшились его беспокоить. Ему обязанъ городъ своею небольшою, но безопасною гаванью. Она находится противъ его загороднаго дома, и мы видѣли тамъ два судна: — вотъ, что замѣняетъ теперь *великій* портъ Лилибея!

Окрестности Марсалы изобилуютъ всѣми дарами природы; главный торгъ ея состоитъ въ оливковомъ маслѣ, пошанѣ, хлопчатой бумагѣ и всего болѣе въ прекрасномъ винѣ, извѣсномъ Европѣ. (1) Можно сказать, что на бочкахъ онаго стоить весь городъ; ибо нѣтъ ни одного дома

---

(1) Марсальское вино равняется вкусомъ и доброюю съ виномъ оспирова *Мидеры*.

безъ обширнаго погреба. Число жителей считалось здѣсь за 20 тысячъ.

Имѣвъ намѣреніе посѣлится противулежацій берегъ Африки, чтобы почтнуть прахъ Картегена, мы узнали въ Марсаль, къ крайнему нашему сожалѣнію, что въ Тунисѣ открылась чума. Принужденные оставить наше предпріятіе, мы рѣшились на морскую прогулку, коей цѣль состояла въ томъ только, чтобы взглянуть на мысъ *Меркуріевъ* и на входъ въ Картегенскій заливъ. Находившаяся въ Марсальской гавани Мальтійская *сперонара* предложила намъ свои услуги. Мальтійцы чрезвычайно искусны въ мореплаваніи; безпрестанные переѣзды изъ Мальты въ Сицилію, чрезъ порывистое море, дѣлаютъ ихъ опытными. Мы положили достигнуть высоты острова Пантелларія, откуда Африканскій берегъ видѣть ясно. И такъ взявъ съ собою, на всякій случай, пяти-дневный запасъ, мы вышли изъ Лилибейской гавани часа за два до восхожденія солнца, при свѣжемъ попутномъ вѣтрѣ. Сперонара наша летѣла, какъ стрѣла. Не болѣе, какъ черезъ 4 часа плаванія, скалы Африки начали уже рисоваться на горизонтѣ, межъ тѣмъ какъ влѣво отъ насъ, возвышался островъ Пантелларія; — изъ среды его возносилась пирамидальная гора, расходящаяся во всѣ стороны. Еще черезъ два или три часа плаванія, при усиливающемся вѣтрѣ, мысъ Меркуріевъ совершенно обозначился, и вмѣстѣ съ нимъ открылось прозяженіе Картегенскаго залива, блестящее лучами солнца. Мы

*

перешли уже высоту Пантелеярии и находились ближе къ Африкѣ, чѣмъ къ Сициліи, которая утонула въ шуманѣ. Удивленный быспропою нашего плаванія, я восхищался близостью Карфагена, пробѣгалъ въ разгоряченномъ воображеніи славныя событія Пуническихъ войнъ, и какъ бы гордился тѣмъ, что я — Скиѣ, — чье опечесство едва только угадывали Карфагенцы, и называли землею *варварскою*; плыву по тѣмъ самымъ волнамъ, по коимъ носились флоты Аннибаловъ и Амилькаровъ, — принадлежу землѣ славной, могущественной, называю въ свою чреду землю Карфагенцевъ *варварскою* и потомковъ ихъ — *варварами!!!*. Громкіе стихи Тасса пришли мнѣ тогда на память; я находился на томъ самомъ мѣстѣ, коему они *принадлежатъ*, и я огласилъ ими бунтующія волны:

„In curvo lido poi Tunisi vede,
„Che d'ambo i lati del suo golfo ha un monte;
„Tunisi ricca, ed onorata sede
„A par di quante n'ha Libia più conte:
„A lui di costa la Sicilia siede,
„Ed il gran Lilibeo gl'innalza a fronte.
„Or quinci addita la Donzella ai due
„Guerrieri il loco, ove Cartagin fue . . .
„Giace l'alta Cartago: appena i segni
„Dell'alte sue ruine il lido serba.
„Muoiono le città, muoiono i regni!
„Copre i fasti, e le pompe arena ed erba:
„E l'uom d'esser mortal par che si sdegni:
„Oh nostra mente cupida e superba!

„Вскорѣ, посреди искривленнаго берега, открылся имъ Тунисъ. По обѣимъ сторонамъ его залива возвышались горы. Во всей Ливіи нѣтъ града ни знаменитѣе, ни богатѣе, ни славнѣе. Неподалеку отъ него, восплаетъ изъ моря Сицилія, и на берегу ея, великій Лилибей подымлетъ горное чело свое. Тогда дѣва указала двумъ рыцарямъ мѣсто, гдѣ былъ Карфагенъ.“

„Поверженъ великій Карфагенъ! едва видны на брегѣ слѣды его величественныхъ развалинъ..... Умираютъ грады, умираютъ царства! Прахъ и терніе одеваютъ славу и великолѣпіе: лишь чело въ одинъ негодуетъ на смертное бытіе свое! О, сколь алченъ и щеславенъ духъ его!...“

(Освоб. Иерус. II. XV, ок. 19 — 20.)

*

Сила въпра и появленіе двухъ Тунисскихъ судовъ, заславили насъ думать о возвратѣ; пока мы приговаривались въ обратный путь, поднялся на довольно далекомъ разстояніи отъ насъ *водяной столбъ*; я въ первый разъ былъ свидѣтелемъ сего феномена. Онъ не могъ бытъ намъ опасенъ на такомъ разстояніи и пробуждалъ въ насъ, вмѣсто страха, любопытство. Мнѣ казалось, что я вижу въ немъ грознаго *Генія бури*, подобнаго тому, который предспалъ предъ *Васко-де-Гама*, (въ Камоэнсовой *Лузіадѣ*). Что касается до Тунисскихъ судовъ, то наши Мальційцы вовсе не боялись ихъ, увѣряя насъ, что никакое Вар

варійское судно не въ состояніи догнасть ихъ; въ чемъ мы ни мало не сомнѣвались, судя по нашему ходу; но водяный сполтъ могъ бы, по словамъ ихъ, быть намъ пагубенъ, если бъ вѣтеръ дулъ на насъ. Паруса были переспавлены, и мы пошли боковымъ вѣтромъ на Панпелярію, съ тѣмъ, что если бъ поднялась буря, приспастъ къ сему острову; но на половинѣ пущи къ оному вѣтеръ примѣтно ослабѣлъ; а водяный сполтъ упалъ. *Лавированье* приближило насъ на близкое разстояніе отъ Панпеляріи. Островъ сей волканическаго произведенія, весь состоятъ изъ горъ, и наполненъ перегорѣлыми камнями. Посреди самой высокой горы его, виденъ *краперъ*; а у подошвы ея находится глубокая пещера, въ которой слышанъ безпрестанный шумъ. Изъ нѣкоторыхъ разсѣлинъ сей же горы выходятъ сѣрные испаренія. Окружность острова заключаетъ 8 геогр. миль. Жители его — Греки и Варварійцы, чрезвычайно искусны въ плаваніи. Земля, малоспособная для посѣва хлѣба, производитъ съ изобиліемъ всякіе плоды. Укрѣпленный городъ, носящій имя острова, находится со стороны востока.

Мы прибыли въ Марсалу не задолго до разсвѣта. Вѣтеръ не переспаивалъ быть проливнымъ; — качка насъ утомила; но мы были очень довольны нашею прогулкою.

Г Л А В А XII.

ДРЕПАНУМЪ или ТРАПАНИ. — ГОРА и ГОРОДЪ
ЭРИКСЪ, или СЕН-ЖУЛЬЯНО.

Questo é il loco che tanto a Vener piacque;
A Vener bella, alla madre d' Amore.

(*Ang. Poliz. I. 210.*)

Дорога изъ Марсалы въ Трапани идетъ по роскошной равнинѣ, въ виду моря, украшеннаго *Эгатскими* островами. Сей небольшой Архипелагъ состоишь изъ острововъ: *Маретимы*, *Леванцо*, и *Фавиньяны*, въ древности: *Гіера*, *Форбанція* и *Эгуза*; къ нимъ можно причестъ находящійся проливъ *Фавиньяны*, возлѣ берега Сициліи, островъ *Св. Панталеона* съ прилежащими къ нему островками. На одномъ изъ сихъ послѣднихъ, называемомъ *Буроне* или *Алтавилла* (*Burone sia Altavilla*), процвѣпалъ Финикійскій городъ *Моція* (*Motya*). Островъ *Буроне* соединенъ былъ нѣкогда узкимъ перешейкомъ съ землею Сициліи; но Картагенцы, осажденные пираномъ *Діонисіемъ*, перекопали сей перешеекъ. Діонисій опять завалилъ оный, и взялъ городъ. Сія любопытная осада описана Діодоромъ. (1) *Моція* названа была именемъ женщины, открывшей Геркулесу похищеннаго его воловъ. (2)

---

(1) Lib. XIV.

(2) Steph. epit. Vid. Cluverius. Sic. ant. p. 249.

Колоссальная гора *Эриксъ*, видная въ концѣ пущи, непримѣнно сближается, и вскорѣ вспааетъ изъ волнъ веселый городъ *Трапани*, въ древности *Дрепанумъ*. Вотъ, та величественная гора, гдѣ Киприда, путешествуя по земному шару, имѣла долгое время свое жилище, (1) и гдѣ благодарные человѣки, помня благодѣянія прайскія утѣхи, принесенныя имъ съ неба вѣчно-юною богинею, воздвигли ей великолѣпный храмъ, коего основаніе сокрыто во мракъ древности! Здѣсь, у подошвы сей горы, Эней, оставя Карѳагенъ и слишкомъ чувствительную Дидону, присталъ съ своимъ флотомъ, неся съ собою судьбу будущаго Рима; здѣсь же, лишился онъ своего родителя, **Анхиза**:

Hinc Drepani me portus et illaetabilis ora
Adcipit. Hic, pelagi tot tempestatibus actus,
Heu! genitorem, omnis curae casusque levamen,
Amitto Anchisen. (2)

Здѣсь наконецъ сей нѣжный сынъ совершилъ надгробныя игры въ память о немъ. Сія ближняя скала, выходящая изъ волнъ, есть та самая, которая, въ *Энеидѣ*, служила цѣлію для состязающихся между собою галлеръ. Картина сего мѣста, начертанная *Виргиліемъ*, такъ вѣрна, какъ бы сей-часъ была написана.

---

(1) Diod. Sic. Lib. V. c. XLVI.

(2) Virg. Aen. Lib. III.

Est procul in pelago saxum spumantia contra
Litora, quod tumidis submersum tunditur olim
Fluctibus, hiberni condunt ubi sidera Cori;
Tranquillo silet, immotaque adtollitur unda
Campus, et apricis statio gratissima mergis.
Hic viridem Aeneas frondenti ex ilice metam
Constituit signum nautis pater. (1)

Другая скала, ближайшая опъ первой, называется нынѣ: *Scoglio di mal consiglio*, т. е. скала дурнаго совѣщанія; ибо увѣряютъ, что на ней, знаменитый *Прогидда*, съ своими участниками, рѣшилъ ужасное исполненіе пакъ называемыхъ *Сицилійскихъ вѣтерень*.

Острова Эгатскіе знамениты двумя кровопролитными морскими сраженіями, между Римлянами и Карфагенцами; здѣсь былъ уничтоженъ флотъ Консула Клавдія Пульхера; 93 Римскія судна были приписнены Адгербаломъ къ скаламъ, — и погибли. (2) Но здѣсь же, шесть лѣтъ спустя, другой Римскій флотъ, подъ начальствомъ Каія Лукпація, разбилъ совершенно Карфагенскій, состоящій изъ 400 судовъ, предводимыхъ Ганно-

---

(1) Lib. V. —

(2) Суевтріе Римляне приписало сіе несчастіе слѣдующему случаю: когда предъ начатіемъ сраженія Пульхеръ, по принятому обыкновенію, вопрошалъ Авгуровъ, то священныя цыплята отказались ѣсть кормъ; жрецы возвѣстили псудачу; но разсерженный Консулъ велѣлъ бросить цыплятъ въ море, сказавъ: *если они не хотятъ ѣсть, то пусть же пьютъ*.

номъ. Сія бипва заключила первую Пуническую войну, и покорила Римскому оружію Карфагенскія владѣнія въ Сициліи.

Острова *Эгатскіе* (Αἰγάδες) получили свое наименованіе отъ острова *Эгузы* (нынѣ Фавиньяно), который значить по-Гречески *Козій островъ* (Αἴγυος.) (1) Многіе Географы полагаютъ оный за шопъ *Козій островъ* Гомеровою Одиссен, куда присталъ Улиссъ. О семъ предметѣ писаны цѣлыя диссертаціи, которыя ничего не рѣшили. Самъ ученый Клуверій ни чего не сказалъ утвердительнаго на сей щепъ; ибо хотя онъ полагаетъ Эгузу за *Козій островъ* Гомера; но приводитъ списки сего безсмертнаго Поэта, онъ видить иногда въ нихъ описаніе острова *Ортигии*, (на коемъ построены нынѣшнія Сиракузы) и только отъ того признаетъ Эгузу островомъ Одиссеи, что онъ обширнѣе перваго. Не мнѣ говоритъ послѣ Клуверія; но я долженъ представить на судъ читателя слѣдующія замѣчанія: Гомеръ, описывая *Козій островъ*, говоритъ: „Въ немъ есть „гавань столь покойная, что кораблямъ, для „стоянія въ ней, не нужно ни якорей, ни канатовъ . . . при входѣ въ гавань, печетъ изъ „скалы обильный источникъ.“ Это, точь въ точь изображеніе Сиракузскаго *большаго порта*, въ чемъ удостовѣрится читатель, дойдя до описанія Сиракузъ. Припомъ, Гомеръ говоритъ, что съ помянутого острова виденъ былъ дымъ жилищъ

---

(1) Cluv. p. 418.

Киклоповъ, пещера Полиемова, — и слышно было бленіе спадъ его. Въ самомъ дѣлѣ, Этна видна изъ Сиракузъ, и почти всѣ древніе писатели полагаютъ Киклоповъ обитателями окрестностей сего волкана. (1) Со всѣмъ тѣмъ имя оспрова Эгузы, по своему выше-помянутому словопроизвожденію, заспавляетъ многихъ признавать оный за *Козій оспровъ* Одиссея.

Тѣ, кои полагаютъ Киклоповъ на западной сторонѣ Сициліи, приводятъ разсказъ Фацелло о найденномъ Гигантскомъ скелетѣ въ одной пещерѣ горы Эриксъ; разсказъ сей, увеличенный его суевѣріемъ; но засвидѣтельствованный Сенапорами города Трапани, можетъ быть справедливъ. Таковыя скелеты находимы бывали (какъ я сказалъ въ 1-й главѣ Введенія) во многихъ мѣстахъ Сициліи. При семъ можно замѣтить, что безчисленныя пещеры въ юго-восточной Сициліи, доказываютъ, что сія часть оспрова была населена прежде западной. (2) Что жъ касается до Геогра-

---

(1) См. Введеніе, гл. 1.

(2) Г-жа Дасье въ своемъ переводѣ Одиссея, выводитъ значеніе слова *Киклопъ* отъ Финикійскаго: *Шек-лубъ* (Chek-lub) сокращеннаго изъ: *Шек-ле-лубъ* (Chek-lelub) пл. е. *Заливъ Лилибейскій* или *Заливъ къ Лилибейю*, — говоря, что жители сего берега, называемы бывали отъ Финикійянъ и Ливійцевъ *homines Chek-lub*, пл. е. *жители залива Лилибейскаго*, и что Греки, незнавшіе Финикійскаго языка и желая производить всѣ слова — изъ своего, составили слово *Киклопъ*, пл. е. *имѣющій одинъ глазъ во лбу*. Хотя весьма любопытно знать источникъ такого толкованія Г-жи Дасье, но сія учная женщина, ошибаясь довольно грубо, забывалъ, что имя Киклоповъ гораздо древнѣе имени Лилибей, основаннаго за 397 лѣтъ до Р. Х.

ѣи Гомера, то она перестаетъ быть вѣрною, начиная отъ Фаросскаго пролива. Мальтебрюнъ называетъ оный *преддверіемъ баснословнаго міра Гомерова* и осперегае насъ отъ сладкаго пѣнія Сирены сего безсмертнаго Поэта.

Трапани построена на песчаной косѣ. Укрѣпленія его принадлежатъ царствованію Карла V-го. Сверхъ городскихъ укрѣплений, гавань защищена крѣпостію, называемою *Коломбара* и построенною на подводной скалѣ. Внутренность города представляетъ взорамъ большую промышленность; улицы и дома, красотою, опрятностію и даже великолѣпіемъ, привлекаютъ вниманіе путешественника; толпы бѣдныхъ не тѣсняются вокругъ васъ, какъ въ прочихъ городахъ Сициліи; вы не видите изурннхъ и блѣдныхъ лицъ; и если бѣ монахи не усѣвали улицъ, то все бѣ дышало здѣсь веселіемъ. Прекрасная гавань вообще открываетъ здѣсь всѣ способы для торговли: она оспается въ забвеніи.

Въ Трапани съ успѣхомъ занимаются ловлею коралловъ. Они растутъ около береговъ, особенно близъ острова *Св. Іліи*. Здѣшніе художники искусно вырѣзываютъ на нихъ, равно какъ на *жесткомъ камнѣ* (*pietra dura*) и на раковинахъ. Изобрѣненіе рѣзбы на раковинахъ приписываютъ урожденцу изъ сего города, по имени *Типѣ*; но искусство сіе было извѣстно древнимъ. Знапнѣйшая торговля сего города происходитъ отъ ловли рыбы *Туна* (*thon*.) Должно замѣтить здѣш-

ніе солончаки, которые находятся возлѣ города, при дорогѣ къ горѣ Сен-Жульяно; они составляють непослѣдній доходъ города. Главный вывозъ соли отсюда производится въ Тунисъ. Окрестности обилуютъ разнообразными мраморами самого лучшаго рода.—Жителѣй въ Трапани считалось 24,550 ч. Основаніе древняго Дрепанума приписывается Энею; но—въроятнѣе, принадлежить оно Амилкару, полководцу Карфагенскому. Городъ сей важенъ для войны и для торговли. Надобно замѣтить, что въ случаѣ непріятельскаго нападенія со стороны земли, шлюзы попопляютъ въ нѣсколько минувъ всю окрестность.

Мы не замедлили долѣе одного дня, опправившись на *поклоненіе* Кипридѣ Ерицинской, которая, не смотря на то, что храмы ея разрушены, также мила нашему сердцу, какъ и Древнимъ; они видѣли въ *любви* божество; а мы, — *божественное чувство*. Ихъ Философія не старалась опплекать юношество отъ сей небесной спраспи; они не считали ее одною мечпою воспламененнаго воображенія. „Юноши! не убѣгайте любви, говорилъ „Эврипидъ, сей Философъ Театра: она научаетъ „мудрости и добродѣтели; но умѣйте пользоваться „ся съ умѣренностью дарами ея. Прочь отъ меня „холоднаго сердца!“—Они не основывали любви на одной чувствственности; но поспигали высокій идеалъ ея. Аѣниане, посвящая Академію *Минервѣ*, воздвигли памятникъ же статуею *Любви* и приносили жер-

пвы симъ двумъ божествамъ совокупно. (1) Гора Эриксъ, послѣ Эпны и одной изъ Небродовъ, есть высочайшая изъ горъ Сициліи. Мы оправились пуда верхами. Высота горы еще болѣе замѣтна при восхожденіи на нее; окружныя скалы, столь огромныя, глядя снизу, кажутся холмами съ половины пупи; спези дѣлаются ежеминутно труднѣе и каменистѣе; а крупизны ужаснѣе. Слѣды чудесной дороги, изсѣченной по ребрамъ сей горы, баснословнымъ Дедаломъ, (2) нигдѣ не замѣтны! Груды обрушившихся камней ежеминутно загораждаютъ и безъ того трудную, а иногда опасную дорогу. Не видя конца горы, послѣ полутора часа ѣзды, мы начали упоминаться. Каждая вершина казалась намъ съ низу предѣломъ нашего пупи; но — приближаясь, надежды наши исчезали, и гора болѣе и болѣе восходила къ облакамъ: изрѣдка склоняли мы взоры на далеко-синѣющія подъ нами землю и море; воздухъ дѣлался рѣже, вѣтеръ сильнѣе, и наконецъ, послѣ двухъ-часовой ѣзды, мы находились на самой вершинѣ; но вообразите наше удивленіе, когда — полагая найти въ семъ надоблачномъ жилищѣ вѣпровъ и хищныхъ птицъ — нѣсколько бѣдныхъ хижинъ, — мы увидѣли передъ собою цѣлый городъ, съ башнями и церквами, обнесенный стѣнами. Городъ сей есть древній Эриксъ, нынѣ С. Жульано, имѣющій 8,172 жит., 15 церквей, 9 монастырей и одно заведеніе для бѣдныхъ.

---

(1) Athen. lib. XIII.

(2) Diod. Sic. L. IV.

Я думалъ быть занесеннымъ въ жилище какого нибудь волшебника поэмы Аріоста, но лошаки наши не были *гиппогрифы*. Мы спѣшили отдохнуть, а болѣе всего утолить жажду, — и по счастью, нашли кондитерскую лавку; а въ ней опличенный лимонадъ. Намъ совѣтовали посѣпить здѣсь знаменитаго Антикварія, Графа***, проводшаго вѣкъ свой на сей надъоблачной горѣ и посвятившаго себя на изысканіе погребенныхъ въ землѣ остатковъ храма *Венеры Ерицинской*. Мы увидѣли старца 85-ти или 90-ти лѣтъ; онъ чрезвычайно радъ былъ нашему посѣщенію; нѣсколько разъ изъявлялъ намъ особенное удовольствіе имѣть въ своемъ домѣ *Московитянъ*, и спрашивалъ у насъ съ большимъ любопытствомъ о *Великой Московіи*; ибо такъ называютъ Сицилійцы Россію. Я не одинъ разъ замѣтилъ въ Сициліи, что народъ ея пишетъ нѣкоторый страхъ къ Россіи. Они воображаютъ, не знаю отъ чего, что Русскіе должны нѣкогда завладѣть Сициліею. Они съ безпокойствомъ видятъ снимающихъ карты или виды съ ихъ страны, думая, что все это дѣлается для Русскихъ. Иные, вмѣстѣ со страхомъ, хранятъ къ намъ почтеніе и видятъ въ насъ защитниковъ ихъ правъ. Графскіе слуги начали намъ выдвигать ящики, наполненные медалями разныхъ вѣковъ. Радость была написана на лицѣ старика, при видѣ своихъ сокровищъ; а мы начали упоминаться разсказами и объясненіями. Собраніе его въ самомъ дѣлѣ драгоцѣнно, и на многія изъ его медалей писаны цѣлыя диссертаціи. Одна изъ нихъ, чрезвы-

чайной рѣдкости, обратила особенное мое вниманіе: она мѣдная, средней величины; на одной сторонѣ вычеканено изображеніе, похожее на Меркурія, въ крылатой шапкѣ; а на оборотѣ зданіе, похожее на ковчегъ. Я не могу самъ разсуждать о сей медали, а скажу только, что старецъ видить въ человѣческой фигурѣ *Афета*, коего племени населили Сицилію; а въ другомъ изображеніи, Ноевъ ковчегъ. Окончивъ нѣсколько упоминательное обозрѣніе медалей, Графъ спалъ насъ водить по рядамъ шкафовъ, наполненныхъ глиняными сосудами, окаменѣlostями и разными мѣдными изображеніями. Тупъ же онъ показалъ намъ прекраснѣйшій обломокъ опъ руки женской статуи, составляющій только одну кисть ея, съ опбитыми конечностями пальцевъ; сія кисть руки пакъ прелестна, что не могла принадлежать никакой другой статуѣ, кромѣ Венериной; — она сдѣлана не много согнутою и, вѣроятно, прикрывала дышащую нѣгой грудь или другую прелестную часть мраморнаго ея тѣла. Сей обломокъ найденъ былъ въ самомъ храмѣ Венеры. Въ заключеніе, онъ привелъ насъ къ самому драгоценному остатку, свидѣтельствующему существованіе храма на сей горѣ: то былъ большой мраморный опломокъ со слѣдующею, немного поврежденною, надписью:

..... RI ERICINAE DICATVM.

п. е.

DEAE VENERI ERICINAE DICATVM.

Сія надпись найдена была въ развалинахъ, съ нѣкоторыми обломками колоннъ и карнизовъ,

также хранящихся въ кабинетѣ Графа. Мы съ нимъ разспались съ искреннимъ дружелобіемъ; онъ непремѣнно хопѣлъ, чтобы его ученый слуга былъ намъ вожапаемъ къ остаткамъ храма, на что мы очень охотно согласились: — *Fortunate senex!* . . (1)

Насъ повели тогда на послѣднюю высоту, господствующую надъ городомъ и надъ всею горою. Она увѣнчана древнимъ замкомъ; мы вступили подъ его своды, — и стоны плѣнниковъ поразили нашъ слухъ. Такіе ли предметы должны окружать жилище богини опрадь? Со стукомъ распорилась передъ нами желѣзная дверь, и вскорѣ мы попирали уже прахъ дивнаго храма Киприды. Готическія спѣны окружаютъ сіе мѣсто; круглый колодезь, сложенный изъ большихъ каменныхъ плитъ, прежде глубокій, но теперь до половины заваленный камнями, есть, какъ говорятъ, знаменитый *истогникъ Венеры* или *красоты*. Малые остатки опъ основанія храма еще видны, прочее все исчезло. Давъ намъ время удовлетворить наше любопытство на семь мѣстъ, чичерони пригласилъ насъ пошомъ выдти изъ ограды, чтобы видѣть остатки наружнаго основанія храма; мы подходили къ краю обрывистой скалы, на коей онъ былъ сооруженъ. Вы имѣете понятіе, по восхожденію нашему, о высотѣ, на коей мы находились; я сказалъ уже,

---

(1) Virg. Buc. Ecl. 1.

что гора сія не много уступаетъ, высотой, *Небродали*; и такъ представьте себѣ теперь цѣльную скалу, столь колоссальной высоты, спущенную опвѣсно изъ подѣ облакъ, въ пучины моря:— голова кружился при взглядѣ съ сей страшной вышины въ неизмѣримую бездну! Эта скала составляетъ сѣверо-западный уголъ *трехъ-угольной* Сициліи. Тирренское море всею тяжеснью своею непрестанно ударяетъ въ ребра сего гиганта, — но онъ недвижимъ. На сей-то скалѣ, далеко господствующей надъ Сициліею, курился, выше облаковъ, олимпіамъ Венерѣ:

. . . Vicina astris Erycino in vertice sedes

. . . . . Veneri Idaliae . . . (1)

Огромные камни, принадлежавшіе основанію храма, видны еще въ ребрахъ скалы, на самомъ краю пропасти. Это совершенно сходно съ описаніемъ Діодора, (2) который говоритъ, что храмъ Венеры и окружающія его зданія, казались ежеминутно готовыми повергнуться въ бездну. Гулъ бунтующаго моря не достигаетъ сихъ гордыхъ вершинъ; перейдите теперь на другую точку зрѣнія, — и воспоргъ вашъ увеличится. Взгляните съ сей эфирной высоты на синѣющія подѣ вами землю и море; вопѣ въ *миниатюрѣ* красивый Трапани, съ крючковаатымъ мысомъ своимъ, въ видѣ косы. Баснословіе повѣспвуетъ,

---

(1) Virg. Aen. L. V.

(2) Lib. IV.

что сюда упала съ высотъ Олимпа коса Самурнова, коею онъ безжалостно искажилъ своего родителя, Урана, (1) и что ея паденіе образовало эпопѣю мысъ, — хопя Мессинцы повѣспвуютъ по же самое о своемъ мысѣ. Тамъ, слѣдуя взоромъ обводъ береговыхъ равнинъ, видѣнъ Лимбей; далѣе едва проглядываетъ Маццара; впереди разстилается Африканское море; здѣсь чернѣютъ высокія скалы острововъ Эгипскихъ. Тамъ, болѣе къ югу, выходитъ изъ волнъ въ видѣ шапра островъ *Пантелярія*; а еще далѣе, совсѣмъ на краю горизонта, едва бѣлѣетъ, при ясномъ солнцѣ, берегъ Африки. Къ сѣверу, одинъ только уединенный островъ *Устика* останавливаетъ взоръ, блуждающій по зыбямъ Средиземнаго моря; а вспокъ заслоненъ цѣпью *Небродовъ*. Вотъ панорама, которая развертывается съ высотъ горы Эриксъ.

Теперь я выпишу, что Діодоръ говоритъ о древности и славѣ храма Венеры Ерицинской: (2)
„Эриксъ, былъ сынъ Венеры и Була, Цари одной „небольшой страны Сициліи. Онъ выстроилъ, на „высокой горѣ, значительный городъ, коему далъ „свое имя. Посреди крѣпости, соорудилъ онъ „храмъ, въ честь своей матери. Почести, воз- „даваемыя въ ономъ Венерѣ, столь были ей пріятны, что она полюбила сей городъ болѣе всѣхъ

---

(1) Hesiod. Theog.

(2) Lib. IV.

„другихъ, и пожелала носить прозвание: *Ерицинской*. Ни одинъ храмъ не сохранялъ такъ постоянно своего величія: слава его непрестанно возрастала. Въ послѣдствіи времени, Эней, пришедъ къ берегамъ Сициліи, (1) оставилъ богатыя дары въ семъ храмѣ, будучи самъ сыномъ Венеры. Когда Карфагенцы завладѣли восточною частию сего острова, то они не преспавали, содержа съ большимъ великолѣпіемъ служеніе сей богини. Наконецъ, Римляне, покоривъ всю Сицилію, превзошли всѣхъ поклонниковъ Венеры, полагая себя, по Энею, происходящими отъ нее. Нынѣ даже, когда ихъ Консулы или полководцы прибываютъ начальствовать въ Сицилію, то принося съ собою богатѣйшіе дары для богини и опсиранивъ отъ себя свойственную имъ гордость, мѣшающую въ толпѣ прелестныхъ женъ, предаются съ ними увеселеніямъ, полагая, сіе вѣрнымъ средствомъ сдѣлать свое правленіе благопріятнымъ богинѣ. Наконецъ, Римскій Сенатъ, въ ознаменованіе къ ней своего усердія, приписалъ сему храму доходы 17-ми городовъ Сициліи и вѣчную спражу изъ 200 воиновъ.“

Но главное богатство сего храма составляли сонмы красавицъ, избираемыхъ изъ всей Сициліи для служенія матери любви; — въ ихъ-то пре-

---

(1) Виргилій (Aen. lib. V.), какъ поэтъ, приписалъ построеніе города Ерикса и храма Венеры, своему герою.

лестныхъ очахъ, юные просители испивали блага Венеры, созданной ихъ воображеніемъ; онѣ-то были настоящія божества сего жилища опрадѣ. Стаи бѣлыхъ голубей, сопутники богини, вскормлялись здѣсь ихъ нѣжными руками. Повѣспиваютъ, что въ опредѣленное время, называемое *анагогія*, т. е. *отбѣздѣ*, — (полагая, что Киприда отбѣждала погда въ Ливію) всѣ голуби оплели изъ храма, чѣмъ слѣдовать за нею; но девять дней спустя, во время — называемое *катагохія*, или *возвратѣ*, (1) одинъ голубь, предвѣстникъ прочихъ и самой богини, перелеталъ Ливійское море и возвращался во храмъ. Съ его появленіемъ, начиналось великолѣпное празднество. Крики радости, звуки лиръ и кропаловъ неслись далеко по волнамъ, и погда, совершались въ самомъ храмѣ сладкія тайны Венеры-Ерицины. (2) Довольно странно, что, какъ бы въ оправданіе сей басни, стаи голубей не перескакиваютъ обитая въ разсѣлинахъ скалъ горы Эриксъ.

Одинъ новѣйшій путешественникъ, слишкомъ строгій критикъ своихъ предшественниковъ, обвиняетъ Г-на Ридезеля, замѣтившаго, что и по сіе время, женскій полъ горы Эриксъ и города Трапани, пользуется благодѣяніями Венеры, оплачиваясь красотой отъ прочихъ женщинъ Сициліи; но по моему мнѣнію, Г-нъ Ридезель нѣсколько справе-

---

(1) Aelian. L. I, c. 15.

(2) Ath. L. IX.

дливъ; ибо, въ самомъ дѣлѣ, здѣшнія женщины притѣпно красивѣе прочихъ Сициліянокъ. Я самъ встрѣчалъ мимоходомъ такихъ, кои заставляють лишній разъ обернуться и замедлить шаги; можетъ быть, я самъ виноватъ, что не видалъ первокласныхъ красавицъ города Сен-Жюльяно, забывъ исполнить совѣтъ, данный мнѣ въ Палермѣ; онъ соспоялъ въ томъ, чтобы заставить нанятаго *факки* кричать по улицамъ: *Chi vende latte?* (кто продаетъ молоко?) ибо женщины города Сен-Жюльяно производящъ имѣ главную торговлю, — и безъ сего вызова, рѣдко показываятся изъ уединенныхъ домовъ своихъ, по причинѣ ревности мужей.

Климатъ горы Эриксъ, какъ говорятъ, очень здоровъ, — и спарики во 100 лѣтъ, совсѣмъ не рѣдки между ея обитателями. Во многихъ городскихъ домахъ показываютъ древнія водохранилища разныхъ размѣровъ, сдѣланныхъ по числу членовъ, составлявшихъ сѣмейство. Сверхъ сего, можно замѣтить здѣсь малые остатки одного зданія, называемаго *Аполлоновы бани* (*piscina*). Городъ и гора Эриксъ знамениты также битвами Амилкара-Барки, опца славнаго Аннибала, съ Римлянами. Любопытное описаніе сей войны сохранено намъ Полибіемъ. (1)

---

(1) Polib. Lib. I, c. 13.

Солнце погружалось въ волны и живописно
отпѣняло великія карпины, окружающія насъ,
когда мы спускались съ горы въ обратный путь,
подвергаясь часто паденіямъ; но чрезвычайная
привычка лошаковъ преодолагаетъ трудность
сего пути. У подошвы горы, насъ заспала уже
ночь, и лунный свѣтъ проводилъ насъ, весьма
усталыхъ, къ ночлегу.

Г Л А В А XIII.

Храмъ Сегеста. — Алькамо. — Возвратъ въ Палерму.

Où, lorsqu'un ciel d'airain s'allume sur sa tête,
L' Arabe voyageur nonchalamment s'arrête,
Et las des feux du jour, s'endort quelques instants
Sur le restes d'un dieu mutilé par le tems.

(*Chénedollé. Genie de l'homme. IV.*)

Пріятно отдохнувъ въ Трапани, мы отпра-
вились въ путь съ упренней зарею. Миновавъ
величественную гору Эриксъ, мы начали непри-
мѣнно погружаться въ дикія горы. Опѣхавъ
около десяти миль, я вспомнилъ нечаянно о сво-
ихъ пистолепахъ, и не находя ихъ вмѣстѣ съ не-
большой сумкой, которая привязана была къ сѣ-
длу, — мы принуждены были остановиться и
послать за ними назадъ нашего провожаго.
Межъ тѣмъ, Африканское солнце проникало паля-
щими лучами своими во всѣ соспавы нашего плъа.
Мы вскорѣ раскаялись, что уважили пистоле-
пами. — Въ окружности невидать было ни одного
кустарника, который могъ бы укрыть насъ въ
своей тѣни; по долгомъ терпѣннѣ, мы принуждены
были спѣшиться и воспользоваться бѣдною тѣнью
растущихъ около дороги *алоэ*; мы боялись
пошевелившись подъ ними, чтобъ неуклопъся

оспрыми иглами ихъ листьевъ, или неускользнушь изъ подъ пѣни. Два часа провели мы въ такомъ положеніи, и опправились, извѣстясь о совершенной пропажѣ нашего оружія. Сей день былъ для насъ днемъ испытанія. Послѣ пяти-часовой ѣзды по горамъ, раскаленнымъ отъ зноя и лишеннымъ жизни, по обрывистымъ пропамъ, — изнуренные, помимые жаждою, мы спарались открьпъ неперпѣливыми взорами, знаменитый храмъ *Сегеста*, который долженствовалъ бытъ для насъ храмомъ успокоенія. Наконецъ, когда дикость нагихъ горъ еще болѣе увеличилась, — открьлся намъ въ поразительномъ величїи, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ остатковъ зодчества Грековъ.

Храмъ сей, находящійся въ совершенной цѣлости, стоить какъ бы забытый временемъ, на безплодной горѣ, окруженный скалами, столь же, какъ и гора сія, дикими, нагими и мертвыми; нѣтъ нигдѣ ни травы, ни испочника; не видно ни одной тропы, которая показывала бы слѣды челоѣка; — глубокія трещины протягиваются по ребрамъ горъ и оврагамъ; молчаніе сей дебри ничѣмъ не нарушается; солнце, повсюду благотворное, здѣсь, кажется, вредитъ; все мертво ... Неизвѣстно, какому божеству обреченъ былъ этотъ храмъ; но теперь обитаетъ въ немъ печальный Геній запустѣнія. Раскройше *Θυκιδίδα*, раскройше *Цицерона*, превозносящихъ сей самый *Сегестъ*, (одинъ изъ знаменитѣйшихъ городовъ *Греческихъ*

колоній), украшений роскошными храмами Діаны, Венеры, Цереры, Энея, — сравните ихъ описанія съ видимымъ вами зрѣлищемъ, и вы не скоро выйдете изъ задумчивости . . . Если бѣ это изящное зданіе не увѣрило зрителя, что здѣсь процвѣтала Сегестъ, то никакія преданія не могли бы заставить его повѣрити тому. Храмъ сей образуетъ правильный параллелограмъ, и обнесень 36-ю колоннами Дорическаго ордена; фасы заключаютъ въ себѣ по шести колоннъ. (1) Замѣчательно, что всѣ храмы Древнихъ построены отъ востока къ западу. Цѣлостъ сего зданія удивляетъ нѣмъ болѣе, что весь древній Сегестъ, находившійся на гораздо-высшей горѣ, совершенно исчезъ, за исключеніемъ одного почти совсѣмъ разрушеннаго амфитеатра, отъ котораго осталось только нѣсколько ступеней. Положеніе его было живописно; отсюда открывается Тирренское море. Фацелло (2) называетъ этою храму *Цереры нѣмъ*, основываясь въ томъ на словахъ Випрувія, который говоритъ, что по обыкновенію древнихъ народовъ, храмы Цереры воздвигаемы были внѣ города, въ мѣстахъ отдаленныхъ и сокровенныхъ.

Основаніе Сегеста сокрыто въ баснословныхъ вѣкахъ. Цицеронъ свидѣтельствуетъ, что

---

(1) Длина храма — 175 футъ. Ширина — 75 ф. Высота — 58 ф. Высота однихъ колоннъ 28 ф. и 1 д. Діаметръ ихъ въ основаніи 6 ф. и 2 д., въ конечности 5 ф. 2 д. Но замѣсно, что сія мѣра діаметровъ колоннъ не вездѣ равна.

(2) Lib. VII. dec. I, c. IV.

Эней, по раззореніи Трои, основалъ на эпомъ мѣстѣ колонію Троянъ. Сегестяне гремѣли славою оружія на западномъ берегу Сициліи и были побѣдителями Селиноплянъ; но всего болѣе доказывається могущество ихъ, войною, хотя и несчастною, пропиву Карфагена; ибо, война сія, объявлена была опъ ихъ имени — и поддержана собственною ихъ силою, какъ по говоритъ Цицеронъ: *illa civitas cum Poenis suo nomine ac sua sponte bellaret.* (1) Но богатство и счастье обольстили ихъ; они напослѣдокъ возстали противъ Агафокла, тирана Сиракузскаго, и большая часть гражданъ погибла опъ его мщенія. Во владѣніе Римлянъ Сицилію, городъ сей былъ свободенъ и уваженъ Римомъ. Зданія Сегеста извѣстны были своимъ великолѣпіемъ. Здѣсь находилась драгоцѣнная, по изящности и богатству, статуя Діаны, завоеванная Карфагенцами, возвращенная Сципіономъ Африканскимъ — и напослѣдокъ, насильственно похищенная алчнымъ Верресомъ. Сей Палладіумъ Сегеста былъ столь священъ, что никто не дерзалъ, изъ жилищей, наложить на него руки, такъ, что Верресъ принужденъ былъ для перенесенія онаго нанять Лилибейцевъ. Жены и дѣти провожали толпами ликъ своей богини, и съ воплемъ распочали благоуханія и цвѣты по пути, оплакивая, съ ея удаленіемъ, паденіе своего отечества. Сегестъ имѣлъ на берегу моря гавань (*emporium*), нынѣ: *Castello á mare*; неподалеку опшуда находи-

---

(1) Cic. in Verr. act. 11. lib. IV. c. 33.

лись извѣстные въ древности бани: Segestanae aquae; еще понынѣ печешь тамъ горячій испочникъ.

Упомявъ около двухъ часовъ на разсмаптриваніе храма съ разныхъ пунктовъ, мы наконецъ покорились усталости и жадѣ; палимые нестерпимымъ жаромъ, медленно направлялись мы къ хижинѣ спорожа храма; тамъ ожидалъ насъ вожапый, пошедшій готовить намъ скудный завтракъ. Вообразите наше опчаяніе, когда мы нашли его, сидящаго въ глубокомъ уныніи у порога запертой двери, держа за поводья нашихъ изнуренныхъ лошаковъ! Онъ не говорилъ ни слова; но мы поняли его молчаніе; онъ подтвердилъ угаданное нами; — спорожъ былъ въ оплучкѣ; мучимые жѣстокою жаждою, и не находя нигдѣ ни капли воды, мы вспомнили, что съ нами была бутылка вина: — но увы! и эту нашу Палерминянецъ сумѣлъ разбить, вынимая ее, — и передъ нашими глазами... Сіе послѣднее несчастіе насъ сразило; не осталось другаго способа, какъ влѣзавъ опять на едвапереступающихъ лошаковъ, и продолжавъ путь безъ защиты отъ раскаленнаго неба, къ мѣстечку Алькамо, отспояющему еще на нѣсколько миль. Я невольно вспомнилъ тогда, и призналъ совершенно истинными, жалобы Клуверія, на понесенные имъ труды въ его путешествіи по Сициліи. Сей ученый Географъ обошелъ пѣшкомъ весь островъ — и вопъ какъ онъ говоритъ, проспосердечнымъ своимъ слогомъ: „Медленное путешествіе мое бы-

„ло чрезвычайно затруднительно; но пѣтгоспѣ онаго „превышаетъ всякое вѣроятіе; тѣло мое весьма „часто подвержено было голоду и жаждѣ, и не „имѣло покрыши даже по ночамъ. Духъ мой сму- „щался безпрестаннымъ опасеніемъ, и даже жизнь „моя подвергалась частымъ бѣдспвіямъ; но все „сіе, съ помощію Всемогущаго Бога и по неизрѣ- „ченному его милосердію, я превозмогъ.“ (1) Одиѣ только опасностямъ (принадлежащія времени путеше- шествія Клуверія), почти не сущеспвуютъ нынѣ; но всѣ прочія непріятности, ожидаютъ путеше- ственника въ Сициліи.

Вожапый нашъ, споль же упомянутый, какъ и мы, сулилъ намъ скорѣ рѣчку; эпа надежда подкрѣпила наши силы. Желаемая рѣчка нако- нецъ открылась; но она была почти совсѣмъ высохшею опъ чрезвычайныхъ жаровъ; съ нею соединяется другая, похожая болѣе на ручей; бе- рега ихъ оскѣнены нѣсколькими фиговыми деревья- ми. Сии два скромные потока носятъ названія, пробуждающія воображеніе: эпо *Скаландрѣ* и *Си- моисѣ* Сициліи (нынѣ: Сан-Барполомео).

Я говорилъ ужѣ, что Сегестіане происходятъ опъ колоніи Троянъ, и что они были поселены

---

(1) Peregrinatio quidem ea mihi fuit tantum annua: sed perquam molesta, et supra quam credi possit, acrumnosa: quum saepe corpus fami ac siti pernoctationibusque subdialibus, animus perpetuis terroribus, caput verò etiam vitae periculo subjectum esset; quae tamen omnia Dei immortalis omnipotentis virtute et larga benignitate superavi. (*Sic. Ant. in Epistola dedicat.*)

здѣсь Энеемъ, подѣ покровительствомъ гостепріимнаго Царя *Акаста*. (1) Лишенные навсегда своего отечества, они окружили себя сладкими воспоминаніями объ немъ, и дали, между прочимъ, симъ двумъ рѣчкамъ имена: *Скамандра* и *Симоиса*. (2) Съ какимъ чувствомъ говоритъ о родинѣ своей, одна изъ женъ Иліона, уговаривая своихъ по другъ оспапсья на счастливомъ берегу Сициліи:

O patria, et rapti nequidquam ex hoste Penates!
Nullane jam Trojae dicentur moenia? nusquam
Hectoreos amnis, Xanthum et Simoënta, videbo? (3).

Здѣсь, жены Сегеста, любили, подобно Андромакѣ, оплакивать на мнимыхъ берегахъ *Симоиса*, судьбы своихъ супруговъ, братьевъ и дѣтей, падшихъ подѣ стѣнами Трои, — и украшаютъ цвѣтами, лишенные праховъ, гробницы.

Ante urbem in luco, falsi Simoentis ad undam,
Libabat cineri Andromache, Manisque vocabat
Hectoreum ad tumulum, viridi quem cespite inanem,
Et geminas, caussam lacrymis, sacraverat aras. (4)

Отдохнувъ въ хижинѣ и прохладясь водою Скамандра, мы продолжали путь. Распѣнія начинали появляться болѣе и болѣе; маслины, фиги и алоэ оппѣняли ужѣ знойную землю; но крупизны

---

(1) Virg. Aeneid. Lib. V.

(2) Strab. Lib. XIII.

(3) Aeneid. Lib. V.

(4) Id. Lib. III.

горъ довершали наше испощеніе:—это не мѣшало мнѣ однако плѣняться съ вершинъ ихъ, открывающимися на-лѣво видами моря, его заливами и гористыми берегами, гдѣ нѣкогда возвышалась *Гикара*; самые слѣды ея ужѣ исчезли; сей городъ былъ разоренъ *Никиасомъ*, Аѣинскимъ вождемъ, плѣмъ самымъ, который погибъ въ знаменитую войну пропиву *Сиракузъ*; — онъ похитилъ изъ *Гикары* всѣ богатства и вмѣстѣ съ ними славу сего города, — несравненную своими прелестями — *Лаису*, здѣсь рожденную. Во цвѣтѣ лѣтъ своихъ она была увлечена, съ прочими невольницами, въ Грецію, гдѣ ожидали ее алтари!

Достигнувъ вершины самой высокой горы сей окрестности, открылся наконецъ, столь нетерпѣливо ожидаемый нами, городъ *Алькамо*. Шумомъ своихъ обитателей, живущихъ почти на улицахъ, онъ равняется со столицами. Можно назвать *Сицилійцевъ* самымъ шумнымъ народомъ земнаго шара; когда духота выгоняетъ ихъ изъ домовъ, то улицы превращаются въ какой-то базаръ: здѣсь разные ремесленники: кто шьетъ, кто точитъ, кто куетъ; тутъ подвижные буфеты съ холодною водою и лимонадомъ; лавки мясной рядъ; вопль молодыхъ мапери, питающихъ грудью младенцевъ; вопль толпы бродящихъ нищихъ; среди нихъ разношники лакомствъ, — и сіи послѣдніе всѣхъ докучливѣе: ихъ дикій крикъ потрясаетъ фибры и выводитъ изъ терпѣнія. Все это, будучи взято

вмѣстѣ, составляютъ *неопрытную Баханалию* новѣйшихъ временъ.

Алькамо сохраняетъ въ архитектурѣ своихъ двухъ или трехъ церквей и въ остаткѣ полуразрушеннаго замка, слѣды вкуса Сарациновъ; это мѣсто, было укрѣпленнымъ жилищемъ ихъ полководца, *Алкамаха*. Городъ построенъ на горѣ; видъ къ сѣверу, на море и на крутые берега, имѣетъ нѣкоторое величіе. Алькамо славенъ тѣмъ, что въ его стѣнахъ раздались первые звуки Италіанской Поэзіи. Здѣшній житель, по имени Чіулло, былъ ея основателемъ (въ 1218 году), и лира его перешла въ Палерму, въ блестящій дворъ Фридерика II. Самъ Императоръ и Канцлеръ его Пётръ де Вигньо (*Pietro di Vigno*), скоро пробудили своимъ примѣромъ, геній поэтовъ Сициліи и Италіи.

Прекрасное шоссе ведетъ отсюда въ Палерму — это единственная колесная дорога во всей Сициліи, если исключимъ начатую, но оставленную дорогу около *Кастель-Ветрано*. Мы съ неизменною радостью бросили своихъ лошаковъ; въ полъ же вечеръ наняли за дорогую цѣну коляску, и отправились въ Палерму, къ столь желанному отдыху. Тамъ ожидало насъ наступавшее торжество *Св. Розаліи*, о великолѣпіи котораго мы такъ много слышали. Напрасно нашъ вожатый, а еще болѣе Алькамскій пракпирщикъ, твердили намъ, что этотъ путь въ ночное время не совсемъ безопасенъ; — мы ничему не внимали. У мо-

его поварища остался еще одинъ огромный пистолець и старая сабля; съ симъ оружіемъ мы довѣрились темнонѣ ночи; но восшедшая луна вскорѣ разсѣяла оную. Опѣ самаго Алькамо до *Монте-Реалля*, дорога идетъ по скаламъ ужасныхъ скалъ. Сжатый ихъ громадами, я не переспаивалъ любоваться грозными ландшафтами природы. Луна проглядывала изъ-за безобразныхъ щипцовъ горъ, коихъ пѣни дѣлали спрашивае глубину овраговъ, разверзшихъ подъ нами. Картина этой дороги, въ ночное время, мрачнѣ всѣхъ картинъ *Салватора-Розы*; дѣйствіе луннаго свѣта, между каменныхъ грудъ — поразительно; вся дорога сія есѣ школа для пейзажиста, и едва ли найдутся мѣста удобнѣйшія для разбойниковъ.

Почти на половинѣ дороги къ Монте-Реале, проѣхали мы чрезъ довольно большое мѣстечко, называемое: *Sala di Partenico* (*Сала ди Партеико*). Неподалеку отсюда, назначенъ, въ *Путевыхъ запискахъ Антонио*, городъ *Паресникуль*, отъ коего сіе мѣстечко заимствовало, върояно, свое имя.

Съ восхожденіемъ солнца мы прибыли на цвѣтушія высоты Монте-Реалля, какъ бы для того, чтобы видѣть, послѣ грознаго зрѣлища Природы, зрѣлище очаровательное. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя было глядѣть безъ восторга на пробуждающуюся природу;—розовая занавѣса зари одѣвала еще всѣ предметы, и сомнительный свѣтъ ея, разливалъ особенную прелесть на роскошную картину. Живописецъ долженъ необходимо видѣть Сицилію

въ жаркіе мѣсяцы лѣта. Торжественныя минуты восхожденія и захожденія солнца покажутъ ему картины *неземныя*, копорыя онъ видѣлъ только глазами воображенія или чипалъ въ поэмахъ. Въ сіи часы, песпропа небесныхъ цвѣтовъ необыкновенна; но съ какою гармоніею все цвѣпы сіи слыты! Какъ постепененъ переходъ свѣжей ночи къ жаркому дню! На землѣ ни одна рѣзкая линія не оскорбляетъ взора; волшебная атмосфера южнаго неба все опшѣняетъ своими таинственными красками.

Весь скапъ высокой горы Монте-Реала покрытъ рощами апельсиновыхъ, лавровыхъ, лимонныхъ и померанцевыхъ деревъ; они далеко провожаютъ путешественника, спускающагося въ долину. Долина эта есть райскій садъ; крупныя горы возносятся по бокамъ ея; а впереди, на берегу моря, лежатъ вся Палерма съ безчисленными загородными домами, которые разбросаны въ безпорядкѣ среди садовъ. Любуясь природою, въѣхали мы въ Палерму. Толедская улица была ужѣ убрана искусственными гирландами цвѣтовъ и кулисами, на коихъ написаны были восклицанія: *Vivat santa Rosalia, Vergina Palermitana!* и *Vivat il Reale sua famiglia!* (т. е. да здравствуетъ Св. Розалія, Дѣва Палермская! Да здравствуетъ Король и весь его домъ!) Движеніе толпы и носящійся гулъ предвѣщали большое торжество. Мы поспѣшали, послѣ шруднаго путешествія, насладиться покоемъ, чпобъ приготоовить себя къ усалостямъ другаго рода, — къ пати-дневному празднеству.

Г Л А В А XIV.

ПАЛЕРМА. — МОНТЕ-РЕАЛЕ.

La nuit n'a plus d'asyle; au-dehors la clarté
Pénètre des jardins la vaste obscurité. . .

(*Thomas. la Petr.*)

Праздникъ *Св. Розаліи* въ Палермѣ, есть безъ сомнѣнія одно изъ великолѣпнѣйшихъ народныхъ увеселеній. Въ 1624 году, ужасная моровая язва завезена была въ сей городъ, изъ Африки; всѣ почти жители оставили свои дома и распростирались спрахъ по окрестностямъ; въ это время, одинъ спрѣлокъ скрылся на вершинѣ горы Пеллегрино, и жилъ тамъ въ пещерѣ, питаясь своею охотою. Въ одну ночь, занятый несчастіями своего опечесства, онъ увидѣлъ во снѣ молодую дѣву, копорая, назвавъ себя Розаліею, велѣла ему найсти ея кости въ одной изъ пещеръ сей горы и перенести ихъ въ Палерму, сказавъ, что чрезъ это самое язва прекратится. Спрѣлокъ былъ пораженъ именемъ Розаліи, которое слишкомъ было извѣстно въ Палермѣ. Дѣвица сія, жившая въ XII столѣтіи, принадлежала одной извѣстной Палермской фамиліи Бароновъ *Синибальди*, донынѣ еще существующей. Несчастливая страсть и любовь къ религіи заставили ее оставить пышность своего дома и свѣтъ, и уда-

лилась въ пустыню; дикая пещера горы Пелле-грино была ея жилищемъ; а попомъ ея гробомъ. И такъ, человекъ сей не медля поспѣшилъ возвѣ-спити сонъ свой правителямъ города. Кости Розаліи были найдены, перенесены въ Палерму, и язва прекратилась. Церковь признала ее за свя-тую; городъ назвалъ ее своею покровительницею, и установилъ, въ знакъ благодарности, ежегодное пятидневное празднество, начиная съ 15-го Іюля, (день перенесенія ея костей) — и вопль уже болѣе 200 лѣтъ, какъ совершается это празднество.

Напѣ Консулъ, Г. *Болоньи*, предложилъ намъ свой балконъ, на Толедской улицѣ, по коей слѣ-дуютъ всѣ процессіи.

Главное украшеніе сего торжества, состо-итъ въ колесницѣ огромной величины, — если только можно называть симъ именемъ подвижное зданіе, превышающее всѣ дома Палермы. Въ мое время (ибо ежегодно спроехъ новую таковую машину) колесница сія была сдѣлана слѣдующимъ образомъ: на широкой платформѣ, богато-драпи-рованной, утверждень былъ величайшій глобусъ, украшенный звѣздами, облаками и ангелами; на верху сего глобуса, нѣсколько дѣвъ, сплесья рука съ рукою, съ развѣвающимися одеждами, состав-ляли кругъ; а надъ ними, на самой ужé вершинѣ, видна была на облакѣ, Св. Розалія, увѣнчанная звѣздами и какъ бы возносящаяся на небо! Все это сдѣлано съ большимъ искусствомъ и удив-

ляеиъ взоръ. Прибавьте къ сеиу, что выше-сказанная платформа наполнена 50 человекамиму-зыканиповъ со всѣми инструментами. Въ первый день, когда вся Толедская улица и всѣ балконы, окна и террасы покрыны уже были зрителими, выстрѣлъ изъ пушки возвѣстилъ начало празднества. Оириадъ кирасиръ, въ Испанскихъ костюмахъ, предводиый церемониймейстеромъ, пышно одѣтымъ, — оикрылъ ходъ; за нимъ шли нѣсколько пѣшихъ солдатъ, попомъ скороходы. Тутъ воцарилось глубокое молчаніе . . . всѣ глаза устремлены были къ porta Felice (имя городскихъ воротъ), оикуда шествовала процессія. Вдругъ появился преснарълый всадникъ изъ числа офицеровъ поминуемыхъ кирасиръ; онъ провозглашалъ соблюденіе порядка; но болѣе былъ занятъ управленіемъ своей лошади, которая — чувствуя искусство сѣдока, въ одну минуту сшибла его съ сѣдла: перья и паланъ рыцаря разлетѣлись въ стороны, нога его осналась въ стремени, но добрая лошадь осналась неподвижною . . . Громкій смѣхъ покрылъ героя, который наконецъ, съ помощію предстоящихъ, опять завладѣлъ своею лошадью и уже шагомъ, но весьма гордо, направился по улицѣ.

Вскорѣ, непринужденные клики радости возвѣстили появленіе колесницы. Зрѣлище это можетъ назваться единственныиъ: колоссальное зданіе влеклось полсонию спрашныхъ буйволовъ, по 4 или по 5 въ рядъ; животныя сии были убра-

ны цвѣтами, имѣя на себѣ нѣсколько форрейшорвъ въ спранныхъ одеждахъ и съ перьями на шляпахъ. Колесница останавливалась на каждыхъ пятидесяти шагахъ, и тогда, сладкіе звуки оркестра раздаются по улицамъ, музыка играетъ четверть часа. Мы были довольно счастливы, что процессія остановилась возлѣ насъ; статуя Св. Розаліи была тогда выше крыши нашего чепырехъ - этажнаго дома. Трудно вообразить великолѣпіе сего зрѣлища; со всѣхъ оконъ, балконовъ и террасъ спущены богатые ковры; сколько зрителей повсюду! Какая роскошь въ дамскихъ нарядахъ! Обольщенные взоры разбѣгаются во всѣ стороны, колесница останавливается на пропущенной конечности города, у новыхъ воротъ (porta nova). До половины ночи весь городъ иллюминированъ такъ роскошно, что ночь превращается въ день. Вся Толедская улица и набережная покрыты пѣшеходцами и экипажами. Вотъ первый день.

Два слѣдующіе, опредѣлены на конскія ристанія, совсѣмъ необыкновеннаго рода; нѣсколько паръ или проекъ лошадей, разныхъ породъ, спориваются, сами собою, скоростъ бѣга; ибо онѣ безъ сѣдоковъ и движимы собищеннымъ самолѣбомъ; а болѣе всего двумя пузырями съ выходящими изъ нихъ гвоздями; сіи пузыри привязываются по обоимъ бокамъ лошади, и удары ихъ, во время бѣга, дѣйствительнѣе всякихъ шпоръ. Такъ какъ Толедская улица идетъ прямо чрезъ весь городъ, то лошади пускаются опѣ воротъ Фели-

че (Felice), а останавливаются у противоположных *новыхъ воротъ* (porta nuova), на другомъ концѣ города. Для соблюденія равенства при покупке лошадей, онѣ изкупаютъ на недоуздахъ кольца, сквозь которыя пропущена веревка, выдергиваемая по выстрѣлу. У назначенной цѣли 모여 прятать за порядкомъ чиновники и распределяютъ хозяевамъ лошадей денежныя награды по определеннымъ правиламъ. При этомъ, такъ какъ и въ Англіи, многіе держатъ изрядные заклады за лошадей имъ знакомыхъ. Бѣгъ сей, есть одно изъ любимѣйшихъ удовольствій Палермской толпы, которая находится тогда въ большомъ движеніи. Выигравшіе хозяева возвращаются съ барабаннымъ боемъ, на своихъ лошадяхъ, увѣнчанныхъ тогда цвѣтными перьями. Прежде, бѣгъ сей производился съ сѣдоками; но такъ какъ случались большія несчастія, по причинѣ скользкости плинтъ, которыми вымощенъ городъ, то обыкновеніе это отменено Правительствомъ.

Съ наступленіемъ вечера возобновляются иллюминація и гулянья по набережной и по Голедской улицѣ.

Въ четвертый день, огромная колесница возвращается поѣхать же пушемъ и съ тѣмъ же обрядомъ; но къ вечеру, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ церковныхъ обрядовъ ожидаетъ зрителей въ соборѣ Св. Розаліи. Съ самаго утра, собираются уже, на площади сего собора, *подвижныя часовни*

всѣхъ городскихъ церквей. Наружность ихъ весьма спранны: каждая изъ нихъ составляетъ зданіе, часто о двухъ или трехъ этажахъ, равняющееся съ иными домами и наполненное грубыми изваяніями святыхъ. Весь день занимающа устроеніемъ свѣчей и площаекъ по симъ многочисленнымъ часовнямъ, равно какъ и по всему собору. Площадь эта представляетъ тогда самый блестящій видъ для живописца. Кисть *Каллота* нашла бы тутъ неиспощимые предметы. Надобно видѣть, съ какимъ усердіемъ поклонники вѣчаютъ своихъ святыхъ цвѣтами, лентами и покрывалами. Часовни сіи, окруженныя несмѣнною толпою, представляютъ тогда видъ пестрыхъ Китайскихъ башенъ. Но съ наступленіемъ вечера, весь соборъ, быстро одѣвается нѣсколькими пышными разноцвѣтными планетъ и представляетъ тогда нѣчто волшебное! Восточная, легкая архитектура даетъ сему зданію видъ необыкновенный. Внутреннее освѣщеніе соперничествуетъ вполне наружному. Блескъ онаго ослѣпительнѣе, чѣмъ болѣе, что стѣны покрыты бѣлымъ гипсомъ, гдѣ отражаются безчисленные огни. Пышность одеждъ, великолѣпіе обряда, военная стража въ богатыхъ Испанскихъ мундирахъ и съ алембардами, красота женщинъ, сладкіе звуки органовъ — все это очаровываетъ чувства. Тутъ присутствуетъ Вицeroй; приѣздъ и выѣздъ его исполнены великолѣпія: позолоченная карета служитъ ему тогда экипажемъ; она увѣнчана, по угламъ, пучками бѣлыхъ сирисовыхъ перьевъ; ими же укра-

шены шесть лошадей въ богатой збруѣ; лакеи и кучера одѣпы соопвѣтственно сему, и — въ до-
бавокъ, нѣсколько скороходовъ съ пылающими фа-
келами, бѣгутъ впереди.

Позднѣе, открылся балъ въ дворянскомъ ка-
зино, или клубѣ.

Но пятый и послѣдній день ознаменованъ
самою шумною радостью и спранныю церковною
процессіею: вскорѣ послѣ обѣда поднимаются на-
родомъ съ соборной площади всѣ подвижныя ча-
совни, въ полномъ ихъ украшеніи, и сіи много-
этажныя башни медленно шествуютъ по Толед-
ской улицѣ, предводимыя всѣмъ духовнымъ приче-
томъ той церкви, откуда онѣ взяны. Замѣшые,
что изваянія свяпыхъ, находящіяся въ часовняхъ,
обставлены свѣчами; но пакъ какъ, отъ неровнаго
движенія несущихъ, свѣчи сіи часно падаютъ
вмѣстѣ съ другими украшеніями, которыми обре-
менены лики свяпыхъ, то подлѣ расщепренныхъ
изваяній сидятъ нѣсколько людей, въ неопряп-
ныхъ одеждахъ, безпрестанно заботясь о поряд-
кѣ своихъ часовенъ. Изъ всѣхъ сихъ движущихся
башенъ отличаетсѣя высокою и убраннымъ со-
борная часовня Св. Розаліи. Но всего любопытнѣе
видѣны шествіе снапуй свяпыхъ *Козмы* и *Да-
міана*, покровителей мореходцевъ. Изваянія сіи
находятсѣя не подлѣ крышею, но утверждены на
плашформѣ; они сдѣланы въ роспѣ человѣческой;
— ихъ несутъ, или — правильнѣе сказати — вле-

купъ, съ громкими восклицаніями, толпы мапросовъ. Въ заключеніе этой процессіи слѣдуетъ настоящій гробъ Св. Розаліи, съ ея мощами. Гробъ сей — весь изъ липаго серебра и украшенъ драгоценными камнями.

Къ вечеру приготовленъ былъ на набережной большой фейерверкъ. Приглашенные для сего зрѣлища, здѣшнимъ Видеромъ, Княземъ Купно, мы прибыли въ прекрасный дворецъ Князя Бутеры, занимающій лучшую часть набережной; туда собирается все знатное дворянство. Намъ принесли на перрасъ, которая была наполнена Палермскими вельможами, въ богатыхъ мундирахъ, — и нарядными дамами. Звукъ очаровательной музыки плѣняли слухъ до начала фейерверка, который былъ великолѣпенъ. Всего прекраснѣе было видѣть толпу, который сожгли посреди моря на корабляхъ и шлюпкахъ. Море было чрезвычайно тихо и отражало разнообразную игру огней.

По сожженіи фейерверка, всѣ направились въ публичной садъ (Villa Giulia), который предсталъ взорамъ весь въ огнѣ, иллюминированный съ большимъ вкусомъ. Свѣтъ огня давалъ совсѣмъ необыкновенный цвѣтъ зелени деревь; высокіе платаны были искусно освѣщены до самой вершины; алеи апельсиновыхъ деревь представляли огненные спѣны, водометы сыпали алмазы. Сколько прелесныхъ лицъ видно было на сей разъ безъ докучныхъ покрывалъ, которые разбѣгались небрежно по плес-

чамъ! Сколько случаевъ для любви, которая въ это время не дремлетъ... Общее веселіе заставляетъ забывать свѣтское приличіе, и тогда матери и мужья глядятъ на все сквозь пальцы. Самая живая радость написана на лицахъ. Какъ пропшворѣчаютъ ослѣпительный свѣтъ и шумъ веселящихся, съ мракомъ и тишиной ночи, царствующихъ въ вышинѣ!— Какъ великолѣпно это темное небо, осыпанное миллионами звѣздъ!.. Поздно ославляется сія прогулка, для другой; всѣ сядыся въ свои экипажи и отправляются на Толедскую улицу. Въ этотъ день ея освѣщеніе превосходитъ всѣ иллюминаціи прочихъ дней. На этой прогулкѣ истощена вся пышность экипажей и нарядовъ. Толедская улица, во всю длину свою покрыта, въ при ряда, колясками и открытыми каретами, которыя сѣзжаются весьма близко. Прекрасная прогулка сія кончается блестящимъ образомъ пышное торжество. Уже недалеко разсѣсть, когда всѣ разсѣзжаются, провожаемые факелами.

Возвращаясь домой, я замѣтилъ на многихъ улицахъ подвижные лимонадные буфеты, изъ коихъ нныя украшены исторіею Св. Розалін: она представлена выходящею изъ пещеры на-встрѣчу ерѣлку, удалившемуся на гору Пеллегриню. Это изображеніе окружено свѣчами, — и толпа народа тѣсилась вокругъ буфетовъ.

Празднество сіе, не смотря на суевѣріе и суиранности, коими оно исполнено, имѣетъ въ

себѣ нѣчто весьма торжественное — и есть единственное зрѣлище въ своемъ родѣ.

На другой же день я видѣлъ разрушеніе блестящей колесницы Св. Розаліи; къ вечеру зданіе сіе уже не существовало.

За нѣсколько дней до отъѣзда нашего изъ Палермы, я посѣпилъ Аббатство города Монте-Реалья; мы проѣзжали его, возвращаясь изъ перваго нашего путешествія, на разсвѣтѣ, — и не могли тогда ничего осмотрѣть. Прекрасное шоссе ведетъ туда, чрезъ всю несравненную Палермскую долину; въѣздъ на гору украшенъ перилами, каменными скамьями и небольшими водомедами подъ навѣсами апельсиновыхъ деревьевъ и платановъ, гдѣ находятъ сладостное отдохновеніе проходящіе. Видъ этой горы еще обширнѣе, чѣмъ съ террасъ Маврскаго замка, Цизы. Это совершенно Обѣшанная земля. Я замѣтилъ съ высоты Монте-Реалья, въ синей дали моря, группы *Эоловыхъ* острововъ, конхъ и не видалъ прежде.

Монтереальское Аббатство основано Вильгельмомъ II, прозваннымъ: *добрыиѣ*. Древняя архитектура оного, нравится. Главная церковь была великолѣпна, но она сдѣлалась добычею пламени въ 1811 году; теперь ее мало по-малу опдѣлываютъ, но гораздо съ большею простотою; высота сводовъ сей церкви и ряды готическихъ

колонны имѣютъ нѣчто великое. Пожаръ пощадилъ мозаическую работу, похожую на Византійскую. Тутъ показываютъ двѣ гробницы, любопытныя по готическимъ своимъ украшеніямъ. Въ одной хранится прахъ Вильгельма *Злаго*, съ 1177 года, а въ другой Вильгельма *Добраго* съ 1545-го года. Тутъ же находится гробъ со внутренностию Св. Лудовика, Французскаго Короля, умершаго передъ Тунисомъ, отъ чумы, и вскрытаго въ Палермѣ. Подлѣ сей церкви есть небольшой, но богатый придѣлъ изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, гдѣ показываютъ чрезвычайно-искусную рѣзбу знаменитаго *Каджии*.

Въ сѣняхъ рефекторіи находятся двѣ отличныя картины славнѣйшаго живописца Сициліи, Петра *Новеллы*, прозваннаго *Монреалезомъ*, по рожденію его въ семь мѣстѣ; а въ самой рефекторіи показываютъ лучшую его картину — *бракъ св. Катъ Галлилейскомъ*. Кисть его очень жива; онъ весьма близко подражалъ *Эспаньолету* и даже *фавъ-Дейку*. Онъ жилъ въ 1660 году-

Жилище Бенедиктянъ, коихъ ордену принадлежитъ сіе Аббатство, роскошно; оно образуетъ обширный квадратъ. Болѣе 200 готическихъ колоннъ изъ бѣлаго мрамора поддерживаютъ кругомъ своды. Къ нему принадлежатъ тѣнистый и плодоносный садъ, на прелестномъ мѣстоположеніи, откуда видна Палерма и море. Все это дѣлаетъ жизнь братіи опрадною. Они же владѣ-

топъ большаго библіотекаго и кабинетомъ медалей. Неподалеку отъ Монте-Реали, находилъсь другое Аббатство, Св. Мартина, не менѣе великолѣпное; но время не позволило мнѣ осмотрѣть его.

На возвратѣ моемъ въ Палерму, я видѣлъ на одной дачѣ, какъ поливаютъ гряды въ огородахъ и садахъ. Вода проведена изъ сосѣднихъ горъ чрезъ всѣ окружныя сады. Въ каждомъ есть небольшое водохранилище; изъ него проведены желобки по грядамъ. Владѣнцель сада имѣетъ право пользоваться пущенною водою, въ продолженіе $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ часа, смотря по пространству мѣста; послѣ чего вода переходитъ къ другимъ. Во время засухъ, кои здѣсь не рѣдки, правительствовало строгое наблюденіе за сохраненіемъ положенныхъ правилъ. Тутъ же намъ показывали манныя деревья, которыхъ сокъ составляетъ большую торговлю Палермитянъ. Дерево сіе походитъ на вязъ; въ самыя большіе жары, въ Іюнѣ или Іулѣ, изъ наскѣки на его корѣ, выходитъ густой, бѣлый сокъ, похожій на капающій воскъ. Самая лучшая мана есть та, которая образуетъ при своемъ теченіи длинныя свисолы; вкусъ ея припороно-сладокъ. Манныя деревья, произрастающія въ Сициліи, предпочитаютъ Калабрійскимъ.

Я съ сожалѣніемъ видѣлъ приближеніе моего отпѣзда изъ Палермы. Мы наняли *стеронару*, отплывавшую въ Мессину; все было готово, и только ожидали вѣтра.

Прости, Палерма! завидный уголокъ земли!
Какъ часто, бродя подъ вѣчнояснымъ небомъ
твоимъ, въ пѣни благовонныхъ рощъ, вблизи
тихоплещущаго моря, находилъ я пакія убѣ-
жища, которыя заставляли меня не разъ воскли-
цать съ Виргилиемъ, переносясь сердцемъ на
сѣверъ:

Hic, gelidi fontes; hic mollia prata, Lycori;
Hic nemus; hic ipso tecum consumere aevum!.. (1).

---

(1) E cl. X.

Здѣсь рощи, здѣсь ручьи, здѣсь мягкій дернъ, о Лила!
Ахъ! если бъ здѣсь, мой другъ, жизнь наша проходила!

Г Л А В А XV.

ОТПЛЫТИЕ ИЗЪ ПАЛЕРМЫ. — ТЕРМИНИ. — ЧЕФАЛУ.

Dove tante altre città di tempo in tempo distrutte?
Hoggi v'hà qualche fama, e segno appena, che furono
una volta in detti luoghi, ò pure in que' contorni...

(*Lancellotto. l'Hoggidi. p. 141, c. 13.*)

Вѣтеръ дѣлался попутнымъ, и хозяинъ нашей сперонары не замедлилъ придти за нами. Мы на-
шли тамъ слишкомъ много пассажировъ; хотя па-
латка принадлежала только намъ двумъ и одному
Мессинскому *Кавальеру*, но не менѣ того, прочее
общество, будучи весьма стѣснено, предвѣщало
намъ безпокойство; поздно уже было дѣлать дру-
гія распоряженія: подняли паруса, и въ половинѣ
одиннадцатаго часа мы быстро удалились отъ
береговъ роскошной Палермы.

Противоположность дикихъ горъ сего бере-
га, съ цвѣтущими долинами у подошвы ихъ, —
прелестна. Мы плыли вдоль веселыхъ береговъ
Багарин, украшенныхъ селеніями и фруктовыми
рощами. Вонъ гора *Катальфано*, чьи нагія ребра
были некогда покрыты зданіями древняго *Солун-
та*. Вскорѣ приблизились мы къ скаламъ мыса
Зафарано; но шумъ, попутный вѣтеръ насъ вне-
запно оставилъ — и мапросы принялись за весла.

Сей живописный мысъ обращаетъ на себя вниманіе плавателя; конечность его, выдававшаяся въ море, составлена изъ пирамидальной скалы, совершенно опдалившейся опъ береговыхъ скалъ; она походнишь на надгробный памятникъ, воздвигнутый, по обыкновенію древнихъ, на берегу моря. Виргилій, который такъ живо нарисовалъ въ нѣсколькихъ стихахъ восточный и южный берегъ Сициліи, вѣрно бы посвящалъ одинъ стихъ сему примѣчательному мысу, если бъ его Эней долженъ былъ плыть вдоль сѣвернаго берега. Прошедши мысъ Зафарано, открывається заливъ, образованный плодоносными горами; тупъ, на другомъ мысѣ, видѣнъ городъ *Термини*, съ прекраснымъ водопроводомъ, который направленъ изъ горъ. Это древняя Гимера. Привѣтствую опечество славнаго *Стезихора*! Звонкая лира его раздавалась по всей Греціи; она пробуждала высокія чувства въ его согражданахъ, — и лучшимъ украшеніемъ ихъ города была его статуя. (1) Онъ воспѣвалъ славу и свободу. Гимерійцы, пріобрѣвшіе уже большую знаменитость, хотѣли избрать въ свои полководцы Фаларида, пирана Агригентскаго, и разсуждая о составленіи для него значительнаго числа плѣдохранителей, спрашивали о томъ мнѣніи Стезихора. Поэтъ опвѣтствовалъ имъ слѣдующимъ апологомъ: „одинъ борзый конь, облада- „тель тучныхъ пажитей, пасся, дыша золотомъ „свободою; но пришедшій случайно изъ сосѣднихъ

---

(1) Cic. in Verr. II.

„земель, олень, поправилъ его цѣлующіе луга. О-
„скорбленный сею обидою конь, просилъ совѣпювъ
„у челоѣка, для опомщенія наглому оленю. Чело-
„вѣкъ опѣѣиспововалъ: ты долженъ покмо позво-
„мшь мнѣ наложмшь на тебя узду и вооруженно-
„му копьемъ влѣзшь на пвою спину: тогда дерз-
„кій олень скоро воспріиметь должное наказаніе.
„Совѣшь сей понравился коню; онъ согласился на
„предложеніе челоѣка; но что же? вмѣсто оп-
„мщенія врагу своему, онъ самъ оспался въ вѣч-
„номъ порабощеніи у челоѣка.“ Гимерійцы поня-
ли смыслъ аполога, отказались опъ помощи Фа-
ларидовой и сами собою защищили свободу свою.
Гимера основана была за 649 л. до Р. Х. Мамерпни-
цами, переселившимися изъ Занкла, или Мессины.
Термини построены на развалинахъ *Гимерійскихъ*
термовъ или *банъ*, при успѣхъ рѣки того же имени.
Горячія воды сего города, славившіяся въ древно-
сти, не потеряли своихъ цѣлебныхъ свойствъ и
привлекаютътуда болящихъ. Повѣспвуютъ, что
Геркулесь, обпекая Сицилію и упомясь пупемъ,
остановился на этомъ мѣспѣ, гдѣ услужливыя
Нимфы источили изъ земли два теплые потока,
для его бани. (1) Нѣсколько камней и надписей
свидѣтельспвуютъ еще о древнемъ городѣ, нахо-
дившемся не много подалѣе нынѣшняго, на мѣ-
спѣ, называемомъ: *buon fornello*. На этомъ луго-
вомъ берегу, тамъ, гдѣ пасутся теперь стада,
происходила знаменитая битва между Сиракузя-

---

(1) Pind. Olymp. XII. и Diod. Sic. VI.

нами соединенными съ Агригенпями, подъ водителствомъ Гелона, — и Карѳагенцами, подъ начальствомъ Амилькара, который здѣсь погибъ. Битва сія была одною изъ ужаснѣйшихъ въ Испоріи, и весьма замѣчательно, что въ этотъ же самый день, Леонидъ палъ съ 300 Спартанцами сражаясь пропиву Керкса, въ проходѣ Термопильскомъ. Гелонъ имѣлъ только 55,000 войска пропиву 300,000 Карѳагенцевъ, и не смотря на то, одержалъ блистательную побѣду. Перехвативъ случайно гонца Селиноптянъ, увѣдомлявшихъ Карѳагенцевъ, (подъ чьимъ владычествомъ они находились) что пребуемая ими конница явится въ назначенный день, — Гелонъ возымѣлъ отважное предпріятіе предупредить Селиноптянъ; онъ выслалъ на встрѣчу Карѳагенцамъ свою собственную конницу, въ надеждѣ, что они, принявъ ее за союзную, впускатъ ее въ свой укрѣпленный станъ. Успѣхъ увѣнчалъ сію военную хитрость Гелонъ увидѣвъ своихъ всадниковъ, поражающихъ непріятелей, которые тогда были заняты жертвоприношеніемъ Нептуну, — напалъ на нихъ всѣми силами, и въ нѣсколько часовъ разбилъ столь грозную армію, потерявшую 150,000 человекъ! Геродотъ говоритъ, что Амилькаръ бросился тогда въ горящій костеръ, служившій для жертвоприношенія, за тѣмъ, чтобъ неопасъся живымъ въ руки непріятелей. (1)

---

(1) Herodot. lib. VII, c. 167.

Тихая ночь заспигла насъ посреди залива *Гилерійскаго*; мапросы вспрѣпили ее сладкозвучнымъ гимномъ Св. Маріи Дѣвѣ; пѣснь ихъ далеко разносилась по пихоплещущимъ волнамъ, и погружала насъ въ задумчивость. Огни береговыхъ селеній начинали уже мелькать по скапамъ синѣющихъ горъ, и промышленные рыбаки выѣзжали съ фонарями изъ приопныхъ заливовъ, на ночную ловлю. Наши пассажиры, клонимые сномъ, непримѣнно придвигались къ нашей палаткѣ; предчувствіе наше исполнилось,—и чрезъ нѣсколько часовъ, пользуясь качкой, опъ поднивагося проотивнаго вѣтра, они такъ распространились, что палатка наша, за-мѣсто насъ прехъ, вмѣщала уже около десяти человекъ. На морѣ, совершенное равенство непримѣнно водворяется въ обществѣ, и мы, не смотря на права наши, купленные деньгами, не могли рѣшиться удалить безпокоющихъ насъ. Спутники наши, Мессинцы, были большіе охотники до сказокъ; цѣлые вечера и часъ ночи посвящены были ими на сіи бесѣды; они садились въ кружокъ; — а посреди, старуха лѣтъ семидесяпи, повѣсповала имъ небылицы; въ слѣдъ за нею каждый по очереди предлагалъ свою сказку, и если бъ я лучше понималъ по-Сицилійски, то могъ бы найти предметы для новаго *Дскамерона*. Долгое пребываніе, въ Сициліи, Арабовъ и Сарациновъ, весьма замѣтно въ обычаяхъ и нравахъ Сицилійцевъ. Сказки сіи суть наслѣдіе сихъ народовъ, и я замѣнилъ, что сцены ихъ, происходящія по

большой части въ Варваріи, Испаніи и Аравіи, всё основаны на любви.

Къ утру, съ помощію весель, мы находились въ виду города *Чефалу*; но противный вѣтеръ насъ не оставлялъ и выведя наконецъ весь экипажъ изъ перифніи, принудилъ насъ пристать къ сему городу, для ожиданія попутнаго, на который не надѣялись мы прежде ночи, ибо всегда съ ея наступленіемъ подымаеися вѣтеръ съ берега. Съ приближеніемъ нашей сперонары, карантинные чиновники вышли къ намъ на-встрѣчу, и едва мы коснулись земли, какъ уже одинъ изъ нихъ повелѣлъ намъ не приступать далѣе двухъ шаговъ, и вызывалъ сперонарщика съ паспортомъ. Сей, вынувъ огромный листъ и разложивъ его по груди и животику, важно выступилъ впередъ; чиновникъ надѣлъ очки, сложилъ руки за спину, робкими шагами подошелъ къ нему и пропаявъ далеко голову, началъ по его паспорту перекликать весь экипажъ, и наконецъ спросилъ на честное слово, не касались ли мы береговъ Африки или какого Варварійскаго судна, — и тогда только открылся намъ путь въ городъ.

Городъ *Чефалу*, въ древности *Кефаледіумъ*, великолѣпно представляеися съ моря, и можетъ служить предметомъ оплчнаго ландшафта; онъ стоитъ на возвышенномъ берегу, у подошвы неприступной скалы колоссальнаго и чрезвычайно живописнаго вида. Основаніе Кефаледіума не извѣ-

спино; но судя по нѣкошорымъ оспаткамъ опгъ спгнѣнъ города, должно приписать оное глубокой древности. Стѣны сіи принадлежатъ такъ называемому *Циклопейскому сооруженію*; огромные камни, изъ коихъ они состоятъ, оспавлены въ природномъ ихъ видѣ; они плотно соединены, но совсѣмъ безъ извеспи и только въ связяхъ своихъ обшесаны — и очень гладко. Сей образъ водчества имѣетъ нѣчто величественное въ своемъ дикомъ образованіи. На вершинѣ скалы показали намъ другія развалины того же сооруженія. Замѣчательно, что одни только углы сего зданія обшесаны, и что двери имѣютъ правильную Архитектуру. Видъ опшуда на горные берега залива, коего конечноспи состоявлены скалою города Чесфалу и мысомъ Зафарано — прелестенъ! Знаменипые Эолловы оспрова, лежащіе опсюда къ сѣверо-востоку, начинающъ уже довольно ясно обозначаться.

Мы посѣтили здѣшнюю соборную церковь, вoadвигнутую во имя Спасипеля, Рогеромъ, по случаю избавленія его опгъ погибели, во время бури, засшгшей его въ морѣ, на пути изъ Неаполя въ Иалерму. Соборъ сей спшоптъ у самой подошвы вышепомянутой скалы, и дѣтъ башни его господспвуютъ надъ городомъ. Колоссальное изображение Спасипеля, изъ мозаиковъ, находится надъ алтаремъ, въ глубинѣ свода; ряды древнихъ колоннъ, собранныхъ изъ разныхъ языческихъ храмовъ, дѣлаютъ большое украшеніе. — Городской чичероне сказалъ намъ, что тушъ естъ одна карпина

Рафаэля; я съ жадностію поспѣшилъ видѣть ее; но нашедъ, что она ни мало не походилъ на живопись сего художника, не смотря на ея достоинство, посоветовалъ нашему чичерони поучиться своему ремеслу; крайне симъ обиженный, онъ пригласилъ на судъ всѣхъ бывшихъ въ церкви канониковъ, едва кончившихъ обѣдню; они всѣмъ соборомъ дали ему пошъ же совѣтъ, и объяснили намъ причину ошибки славнаго чичерони, шѣмъ что *Новелло Монреалезъ*, написавшій сію карпину, называется *Рафаэлемъ Сициліи*, а онъ принялъ прозваніе за имя. Кефаледіумъ, выспроенный на самый вершинѣ скалы, имѣлъ чрезвычайно прудный доступъ. Сіе древнее мѣстоположеніе города было еще обипаемо во время Рогера, который для удобности перевелъ жителей въ низъ. Фацелло, говоритъ о *великихъ развалинахъ* храмовъ Дорическаго ордена, которыя существовали еще тамъ при немъ. (1)

Знаменитый Рогеръ, въ грамотѣ, данной имъ собору Чефалѹ, изъявилъ желаніе быть въ немъ погребеннымъ. Между прочимъ онъ завѣщалъ, чтобы сверхъ порфировой гробницы, въ которой онъ долженъ быть положенъ, соорудили бы здѣсь другой памятникъ, для украшенія церкви и (говоря собственными его словами) — *для славы моего имени!* Въ Чефалѹ считались 8,000 жителей, и — какъ неподвижныя! — 10 монастырей!!

---

(1) Faz. I. Lib. VIII, c. 3, p. 198.

Въ четыре часа послѣ обѣда подулъ популярный вѣтеръ, и мы оставили Чезалѹ. Объѣхавъ мысъ *Росигельби*, мы быстро направились къ мысу *Орландо*. Высокія горы, составляющія берега, сначала дики, но — пройдя мѣстечко *Тузу*, покрыты густымъ лѣсомъ. Цѣпь этихъ горъ, слѣдуя *Дю-дору*, называютъ: *montes aeri*; (1) онѣ были такъ плодоносны, что насыпили нѣкогда цѣлую *Каррагенскую* армію, истощенную голодомъ. Въ одной изъ ихъ тѣнистыхъ рощъ родился, опъ *Меркурія* и одной *Нимфы*, *Дафнисъ*, названный симъ именемъ по множеству распущихъ здѣсь лавровъ. (2) Онъ нѣжно былъ воспитанъ своею матерью, и обладая многими сподами, былъ прозванъ *buculos*; (3) одаренный опъ природы пылкимъ воображеніемъ, онъ изобрѣлъ въ часы досуга, *буколигескій* размѣръ стиховъ, и такимъ образомъ былъ изобрѣтаелемъ пастушеской поэзіи, которая въ послѣдствіи, такъ прославилась геніемъ *Теокрита* и *Мосха*.

Въ небольшомъ разстояніи опъ *Тузы*, былъ нѣкогда городъ *Галессо* или *Алессо*, построенный за 403 г. до Р. X. и прозванный: *Архонидовъ*, — по имени ея основателя. (4) Опъ сего города осталось только нѣсколько камней. *Солинъ*, (5)

---

(1) Lib. IV. in fine. — Cluv. Sic. Ant. p. 326. — Faz. 1. VIII.

(2) δαφνῆ, лавръ. См. гл. I. Введ.

(3) Т. с. пастухъ.

(4) Diod. Sic. L. XIV.

(5) Solin. c. V.

описывая Сицилію, рассказываетъ съ важностію чудную басню про одинъ источникъ, находившійся близъ сего города. Вошъ его слова: „Въ окрест-
„носахъ Галессы находился источникъ; воды
„его, текутъ медленно и ничѣмъ не возмущаются,
„пока все кругомъ тихо: но если кто заиграетъ
„на свирѣли, то вдругъ начинаютъ волноваться,
„плескаться и даже выходить изъ береговъ своихъ,
„какъ бы подвижные сладостью звуковъ.“ Объ
этомъ говорятъ также нѣкоторыя другіе писа-
тели. (1) Сколько Мнѳологіи, сколько поэзіи при
каждомъ шагу на семъ островѣ!

Мы прошли въ виду большаго мѣсечка, на-
зываемаго *Каронія*; въ древности: *Калакта*; оно
живописно построено по скану плодоносной горы;
мѣсто сіе оправдываетъ свое древнее наименова-
ніе, которое есть Греческое (*Καλὴ ἄκτις*) и зна-
читъ *прекрасный берегъ*. Приближаясь къ мысу
Орландо, видно, на высокой горѣ, мѣсечко *Сан-*
Марко, гдѣ, полагаютъ, находился древній городъ
Агатириули.

Съ захожденіемъ солнца, приблизились мы къ
мысу *Орландо*. Скала, имѣющая видъ пугаго ко-
нуса, образуетъ конечность мыса; на высотѣ ея
сплохъ древній замокъ, коего построение припи-
сываютъ Рыцарю Роланду. Фацелло свидѣтель-

---

(1) См. Cluv: Sic. Ant. p. 290.

ствуетъ о нѣкоторыхъ древнихъ развалинахъ, существовавшихъ въ его время на мысѣ Орlando. Клуверій заключаетъ, что на этомъ мысѣ находился городъ Мелакта, о коемъ упоминаетъ одинъ только *Силлій*. (1) Орландова скала замѣчательна по своей красотѣ; одна половина ея выстаетъ ряды черныхъ ребръ, изъ коихъ выходятъ кусты кактуса; другая же быстро покапаетъ, и составлена изъ слоевъ сѣрыхъ плитъ; основаніе окружено подводными камнями. Къ сей скалѣ примыкаетъ песчаная гора, съ телеграфомъ на ея высотѣ; а у подошвы, на плоскомъ берегу, выстроены жилища, похожія на магазины. Мы обходили этотъ мысъ на веслахъ, и я успѣлъ срисовать его. Въ ясную погоду видна отсюда Палерма и мысъ *Галло*. За симъ, открылся небольшой заливъ; веселые берега его плѣняютъ взоры; скалы горъ одѣты густыми фруктовыми рощами, между коими разбросано нѣсколько жилищъ. Мы прислали, чтобъ записать свѣжею водою, къ мысу, на которомъ построена рыбацья хижина въ тѣни шелковицъ; я воспользовался симъ случаемъ, чтобъ освѣжить себя купаньемъ; добрый рыбакъ вынесъ намъ сочные фрукты съ своихъ шелковицъ, — и они послужили прекраснымъ десертомъ для нашего ужина.

---

(1) Sil. Ital. lib. XIV. Lanigerà Melite et litus piscosa Melacta. См. Cluv. p. 296.

Г Л А В А XVI.

Острова Липарскіе. — Милацо. — Пролівъ Фаросскій. — Мессина.

Ast, ubi digressum Siculae te admoverit orae
Ventus, et angusti rarescent claustra Pelori,
Laeva tibi tellus, et longo laeva petantur
Aequora circuitu; dextrum fuge litus, et undas...

(*Virg. Aen. III*)

Мы плыли во всю ночь при проливномъ вѣтрѣ, который долго продержалъ насъ у мыса *Калава*. Съ разсвѣтомъ, мы находимся противъ самыхъ Эоловыхъ острововъ, жилища вѣтровъ; они красиво возносятъ верхи свои изъ волнъ; первый называется *Аликури*, второй — *Филикури*, третій (составленный изъ двухъ горъ) — *Салина*; четвертый, самый большой, *Липари*; пятый — *Вулкано*; шестой — *Панаріа*, а седьмой *Сиромболи*. Сей послѣдній клубилъ облака дыма: это вѣчно-горящій фаросъ Средиземнаго моря; всѣ огнедышащія горы имѣютъ дни и даже многіе годы отдохновенія; но сіе раскаленное жерло уже нѣсколько вѣковъ не преспаешъ изрыганъ пламя. Острова сіи суть царство Эола. Они ознаменованы баснословными преданіями Древнихъ. Въ нихъ полагали они жилище вѣтровъ и кузницы Вулкана. Вотъ великолѣпное Виргиліево описаніе сихъ

острововъ, куда припекла Юнона, чѣмъ скло-
нишь Эола на погубленіе Энеева флота:

Talia flammato secum dea corde volutans,
Nimborum in patriam, loca feta furentibus austris,
Aeoliam venit. Hic vasto rex Aelous antro
Luctantis ventos tempestatesque sonoras
Imperio premit, ac vinclis et carcere frenat.
Illi indignantes magno cum murmure montis
Circum claustra fremunt. Celsa sedet Aeolus arce
Sceptra tenens, mollitque animos, et temperat iras.
Ni faciat, maria ac terras coelumque profundum
Quippe ferant rapidi secum, verrantque per auras;
Sed pater omnipotens speluncis abdidit atris,
Hoc metuens; molemque et montis insuper altos
Imposuit, regemque dedit, qui foedere certo
Et premere, et laxas sciret dare jussus habenas.

(*Aen. lib. I. v. 50 — 63.*)

*

„Разгнѣванная богиня, вращая таковыя мы-
„сли въ умъ своемъ, нисходитъ въ Эолію, опичизну
„шучъ и свирѣпыхъ Эвровъ. Тамъ, Царь Эоль
„повелѣваетъ бунтующими въпрами и гремя-
„щими бурями, удерживая ихъ, крѣпкими узами,
„въ започеніи. Раздраженные — они попрысаютъ
„врага пемницъ своихъ и горы. Возсѣдя на вер-
„шинѣ скалы, Эоль, со скипетромъ въ десницѣ,
„смигчаетъ ихъ гнѣвъ и смиряетъ ихъ буйство.
„Безъ него, они умчали бъ съ собою и море, и землю,
„и глубокое небо, — и размешали бъ ихъ по эфирному
„пространству. Всемогуцій Зевесъ, предвидя сіе, за-

„ключилъ ихъ въ мрачныя пещеры и наложилъ на нихъ огромныя горы. Онъ поспавилъ надъ ними Царя, который, по предписаннымъ законамъ, по укрощаетъ, по ослабляетъ бразды ихъ.“

(Эн. кн. I. с. 50 — 63.)

Но тихая погода показывала намъ, что Эоль находился тогда въ миролюбивыхъ расположеніяхъ. (1)

Я плывъ, припоминая стихи сіи и окруженный мечтами золотыхъ вѣковъ; въ эту минуту, правящій подлѣ меня рулемъ, взявъ меня внезапно за руку, воскликнулъ: *Vedete, Signor, il monte Cibello: Посмотрите на гору Джибелло!* (2)— Дагдѣ же она? говорилъ я, ища ее жаднымъ взоромъ.— „Да зачѣмъ же вы глядите на землю, отвѣчалъ мнѣ мапрось; чшобъ видѣть ее, надобно глядѣть не на землю, а на небо:“ *per veder il Gibello, non e bisogna guardare la terra, ma il cielo!* Какую картину представляютъ сіи слова необразованнаго человѣка! Слова сіи, порожденіе восторга, не равняются ли съ выраженіемъ Пиндара, который называетъ Этну: *столпѣмъ неба?* Съ какимъ неописаннымъ чувствомъ восхищенія

---

(1) Я буду говорить подробности объ Эоловыхъ островахъ, на возвращеніи моемъ въ Неаполь.

(2) Такъ называютъ Сицилійцы *Этну*. *Gibello* или *Chibel*, сснъ слово Арабское, значащее *высокую гору*.

увидѣлъ я въ первый разъ сей страшный колоссъ! Онъ разспилался огромнымъ шапкомъ надъ всѣми горами Сициліи, и вершина его, далеко превышающая облака, казалась другою горою, утвержденною на нихъ; дымъ сего волкана разспилался далекою полосою по свѣшному небу . . .

Противный вѣтеръ заставилъ насъ спуститься къ скаламъ мыса *Монджіоіо* (*Mondgioio*), въ древности мысъ *Тиндарисъ*; на высотѣ его процвѣталъ городъ сего имени; Пизцеронъ называетъ его: *nobilissimam civitatem*. (1) На малыхъ остаткахъ опъ его развалинъ, построена теперь часовня Пресвятой Богородицы, прозванной *Тиндарійскою* (*Santa Maria di Tindaro*); тамъ можно еще видѣть нѣсколько древнихъ сводовъ и основаніе пелатра. Наконецъ мы достигли, лавируя, мыса *Милацо*; онъ имѣетъ большое протяженіе и представляется издали въ видѣ прехъ острововъ, тѣсно сближенныхъ вмѣстѣ; мы долго обходили его, и наконецъ открылся намъ обширный заливъ, на западной сторонѣ котораго виденъ былъ городъ *Милацо*, съ обширною гаванью.

Городъ увѣнчанъ крѣпостію и построенъ по скату холмистаго мыса, у соединенія его съ твердою землею. Рощи кипарисовъ, лавровъ, маслинъ и анельсинныхъ деревъ распусти по высотамъ;

---

(1) In Verr. Lib. III.

посреди нихъ видѣнъ монастырь и нѣсколько домовъ. Заливъ образованъ луговыми долинами; ихъ окружають цѣпи лѣсистыхъ горъ, — а надъ ними, въ концѣ перспективы, пылгопѣетъ синяя громада Эпны. Мы пристали въ Милацо, для высадки половины нашихъ пассажировъ, памошныхъ жителей, и были весьма рады избавиться пѣснопы. Мы употребили нѣсколько часовъ на осмотръ укрѣпленій; онѣ достойны вниманія; — Англичане, во время пребыванія своего въ Сициліи, усовершенствовали и привели ихъ въ то оборонительное положеніе, въ какомъ онѣ нынѣ находятся. Подъ основаніемъ замка показываютъ здѣсь обширную пещеру, копорую, не знаю по какимъ предположеніямъ, называютъ, пещерою *Полифема*. Мы не могли войти въ нее потому, что тамъ цѣлое стадо укрывалось отъ зноя. Помня несчастную судьбу спутниковъ Улиссовыхъ, мы не дерзнули нарушать ихъ покой. Здѣсь, по преданіямъ древнихъ писателей, (1) паслись стада Аполлона, подъ надзоромъ двухъ прелестныхъ Нимфъ, Лампеціи и Фазтузы, рожденныхъ отъ бога свѣта и Нееры. (2) Голодные спутники Улиссовы умертвили нѣсколько пельцовъ изъ сего священнаго стада, и — за преступленіе свое, погибли въ кораблекрушеніи.

---

(1) Ovid. Fast. lib. IV. Plin. L. II, c. 98. Appian. dicto bellor. civ. C. V. Appoll. Schol. in Argon. c. IV. et Cluverius. p. 506 — 7

(2) Hom. Odys. Lib. XII.

Воды залива Милацо ознаменованы морского битвою Римскаго флота, подъ начальствомъ Консула *Дуилія*, съ флотомъ Карфагенцевъ; побѣда Дуилія имѣла тѣмъ большую важность, что она была первымъ опытомъ Римскаго оружія на морѣ. Римляне, въ память сей блестящей битвы, воздвигнули такъ называемыя *роспралмыя* колонны, изъ коихъ одну видѣлъ я въ Римѣ на высотѣ Капитолійской.

Въ городѣ Милацо счисляютъ 6,000 жителей. Торгъ его, состоящій по большей части изъ глиняной посуды и вина, довольно значущъ. Липарское десертное вино, по близости острова сего имени, здѣсь продается за безцѣнокъ; оно заставило насъ позabyтъ дурной обѣдъ здѣшней гостиницы. — Мы оплыли тотчасъ послѣ обѣда, при легкомъ попутномъ вѣтрѣ. Здѣшняя гавань, которая можетъ помѣстить большой флотъ, совсемъ пуста и въ иныхъ мѣстахъ завалена. Мы не подошли еще къ мысу *Росокольму*, какъ вѣтеръ уже насъ оставилъ. На семь миль былъ городъ *Наулохіуидъ*, — и близъ него, храмъ *Діаны Факелины*, такъ прозванный по той причинѣ, что сія богиня изображалась, въ самомъ началѣ, съ факеломъ въ рукахъ. Силій Ипаликъ, въ книгѣ XIV, называетъ *Діану Факелину: Ооасскою*, (1) по имени жреца *Діаны Тавритской*; ибо, увѣряюшъ, что сюда перенесена была Оресномъ гуозная статуя

---

(1) Mylle, Thoanteac sedes. Facelina divae.

сей богини, по опшлыпїи его изъ Тавриды съ се-
строю своею, Иѣгиніею, и съ другомъ своимъ
Пиладомъ. (1)

Во всю ночь, мы обходили мысъ *Расокольмо*.
(2) Сонъ меня оставилъ за-долго еще до разсвѣта;
воображеніе мое было слишкомъ разгорячено; уже
синѣли въ туманѣ берега Калабріи; мы уже неда-
леко находились опть знаменитаго мыса Пелора,
опть пролива Фаросскаго, опть алчныхъ чудовищъ
Сциллы и Харибды; попокъ моря дѣлался, съ ча-
су на часъ, порывистѣе, и шупъ, уже самъ шки-
перъ взялся управлять рулемъ. Мнѣ казалось, что
я слышу Геленовы совѣты Энею:

„Ast, ubi digressum Siculae te admoverit orae
„Ventus, et angusti rarescent claustra Pelori,
„Laeva tibi tellus, et longo laeva petantur
„Aequora circuitu; dextrum fuge litus, et undas.

(Aen. Lib. III.)

„Когда же вѣпръ приблизитъ тебя къ брегамъ
„Сициліи, и проливъ Пелорскій начнетъ прояс-
„няться,—спрашисъ береговъ и волнъ правой спо-
„роны и доспигай, большимъ обходомъ, земель ле-
„жащихъ на-лѣво.“ (3)

---

(1) См. Pomp. Sabinus. Comment. ad. Virg. Aen. lib. II. et Cluv. Sic.
ant. p. 304.

(2) Сей мысъ названъ по имени Сарацинскаго корсара; на немъ
стоитъ сторожевая башня того же имени, куда обыкновенно
прислаивали корсары.

(3) Это припаровлено къ плаванію Эпса, изъ Греціи.

Мракъ рѣдѣлъ, первые лучи солнца блеснули изъ за темно-синихъ горъ Калабрін, когда я увидѣлъ въ первый разъ, знаменитый *Фаросъ*, спраш- ный проливъ моря, раздѣляющій Сицилію отъ Италіи—и наконецъ, выходящую изъ береговъ сей послѣдней, черную скалу, въ которой топчась взоръ узнаетъ ужасную Сциллу: *Dextrum Scylla la- tus, la evum implacata Charybdis*. Туманная занавѣса дали не позволяла ясно видѣть сіе спрашнмище мореходцевъ. „Я плыву по слѣдамъ Одиссея и Энея,“ думалъ я про себя — и предавался своевольному воображенію . . .

Берегъ, вдоль коего мы плыли, образованъ Пелорскими горами; онѣ названы именемъ несча- спнаго кормчаго Аннибала. Сей полководецъ, бѣ- жавшій изъ Африки въ Сирію и занесенный бурей въ Тирренское море, приведенъ былъ въ боль- шое смущеніе, отъ опасенія слѣдовать обратнымъ пушемъ, на которомъ могъ онъ понаспѣху въ руки Римлянъ. Опытный кормчій его, Пелоръ, безпрестанно спрашпвовавшій по окружнымъ морямъ, предложилъ ему провезти его сквозъ проливъ, отдѣляющій Сицилію отъ Италіи; (про- ливъ сей былъ тогда еще мало извѣстенъ, отъ ужаса, вселяемаго Сциллою и Харибдою) Аннибалъ согласился: — но когда увидѣлъ, обманутый сво- имъ зрѣніемъ, близость горъ Сициліи съ го- рами Италіи, то не хотѣлъ вѣрить раздѣленію, существующему между ими — и полагая себя пре- даннымъ измѣною, непріятелямъ, умеривъ сво-

его кормчаго. Вскорѣ, увидя грубую свою ошибку, сильно раскаялся въ своемъ преступленіи и воздвигнулъ несчастному Пелору спашую на семь саомъ мѣстѣ; оупъ чего, прибрежныя горы сіи и прилежащій къ нимъ мысъ, названы его именемъ. (1) Между тѣмъ, мы начинали уже обходитьъ песчаный мысъ, на которомъ спонипъ, довольно скромная по славѣ своей, башня съ маякомъ, называемая общимъ именемъ: *фаросъ*. Здѣсь возвышался нѣкогда храмъ Неппуновъ, коего послѣдніе слѣды, нѣсколько лѣтъ пому назадъ, совершенно исчезли. Легкій вѣтеръ дѣлалъ неопаснымъ наше плаваніе, но не менѣе того, порывистое круженіе волнъ при поворотѣ въ проливъ, было очень сильно и наша сперонара, приведенная въ чрезвычайное движеніе, едва не была увлечена силою попока къ берегамъ Калабріи, гдѣ ожидаютъ плавателей ужасныя скалы Сциллы. Наши Мессинскіе мореходцы, чрезвычайно дерзкіе во всѣхъ случаяхъ, невольно обрапили тогда все вниманіе на управленіе судномъ; съ величайшимъ шрудомъ они придерживали его почии къ самымъ берегамъ фаросскаго мыса и ускользнули оупъ попока. Такимъ образомъ, не смопря на гнѣвъ Сциллы, вошли мы въ Мессинскій проливъ и приближались къ городу. Я не упоминаю еще здѣсь о Харибдѣ, ибо сіе другое чудовище находится при выходѣ изъ канала въ Іонійское море. Необыкновенное стремленіе волнъ, прошиву котораго едва могъ дѣйствоватьъ

---

(1) Pomp. Mela. lib. II. c. 5. et Val. Maxim. I. VIII. c. 8.

руль, заставило насъ приблизиться къ берегу и претоватъ пособія воловъ, копорые медленно повлекли насъ вдоль ландшафтныхъ береговъ, мимо веселыхъ селеній, построенныхъ въ тѣни апельсинныхъ деревъ, — и вскорѣ мы входили уже въ Мессинскую гавань. Знаменистая гавань сія образуется песчаною косою, закругленною возлѣ самой пучины Харибды, копорая находится извнѣ. Это тѣ мысъ защищенъ сильными укрѣпленіями, состоящими изъ бастіоновъ *Харибды*, *фароса Мессинскаго*, изъ вѣрпоспцы *Св. Сальвадора* — и главной цитадели, — о чемъ я буду говорить по-дробнѣе при описаніи *Мессины*.

Видъ Мессины пѣнистеленъ; городъ, окруженный апельсинными роцями, представляется на высокихъ холмахъ, склоняющихся амфитеатромъ къ великолѣпной набережной; каждый холмъ имѣетъ особенное карпинное положеніе; надъ ними господствуютъ вершины Пелора, на коихъ, слѣдуя преданіямъ, поселились первые обитатели Сициліи.

Воображая видѣть древній городъ, путешественникъ крайне удивленъ зрѣлищемъ новѣйшей архитектуры; почти вся набережная занята однимъ великолѣпнымъ зданіемъ, называемымъ: *Палата*. Это уже не древній *Занклѣ*, и даже, такъ сказать, не *Мессина*; спрашныя землетрясенія низпровергли ихъ зданія, — а на прахъ ихъ, возносился новый городъ, и, можетъ быть — новая жертва! Шумныя толпы купцовъ и мореходцевъ

покрывали всю набережную, осѣненную мачтами кораблей, стоящихъ возлѣ самаго парапета. Гористые берега Калабріи, отдѣленные проливомъ на разстояніе прехъ Италіянскихъ миль, соотвѣпспивуютъ веселой и живой сторонѣ Мессины; густыя рощи покрываютъ ихъ скапы; а въ концѣ пролива — бѣлѣетъ городъ *Реджіо*. Безчисленныя сперонары лепаютъ безпрестанно отъ одного берега къ другому. Я не спану описывать теперъ Мессины, предоспавляя это на возвратъ мой въ сей городъ; а теперъ, быстро перенесу чипателя въ Сиракузы, куда мы опспавились послѣ пріятнаго чепырехъ-дневнаго опдохновенія въ спѣнахъ богатой Мессины. Мы опплыли въ первой сперонарѣ, опсправлявшейся въ *Аги-Реале*, гдѣ надѣялись найти потчасъ другую, — въ Сиракузы. Не спану также описывать теперъ поэпического берега, проспирающагося отъ Мессины до Сиракузъ, ибо, возвращаясь сухимъ путемъ, могу подробнѣе расказать объ немъ.

Конецъ I-й части.

Серебряная медаль Сатурния.

Панорамы.

Антиквита.

Гелиос.

